

«Петербургский дневник» представляет

**Николай
Коняев**

Немецко-фашистские захватчики обрушили на Шлиссельбургскую крепость бесчисленные снаряды и бомбы, но древние стены, скрепленные веками русской истории и духовности, помогли выстоять нашим героическим защитникам в этой страшной схватке.

Непобежденная крепость

Писатели на войне, писатели о войне

Николай Михайлович Коняев

Непобежденная крепость

Серия «Писатели на
войне, писатели о войне»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18481780

*Непобежденная крепость: Информационно-издательский центр
Правительства Санкт-Петербурга ОАО «Петроцентр»; Санкт-
Петербург; 2015
ISBN 978-5-91498-069-3*

Аннотация

Орешек, Нотебург, Шлиссельбург... Этой крепости, когда к ней подступили в 1941 году немцы, исполнилось уже шесть веков, но она вступила в бой и, захватчики так и не сумели одолеть ее. Древние стены, скрепленные веками русской истории и духовности, сумели выдержать обрушившуюся на них огневую мощь врага. О подвиге защитников Шлиссельбурга, о героической, но такой не простой судьбе старинной крепости, о чудесах и загадках ее истории, неотделимой от истории всего нашего государства и рассказывает эта книга.

Содержание

I	4
II	11
ПРОЛОГ	11
Глава первая	14
Глава вторая	34
Глава третья	57
III	82
Глава первая	82
Глава вторая	100
Глава третья	145
Глава четвертая	180
Глава пятая	203
IV	238
V	283
VI	289

Николай Коняев

Непобежденная крепость

I

ВСТУПЛЕНИЕ

ПАСХА 1945 ГОДА

Сколько прочитано книг о войне! Воспоминания и романы, исторические исследования и сборники документов... И все равно получается, что о самом главном так и не знаешь еще.

Нет... Многое из того, что написано, верно.

Да, прямо с колес, порою даже и не прикрывшись от дождя и снега, начинали работать эвакуированные заводы... Да, насмерть стояли советские солдаты и в Бресте, и под Смоленском...

И причины наших неудач тоже известны: незавершенное перевооружение армии, врасплох заставшая нас война... А с другой стороны – работающая на Германию промышленность всей Европы, накопленный немецкими солдатами и генералами боевой опыт.

Все это понятно.

Но как понять, как объяснить, почему вышедшие на трам-

вайную остановку – и трамвай ведь шел прямо в центр города! – немцы застряли на этой остановке на два года, да так и не сумели взять Ленинград?

Конечно, защитники города проявили чудеса мужества и героизма, но разве у бойцов, оборонявших Брест, Киев или Смоленск, не было мужества? Разве мало геройских подвигов совершили солдаты разгромленных немцами по пути к Ленинграду дивизий и корпусов?

А под Москвой? Прорвав все линии обороны, танковые колонны немцев вырываются на Волоколамское шоссе, и только горстка панфиловцев прикрывает столицу, но эта рота и останавливает немецкие полчища – всю ту фашистскую армаду, которую не могли остановить наши армии, polegшие на московских рубежах!

И уж совершенно непостижимо случившееся в Сталинграде. Легко пройдя тысячи километров, гитлеровцы не сумели пройти последние десятки метров до Волги.

Непостижимо!

Можно, разумеется, рассуждать: дескать, на первом этапе войны «перемалывалась» немецкая военная мощь... Но в этом рассуждении стремления создать хоть какое-то подобие объяснения, пожалуй, больше, чем здравого смысла. Разумеется, немцы несли тяжелые потери. Но разве можно сравнить их с первоначальными потерями, которые несла Советская армия? И разница тут не в два, не в три раза, а в порядки! Советскому Союзу, как объясняют некоторые историки, лег-

че было восполнить свои потери?

Ну а как же быть тогда с Ленинградским фронтом, где немецкие войска и снабжались нормально, и доукомплектовывались, а защитники города в это время гибли от голода, от непрекращающихся бомбардировок и обстрелов? А как же быть с осенью 1942 года, когда, потеряв гигантские промышленные районы, по своему потенциалу Советский Союз начал уступать Германии, ставшей еще могущественнее, чем в начале войны? Увы... Ничего не объясняет теория «перемалывания» в столь непостижимо совершившемся переломе хода войны.

Но, быть может, и не нужно искать объяснений там, где их нет?

Попробуем понять, кто и с кем сражался на войне, которая по праву названа Великой Отечественной.

Германия и СССР? Фашизм и коммунистическая идеология?

Эти альтернативы не только не способны объяснить чудо, которое объективно содержится в нашей Победе, но и не полностью отражают даже самую реальность войны.

Попробуем же взглянуть на факты, не замуривая глаза от того небесного света, которым наполнены они. Вспомним, что началась эта война 22 июня 1941 года, в День Всех Святых, в земле российской просиявших. А закончилась – 6 мая, на День памяти Георгия Победоносца, потому что на следующий день, 7 мая, Германия подписала в Реймсе предвари-

тельный протокол безоговорочной капитуляции. И выпало 6 мая 1945 года на Светлое Христово Воскресение... Совершенно другая, осиянная небесным светом война открывается перед нами, когда мы располагаем ее даты в соответствии с церковным календарем. И можно приводить тысячи объяснений, почему Гитлер выбрал для начала войны 22 июня, но они не способны заслонить самый главный смысл – именно в День памяти Всех Святых нанес оккультный рейх свой главный удар. И целью этого удара был не только коммунистический режим, не только захват новых земель, но прежде всего – сокрушение православной Руси... Конечно, далеко не все в Германии и очень немногие в России именно так и воспринимали эту войну.

Но это возражение ничего не опровергает.

Точно так же, как и рассуждение о борьбе с православием, которую в самом СССР остервенело вела ленинская гвардия.

Да, вела...

Но так и не смогли интернационалисты-ленинцы победить укоренившееся в русском языке и национальном характере православие. Чтобы победить его, мало было взрывать храмы и расстреливать священнослужителей. Для этого необходимо было уничтожить сам русский народ. И именно поэтому силы зла вместо не справившихся с задачей большевиков и избрали орудием борьбы с православной Россией оккультный Третий рейх.

К сожалению, мы мало пока знаем об этой войне...

Существует предание, которое приводит в книге «Заступница Усердная» иеромонах Филадельф, о явлении митрополиту Гор Ливийских Илие самой Божией Матери. Богородица открыла тогда, что должно быть совершено в России. Она указывала, что необходимо возобновить по всей стране богослужения... Обнести вокруг Ленинграда чудотворную икону Казанской Божией Матери... Совершить молебен перед этой иконой в Москве... Икона должна побывать и в Сталинграде... Митрополит Гор Ливийских Илия немедленно связался с представителями Русской православной церкви и советского правительства и передал то, что было положено передать.

Это, возможно, предание...

Но есть и факты. Мы знаем, что И.В. Сталин действительно прекратил гонения на православие, укоротив ретивых атеистов-коминтерновцев. Мы знаем, что повсюду начали открываться храмы, было восстановлено полноценное патриаршее управление Русской православной церковью.

И крестный ход совершили в Ленинграде, и в Москве отслужили большой молебен перед Казанской иконой Божией Матери, и – это не метафора, а объективная реальность! – произошла материализация Всех Святых, в земле российской просиявших...

Тогда танковые колонны и боевые самолеты приняли на себя имена русских святых, тогда ордена наших святых благоверного князя Александра Невского, праведного Федора

Ушакова засияли на груди наших генералов и адмиралов!

И не поэтому ли и происходило немислимое?

Не успевшие усестся в трамвай гитлеровцы словно в оцепнении замерли перед окруженным со всех сторон городом... Внезапно ударившие морозы сковали изготовившиеся к последнему прыжку на Москву стальные армады... Уже немецкие солдаты видели волжскую волну, но не могли пройти последние метры – словно незримая стена вставала перед ними. И это было так же непостижимо, как и церковь Иконы Казанской Божией Матери, что продолжала стоять среди обращенного в руины Сталинграда. Мало кто вспоминает, что именно на Казанскую икону Божией Матери и завершили Г.К. Жуков и А.М. Василевский подготовку плана контрнаступления под Сталинградом, в ходе которого, впервые с начала войны, удалось сосредоточить в районе наступления десять общевойсковых, одну танковую и четыре воздушные армии. Такую мощную силу невозможно было не заметить, но – это тоже впервые с начала Великой Отечественной войны! – немецкое командование не заметило ничего.

И разве случайно, что самое крупное танковое сражение, под Прохоровкой, ставшее переломным в ходе Курской битвы и всей Великой Отечественной войны, попало на 12 июля 1943 года – на День памяти первоверховных апостолов Петра и Павла?

Конечно нет!

Как и сама Победа, выпавшая на 6 мая 1945 года, на Свет-

лое Христово Воскресение, на День памяти Георгия Победоносца.

Это и есть Божие чудо – дарованная нам Победа.

II НЕСДАВШАЯСЯ КРЕПОСТЬ

ПРОЛОГ

9 сентября 1941 года командующего 1-й дивизией НКВД полковника Семена Ивановича Донскова вызвали к телефону. Звонил новый – это назначение состоялось 5 сентября! – командующий Ленинградским фронтом маршал Климент Ефремович Ворошилов.

– Кем занята крепость Орешек? – первым делом спросил он.

«Полковник Донсков, как мне позднее рассказал начальник разведки Карлов, ничего определенного ответить не мог, – пишет в своих воспоминаниях З.И. Бродский. – О существовании этой крепости на Ореховом острове в устье Невы в дивизии словно бы забыли»¹.

Ночью по приказу комдива к крепости двинулись тринадцать лодок с бойцами. Возглавляли их командиры взводов: пулеметного – старшина Кондратенко, стрелкового – младший лейтенант Охлоповский. Проводником назначили мо-

¹ Бродский З.И. Если приказано // Рубежи нашей молодости. – Л.: Лениздат, 1991. – С.19-20.

ряка М.А. Ганина, ранее бывавшего в крепости и хорошо знавшего ее расположение.

Пасмурным сентябрьским рассветом подошли к Орешку. Лодки на всякий случай оставили в укрытом месте. Осторожно обошли крепость.

Воинских частей в ней не оказалось.

Никого не было на острове: ни советских бойцов, ни гитлеровцев.

В дивизии с нетерпением ждали результатов разведки.

Зато вся крепость, подобно громадной пороховой бочке, была забита взрывчаткой, глубинными бомбами, ящиками со снарядами. Достаточно было одного тяжелого снаряда, чтобы она перестала существовать.

Семен Иванович Донсков, связавшись с командующим фронтом, доложил о результатах разведки.

– Без проволочек занимайте крепость, – приказал маршал Ворошилов. – Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы враг вас опередил.

В ночь с 10 на 11 сентября с правого берега Невы начали переправляться в крепость стрелковые роты, минометный и пулеметный взводы.

Высадившиеся на острове бойцы шли к мрачной громаде крепости и исчезали в черноте ее ворот.

Пробравшись сквозь непроглядный мрак прохода, они попадали на открытую площадь, посреди которой возвышался храм Пророка Иоанна Предтечи.

Солдаты не знали, разумеется, во имя кого выстроена эта церковь, и, скорее всего, очень смутно представляли себе, кто такой вообще был пророк Иоанн Предтеча...

Но это ничего не значило.

Они пришли сюда защищать этот остров, эту крепость и эту церковь.

И произошло это 11 сентября 1941 года – в День Усекновения главы Иоанна Предтечи...

Глава первая

РОКОВЫЕ ДНИ

*Учи же меня! Всенародным ненастьем
Горчайшему самозабвению учи.
Учи принимать чашу мук – как причастье,
А тусклое зарево бед – как лучи!*

Даниил Андреев

Наверное, ни к одной войне не готовилась наша страна так, как к этой, ни одну войну не ждали так – и все равно ни одна война не была столь неожиданной для нас, ни к одной войне еще не были мы так не готовы, как к той, что началась в ночь на 22 июня 1941 года, на церковный праздник Всех Святых, в земле российской просиявших...

24 июня немцы вошли в Вильнюс.

26 июня взяли Даугавпилс.

28 июня – Минск.

29 июня – Лиепаю.

1 июля – Ригу.

10 июля немцы овладели Псковом.

Этим числом, когда 4-я немецкая танковая группа двинулась в направлении Луги и Новгорода, и отсчитывается начало сражения за Ленинград.

В целом группа армий «Север», в которую помимо 4-й танковой группы входили 16-я и 18-я армии и 1-й воздушный флот, насчитывала до полумиллиона солдат. Командовал ими генерал-фельдмаршал Вильгельм фон Лееб.

Уже 12 июля немцы вышли к Лужскому укрепленному району, но здесь завязались кровопролитные бои. Только 15 августа, пробившись через заболоченную местность, немцы обошли Лужский укрепрайон с запада и, форсировав у Сабска реку Лугу, вышли на оперативный простор.

Одновременно ожесточенные бои развернулись на рубеже Порхов – Новгород, на фронте 11-й и 27-й советских армий, оборонявшихся против 16-й немецкой армии. Обе советские армии отошли к Старой Руссе и Холму.

14 августа немцы овладели Новгородом, 20 августа взяли Чудово, перерезав Октябрьскую железную дорогу, связывающую Ленинград с Москвой.

1

Формирование 1-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД, частям которой в ближайшие недели предстояло оборонять шлиссельбургский участок фронта, началось 22 августа 1941 года.

Согласно приказу № 0027 в дивизию вливались военнослужащие упраздненных немецким и финским наступлением 7-го Кингисеппского, 33-го Выборгского и 102-го Эли-

сенваарского пограничных отрядов, окружная школа младшего начальствующего состава ленинградского гарнизона войск НКВД, а также сотрудники общей следственной тюрьмы тюремного отдела УНКВД по Ленинградской области. Командиром дивизии назначили полковника Семена Ивановича Донскова, бывшего начальника 102-го Элисенваарского погранотряда.

Формирование еще не было завершено, когда, захватив станцию Мга, немцы перерезали железнодорожное сообщение с Ленинградом и по Кировской железной дороге. Военный совет Ленинградского фронта принял тогда решение немедленно ввести дивизию в бой.

Считается, что дивизии был придан дивизион 152-миллиметровых гаубиц из 577-го корпусного артиллерийского полка, а также две роты танков Т-26 и КВ-1, но непосредственные участники боевых действий утверждают, что полки получили всего по два орудия и только по пять – вспомните о ящиках со снарядами, которыми был заставлен двор Шлиссельбургской крепости! – снарядов к ним.

Тем не менее боевая задача отбросить противника от Мги и выйти в район Войтолово – Сологубовка – Турышкино – Вороново, где следовало занять прочную оборону, была поставлена, и переправившийся на левый берег Невы 2-й стрелковый полк уже 29 августа 1941 года вступил в бой с частями немецкого 90-го пехотного полка на окраинах Мги.

Но, разумеется, удержаться на станции со своими деся-

тью снарядами полк не сумел. Утром 6 сентября на участке фронта, который прикрывала 1-я стрелковая дивизия внутренних войск НКВД, был произведен массированный авианалет. Участвовало в нем 300 немецких самолетов. Бомбардировщики шли волнами, сменяя одну другую, в течение всего дня.

Потом двинулись немецкие танки.

7 сентября к 11 часам утра немцам удалось разрезать отступающие части дивизии: одна часть дивизии вынуждена была отступить на восток, другая оказалась оттеснена к Неве.

«Бои на невском левобережье приближались к Ладоге. Весь день 7 сентября со стороны 8-й ГЭС доносилась артиллерийская канонада. Вражеская авиация бомбила Шлиссельбург, загорелось несколько домов... – вспоминал командир роты народного ополчения Дмитрий Кононович Фокин. – К вечеру наблюдатели мне доложили: десятка три вражеских танков, двигаясь к Шлиссельбургу, сгруппировались на Преображенском кладбище. Я связался с командиром расположенной поблизости артиллерийской батареи, информировал его о происшедшем, попросил ударить по танкам.

– Не могу, – сказал старший лейтенант. – Кончились боеприпасы»².

² Фокин Д.К. Мы – кировцы // Рубежи нашей молодости. – Л.: Лениздат, 1991. – С.70.

Такой картина боя за Шлиссельбург представлялась с правого берега Невы, а вот как описывает эвакуацию из Шлиссельбурга ее непосредственный участник военком штаба 1-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД Зиновий Исакович Бродский: «Весь вечер 7 сентября и всю ночь на 8 сентября сюда (на пассажирскую и угольную пристани) подавались баржи.

Огромным факелом пылала ситценабивная фабрика. Пламя вырывалось из всех окон. Горели дома.

Около трех часов ночи к угольной пристани подошла очередная баржа. Дежурный диспетчер Шлиссельбургской пристани Терещенко доложил мне, как старшему командиру на переправе, что это последний транспорт, на котором необходимо переправить через Неву оставшихся людей и технику. Не теряя даром ни одной минуты, бойцы погрузили на баржу два 45-миллиметровых орудия, несколько ручных пулеметов, две грузовые автомашины и около шестидесяти человек личного состава, большей частью раненых.

Около четырех часов утра наша баржа на буксире у мощного катера покинула Шлиссельбург. С большим трудом преодолели довольно сильное течение Невы в этом районе. Уже начало светать, когда мы неподалеку от Шлиссельбургской крепости причалили к правому берегу».

Тем не менее, судя по воспоминаниям, это был все-таки не самый последний транспорт из Шлиссельбурга.

7 сентября к горящему Шлиссельбургу прорвалась полуторка с молодежной агитбригадой Ленинградского Дома Красной армии, работавшей на фронте. Не доезжая восьми километров до Шлиссельбурга артисты остановились, понимая, что днем туда ехать нельзя. Стояли на берегу канала до темноты.

В результате в Шлиссельбург они въехали последними.

Кругом на улицах лежали убитые.

Город горел.

Встретился какой-то моряк.

– Где переправа?!

– А вы что? Гарнизон ушел! Давайте обратно!

– Нет, мы – в Ленинград!

– Ну, тогда быстро!

«Всю дорогу нас освещали ракеты, – вспоминал руководитель молодежной агитбригады старший политрук А.П. Сазонов. – Там очень крутой спуск, метров семьдесят, к пристани. Баржа, в ней восемь человек: «Мы весь гарнизон Шлиссельбурга!» Грузимся. Тут немецкие самолеты бросают бомбы – они поверху, на дороге ложатся. Шофер нашей машины Павел Иванович Романов – из Ленинградского Дома Крас-

ной армии, боец, с тридцать третьего года не имел ни одной аварии, был на финской, знает весь репертуар. Здоровый, краснощекий, сероглазый, за время наших скитаний отпустил усы. Ну, спокойствия полон прямо-таки эпического! наших девушек успокаивает: «Ничего, и теперь аварии никакой не будет!.. Вот плохо, что Шлиссельбург сдаем! Ведь последними из него уходим!» Машина наша уже в барже, а часть людей еще на берегу. Романов машину поставил, за нами наверх прибежал. А тут, на пристани – несколько тысяч снарядов. А нас бомбят! Мы боялись, что начнут рваться!.. Эти снаряды погрузить уже некому!

Наконец и мы на барже.

– Долго ли еще? Часа полтора стоим!

– Ну, разве придет катер, когда самолеты летают? Улетят – тогда он придет! Стояли часа четыре. Как на плахе. На небо смотрим. Самолеты кружились непрерывно. Наконец затишье. Катер, а в нем – три краснофлотца и три женщины. «Почему долго? И почему женщины?» Моряки усмеваются: «А это наши жены, умирать вместе решили!»

В их усмешках – явное презрение к смерти!

Только прицепятся к нашей барже – налетает самолет. Они отцепятся – и в укрытие, а баржу бросают. В этот день там потопили другую баржу, и мы того же боялись.

Лунная ночь. Бомбы в баржу не попадают, попадают рядом. Шлиссельбург горит, и немцы в пожар бомбы бросают.

Переправа через Неву длилась два часа. Завыли бомбы,

всюду вспышки огня – сериями, пять-шесть бомб по берегу. Самолет нам виден, он от луны заходы делает. Зенитки наши уже не бьют!..

Когда покидали Шлиссельбург, никто не представлял себе ясную общую обстановку, и было невдомек, что мы чуть ли не последние свидетели трагического для Ленинграда события – в самый момент его возникновения, в первые часы его – начала ленинградской блокады. Ибо город оказался в блокаде тогда, когда наша баржа (последняя!) отвалила от пристани Шлиссельбурга в предрассветный час 8 сентября 1941-го...»

Интересны в этих воспоминаниях не только подробности неразберихи отступления...

И командир роты народного ополчения Дмитрий Кононович Фокин, наблюдающий за боем с правого берега Невы и узнающий, что на артиллерийской батарее нет снарядов, чтобы ударить по скоплению немецких танков, и политкомиссар Зиновий Исаакович Бродский, который, будучи старшим командиром на переправе, забыл на пристани «несколько тысяч снарядов», и актеры, которые, ожидая последнего катера, чувствовали себя на этих забытых снарядах «как на плахе», даже не заметили стоящей рядом, на Ореховом острове Шлиссельбургской крепости.

Ее как бы не существовало, и не только в их мыслях и планах, но она не попадала и на глаза им, хотя они и провели на берегу Невы в Шлиссельбурге несколько часов.

Поразительно, но и с другого берега реки, когда уже рассвело, тоже, как мы уже рассказывали, как будто не видели крепости!

Весь день командование 1-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД доукомплектовывало ослабленные полки, включая в их состав разрозненные соединения, переправившиеся с левого берега, занималось созданием оборонительного рубежа от деревни Кошкино до Невской Дубровки...

И только когда на следующий день, 9 сентября, полковник Семен Иванович Донсков получил конкретный приказ маршала Ворошилова, в Шлиссельбургскую крепость была отправлена разведка.

4

Понять, как наши военные забыли о крепости, невозможно, даже учитывая все реорганизации, что начиная с 1939 года происходили в Шлиссельбургской крепости...

Тогда в связи с осложнившейся международной обстановкой музей в крепости был закрыт.

Осложнившаяся международная обстановка – это подготовка к войне с Финляндией.

Советско-финская граница проходила в 1939 году по Ладожскому озеру, и в соответствии с договорами вооруженных сил у СССР здесь не было. Но при подготовке к войне эту несправедливость решено было ликвидировать.

Сформировали военную флотилию в октябре 1939 года – и главной базой определили Шлиссельбург. В крепость, как двести лет назад, вернулись военные, а экспонаты филиала вывезли в Музей Октябрьской социалистической революции...

Это внешняя канва событий.

Была, однако, и мистическая составляющая. В предвоенные годы, когда Россия начала выходить из исторического тупика, в который ее загнали пламенные революционеры-интернационалисты, снова вставала в строй и старинная русская крепость.

Интересно, что летом 1939 года в районной газете Шлиссельбурга появилась статья А.И. Румянцева «Из истории города Шлиссельбурга и крепости», которая впервые отрывала крепость от унылого тюремного прошлого...

«В итоге войны со Швецией в 1808-1809 годах к России присоединяется Финляндия, – писал автор, – после чего крепость и город Шлиссельбург теряют свое военно-стратегическое значение, так как Ладожское озеро стало внутренним русским водным бассейном»³.

Еще не началась война, но задачи предстоящей войны формулировались достаточно четко.

В духе предстоящей мобилизации проходило в 1939 году и празднование Дня Военно-морского флота СССР в Шлиссельбурге.

³ *Авангард*. – 1939. – № 67.

«Прохладное бодрое утро. Волнисто-облачное небо. Легкий ветер колышет разноцветные флаги, украшающие трибуну. Одиннадцать часов... заново переживая волнения и радости прошедшего праздника, писал корреспондент местной газеты «Авангард». – В полной боевой готовности выстроилась санитарная дружина города. Снова гремит оркестр, и на площадь выступает колонна рабочих, служащих инженерно-пионерского форпоста с красиво оформленными портретами членов политбюро...

Шестнадцать часов тридцать минут. Раздается гул моторов. Это идут катера Н-ского погранотряда. С большим интересом смотрят трудящиеся за действиями команд. Каждый командир и краснофлотец точно исполняют свои обязанности. Объявляется химическая тревога. Мгновенно командиры и краснофлотцы в противогазах появляются на палубе. Слышна команда: «Заводи моторы!» Один из катеров на быстром ходу ставит дымовую завесу, под прикрытием которой суда уходят».

5

К сожалению, в реальной жизни все оказалось не так красиво и складно.

Только 10 октября 1939 года, когда до начала боевых действий оставалось меньше двух месяцев, второпях начали формировать саму военную флотилию, а уже 6 ноября перед

нею поставили и первую задачу – перебросить из Шлиссельбурга в Олонку 75-ю стрелковую дивизию.

Эту задачу, благо война еще не началась, флотилия с грехом пополам выполнила, а вот с высадкой десанта в заливе Сортанлакс ничего не вышло из-за отсутствия необходимых для десантирования транспортных судов.

Да и другие боевые задачи, связанные с уничтожением финских кораблей на Ладожском озере и поддержкой огнем флангов наступающих 7-й и 8-й армий, а также уничтожением береговых батарей противника на островах, если и были выполнены, то только частично и отнюдь не силами самой флотилии. Уже в январе 1940 года Ладога встала, и военным морякам пришлось становиться на лыжи.

Анализируя после войны причины неудач, командующий Ладожской военной флотилии капитан 2-го ранга Смирнов отметил в качестве недостатков слабую штурманскую подготовку, отсутствие на кораблях устройств и инструментов для кораблевождения в условиях военного времени, а также незнание командирами театра боевых действий и общую неподготовленность Ладожского театра к войне: «В то время как у нас на Ладожском озере не оказалось ни одной укрытой якорной стоянки, Финляндия создала такие гавани, которые нам даже не были известны».

Финская кампания 1939-1940 годов стала чрезвычайно важным уроком для всего военного руководства СССР. Соответствующие выводы были сделаны, хотя, может быть, и

недостаточно решительные.

И это касалось не только сугубо военных вопросов оснащения и подготовки армии, но и вопросов идеологии и самой разработки системы патриотического воспитания.

Вот показательный пример.

Когда в связи с осложнившейся международной обстановкой закрывали музей в Шлиссельбургской крепости, вместе с другими экспонатами вывезли и установленную в 1902 году на стене церкви Иоанна Предтечи доску с именами русских солдат Преображенского и Семеновского полков, павших при штурме Нотебурга.

Какая-то логика в этом решении была.

Мемориальную доску изготовил заключенный Шлиссельбургской крепости народоволец Антонов, и ее увозили, видимо, как произведение рук героя «Народной воли».

Но, право же, насколько чудовищна эта так называемая логика, насколько несправедлива она по отношению к русской истории!

Мемориальную доску, которая ни художественной, ни исторической ценности не имела, по сути, сняли с могилы героев, имена которых были высечены на ней...

Время прошедшее, время минувшее,
Ты, для потомства в веках утонувшее,
Ты взволновало мне грудь.
Я на могиле. Землей приакрытая
Кости героев, давно позабытыя,

Просят о них вспомнить.
Видел я кости, черепа прострелены,
В челюстях зубы крепки, не потеряны.
Все останки героев собрали
И в новой гробнице, большой, поместительной,
При остановке с почетом внушительной
Снова с молитвой земле их предали,
Окропивши святою водою. Крест водрузили.
Чтоб потомки героев своих не забыли, –

писал в 1902 году протоиерей Иоанн Флоринский, но теперь непререкаемая русофобская логика работников музея опрокинула все его надежды. Имена героев штурма Нотебурга, которые должны были вдохновлять и современных защитников Родины, оказались скрыты от них.

6

Казалось бы, нет прямой связи между деянием, совершенным в 1939 году сотрудниками музея, и неудачами Ладожской военной флотилии, но вспомните о незнании командирами кораблей театра боевых действий, по поводу которого сетовал командующий флотилией, – и связь эта сразу обнаружится.

Да потому и не знали, потому и не сумели узнать, что флотилии пришлось воевать на родной русской Ладоге как будто в чужой стране, где все было неизвестно.

Не только потому, конечно, но и поэтому тоже.

Увы...

Всего два года оставалось до начала страшной войны, а русскую историю по-прежнему продолжали рубить и кромать.

И получалось, что новая советская история провисает в пустоте, которую снова нужно было заполнять обильно пролитой солдатской кровью. Дорого, очень дорого обошлось это всему народу Советского Союза...

7

В 1940 году Шлиссельбургскую крепость переформировали в Военно-морскую учебную базу на Ладожском озере, но 25 июня 1941 года, когда Финляндия вступила в войну с СССР, флотилия была воссоздана как боевое подразделение Балтийского флота. Главную базу ее разместили теперь в Сортанлахти и только 28 августа 1941 года перенесли назад в Шлиссельбург.

С начала войны флотилия успела совершить немало героических дел, связанных с эвакуацией прижатых финнами к Ладоге советских дивизий. Всего за осеннюю навигацию на восточный берег было переброшено свыше 20 тыс. солдат и офицеров и еще более 33 тыс. человек эвакуировано из Ленинграда. Достаточно смело, как это видно по воспоминаниям непосредственных участников переправ, действовали

моряки и на Неве.

Но вот почему командование флотилии даже не попыталось эвакуировать или хотя бы уничтожить крайне ценный боезапас – история весьма темная, и объяснить ее можно только каким-то помутнением сознания.

Во всяком случае, политкомиссар Зиновий Исаакович Бродский в своих воспоминаниях, «чтобы избежать криво-толков о приоритетах», пишет об этой истории с достойной комиссара-чекиста предусмотрительностью: «А затем в Орешек прибыли моряки-артиллеристы 409-й батареи (состояла из двух 76-миллиметровых и четырех 45-миллиметровых пушек) отдельного морского артиллерийского дивизиона. Помнится, личного состава в ней было 55 человек, а гарнизон дивизии составлял в это время 200-250 человек (в него входили стрелковая рота, две батареи 76-миллиметровых и 45-миллиметровых орудий, рота 82-миллиметровых и рота 50-миллиметровых минометов, рота станковых и ручных пулеметов, взводы связи и хозяйственный, медицинская часть). По прибытии в крепость моряки откопали «забытые» на территории Орешка при уходе из него 7 сентября 1941 года прицелы и замки двух 45-миллиметровых орудий и заняли огневые позиции».

Вот так-то!

Моряки уходили из Шлиссельбургской крепости, успев только закопать в землю замки и прицелы с орудий!

Как известно, именно 8 сентября 1941 года немецкие войска вышли с юга на побережье Финского залива в районе Стрельны.

И там тоже – таким неожиданным был прорыв, что даже движение трамваев не было остановлено! – немецкие солдаты, забравшись в вагоны, в принципе, могли въехать в Ленинград на трамвае.

Почему наши военные допустили, чтобы такое стало возможным, понятно: ими владела тогда страшная растерянность. Но вот почему не сумели воспользоваться этой ситуацией немцы, понять труднее. Они в сорок первом году подобных промахов не прощали.

Но странно.

Вышедшие на трамвайную остановку немцы – и трамвай ведь шел прямо в центр города! – застряли на этой остановке на два года, да так и не сумели взять Ленинград!

Вышедшие к пустой Шлиссельбургской крепости немцы тоже так и не смогли взять ее в течение пятисот дней – так и не удалось им запечатать свинцовой печатью «бутылочное горло»⁴.

И ничего не понять тут, кроме того, что на 8 сентября при-

⁴ *Немецкий плацдарм шириной 20 км, упирающийся в Ладогу между Шлиссельбургом и рекой Назией.*

ходится праздник Сретенья Владимирской иконы чудотворной Божией Матери...

Этот праздник установили в 1395 году, когда, после того как перенесли из Владимира в Москву чудотворную икону Владимирской Божией Матери, по неведомой историкам причине остановившиеся на подступах к Москве войска Тамерлана повернули назад и ушли...

Хотя, если разобраться, можно найти еще один церковный праздник, может быть, еще более точно проясняющий смыслы и значения тех сентябрьских дней.

Это 11 сентября – храмовый праздник Шлиссельбургской крепости, День Усекновения главы пророка Иоанна Предтечи. Это тогда в пустую крепость, наполненную снарядами, вошли подразделения 2-го стрелкового полка 1-й дивизии войск НКВД.

Они и стали первым гарнизоном Орешка.

Военные историки единодушны, что положение блокированного Ленинграда и защищающих его войск было бы значительно хуже в случае захвата противником Шлиссельбургской крепости. Под ее прикрытием ударные силы немецких войск смогли бы соединиться с финскими войсками и тем самым полностью замкнуть кольцо блокады Ленинграда.

Почти 500 дней – с 9 сентября 1941-го по 18 января 1943 года – продолжалась воистину героическая оборона крепости, но повторим еще раз: 8 сентября немцы могли войти в крепость, не потеряв ни одного солдата.

Первым комендантом Шлиссельбургской крепости был назначен кадровый пограничник капитан Николай Иванович Чугунов. Вместе с прибывшим в дивизию представителем штаба фронта генералом В.В. Семашко и полковником С.И. Донсковым он сразу же отправился в крепость вступить в командование гарнизоном.

Когда вечером 11 сентября Валентин Алексеевич Марулин, которого назначили комиссаром крепости, прибыл в шлюпке на Ореховый остров, на острове уже налаживалась гарнизонная жизнь.

«Штаб гарнизона разместили в Надзирательском корпусе, – вспоминал Валентин Алексеевич. – Здесь я и познакомился с первым комендантом крепости – капитаном в форме пограничника. Он не просто прочел, а дотошно изучил выданное мне предписание, смерил с головы до ног пристальным взглядом и проговорил с официальным холодком в голосе:

– Идемте ко мне, там и поговорим.

Капитан Чугунов долго, заинтересованно и тактично расспрашивал меня, где я служил в мирное время, где встретил войну, как сложилась личная жизнь. Попутно рассказал и о себе, о своей службе. После этого обстоятельного разговора мы оба почувствовали себя так, будто давно знали друг дру-

га.

Капитан поднялся, дружески улыбаясь, похлопал меня по плечу:

– Ничего, сработаемся, комиссар, найдем общий язык. Должны сработаться: мы же коммунисты, да и пограничники к тому же. Пойдем знакомиться с крепостью.

Меня удивила малочисленность гарнизона. Если враг попытается овладеть крепостью, то для этого ему хватит и одной пехотной роты.

– Через день положение изменится, – проговорил Чугунов».

Глава вторая

ОСТРОВ В ОГНЕ

*– Трудна дорога на Мгу...
Хотел бы дойти – да не могу!
– А ты моги –
Вот и дойдешь до Мги...*

Солдатское присловье

Сразу после того, как 8 сентября немцы замкнули блокадное кольцо, в Ставке было принято решение о создании в Волхове 54-й отдельной армии, основной задачей которой было разломать Шлиссельбургское «бутылочное горло».

На формирование и подготовку новой армии Ставка отвела три дня. Командующим армией назначили маршала Григория Ивановича Кулика.

Уже 10 сентября части армии Г.И. Кулика начали движение от реки Назии в сторону Шлиссельбурга...

1

На Шлиссельбургско-Синявинском выступе полоса обороны немцев не превышала двадцати километров, а оборону здесь держали лишь две немецкие дивизии, и никакого со-

мнения в успехе операции не могло быть, однако тут в дело вмешался Георгий Константинович Жуков, уже приступивший к обязанностям командующего Ленинградским фронтом.

Он добился от Ставки, чтобы 54-я армия прорывала блокаду Ленинграда в районе станции Мга, где оборона немцев была гораздо мощнее, и вообще сделал, кажется, все, чтобы 54-я армия не смогла решить свою задачу.

Г.К. Жуков сам объяснил, чем он руководствовался при этом.

«Условия деблокаживания Ленинграда в сентябре 1941 года требовали, чтобы 54-я армия действовала более энергично и в полном взаимодействии с частями Ленинградского фронта, – вспоминал он. – Однако нам не удалось решить вопросы совместных действий так, как этого требовала обстановка».

Смысл слов «решить вопросы совместных действий так, как этого требовала обстановка» существенно сузится, если мы вспомним о предшествующем признании самого Жукова, что Ленинградский фронт не мог «выделить войска для встречных действий», поскольку все было брошено на главное направление. «Совместные действия» в понимании Г.К. Жукова означали, что 54-я армия Г.И. Кулика должна не прорывать блокаду города, а отвлекать немецкие силы от направления главного их удара, чтобы ослабить нажим немцев под Урицком и Старо-Пановом.

Об этом свидетельствует и телеграфный разговор с маршалом Г.И. Куликом, который состоялся в ночь на 15 сентября 1941 года и который Г.К. Жуков тоже приводит в своих воспоминаниях.

Жуков. Приветствую тебя, Григорий Иванович! Тебе известно о моем прибытии на смену Ворошилову? Я бы хотел, чтобы у нас с тобой побыстрее закипела работа по очистке территории, на которой мы могли бы пожать друг другу руки и организовать тыл Ленинградского фронта... Прошу коротко сообщить обстановку на твоем участке.

Кулик. Здравия желаю, Георгий Константинович! Очень рад с тобой вместе выполнять почетную задачу по освобождению Ленинграда. Также жду с нетерпением момента встречи. Обстановка у меня следующая.

Первое. В течение последних двух-трех дней я веду бой на своем левом фланге в районе Вороново, то есть на левом фланге группировки, которая идет на соединение с тобой. Противник сосредоточил против основной моей группировки за последние два-три дня следующие дивизии. Буду передавать по полкам, так как хочу знать, нет ли остальных полков против твоего фронта. Начну справа: в районе Рабочий посёлок № 1 появился 424-й полк 126-й пехотной дивизии, ранее не присутствовавший на моем фронте. Остальных полков этой дивизии нет. Или они в Шлиссельбурге, или по Неве и действуют на западе против тебя, или в резерве в районе Шлиссельбурга.

Второе. В районе Синявино и южнее действует 20-я мотодивизия, вместе с ней отмечены танки 12-й танковой дивизии.

Третье. На фронте Сиголово – Турышкино развернулась 21-я пехотная дивизия. Совместно с ней в этом же районе действует 5-я танковая дивизия в направлении Славянка – Вороново.

В течение последних трех дней идет усиленная переброска из района Любань на Шапки, Турышкино, Сологубовку мотомехчастей и танков. Сегодня в 16.30 замечено выдвижение танков (более 50) из района Сологубовка на Сиголово, а также отмечается большое скопление войск в лесах восточнее Сиголово и северо-восточнее Турышкино. Кроме того, появилась в этом же районе тяжелая артиллерия. Сегодня у меня шел бой за овладение Вороновом. Это была частная операция для предстоящего наступления, но решить эту задачу не удалось. Правда, здесь действовали незначительные соединения. Я сделал это умышленно, так как не хотел втягивать крупные силы в эту операцию: сейчас у меня идет пополнение частей.

Линия фронта, занимаемая 54-й армией, следующая: Липка – Рабочий поселок № 8 – Рабочий поселок № 7 – поселок Эстонский – Тортолово – Мышкино – Поречье – Михалево.

Противник сосредоточивает на моем правом фланге довольно сильную группировку... Жду с завтрашнего дня пе-

рехода его в наступление. Меры для отражения наступления мною приняты, думаю отбить его атаки и немедленно перейти в контр наступление. За последние три-четыре дня нами уничтожено минимум 70 танков... Во второй половине 13 сентября был сильный бой в районе Горное Хандрово, где было уничтожено 28 танков и батальон пехоты, но противник все время, в особенности сегодня, начал проявлять большую активность. Все.

2

«Из рассуждений Г.И. Кулика, таким образом, следовало, что в течение ближайшего времени его армия наступать не собирается, – писал Г.К. Жуков. – Это нас никак не устраивало, так как положение под Ленинградом становилось критическим. Помимо прямых действий со стороны 54-й армии я рассчитывал также на привлечение авиации этой армии для ударов по важным районам на подступах к Ленинграду. Надо было разъяснить это моему собеседнику».

Жуков. Григорий Иванович, спасибо за информацию. У меня к тебе настойчивая просьба: не ожидать наступления противника, а немедленно организовать артподготовку и перейти в наступление в общем направлении на Мгу.

Кулик. Понятно. Я думаю, 16-17 числа.

Жуков. 16-17 числа поздно! Противник мобильный, надо его упредить. Я уверен, что если развернешь наступление,

будешь иметь большие трофеи. Если не сможешь все же завтра наступать, прошу всю твою авиацию бросить на разгром противника в районе Поддолово – Корделево – Черная Речка – Аннолово. Все эти пункты находятся на реке Ижоре, в четырех-пяти километрах юго-восточнее Слуцка. Сюда необходимо направлять удары в течение всего дня, хотя бы малыми партиями, чтобы не дать противнику поднять головы. Но это как крайняя мера. Очень прошу атаковать противника и скорее двигать конницу в тыл противника. У меня все.

Кулик. Завтра перейти в наступление не могу, так как не подтянута артиллерия, не проработано на месте взаимодействие и не все части вышли на исходное положение. Мне только что сообщили, что противник в 23 часа перешел в наступление в районе Шлиссельбург – Липка – Синявино – Гонтовая Липка. Наступление отбито. Если противник завтра не перейдет в общее наступление, то просьбу твою о действиях авиации по пунктам, указанным тобою, выполняю...

«Эти данные обстановки под Шлиссельбургом у меня тоже имелись, – пишет Г.К. Жуков. – Однако маршал Г.И. Кулик ошибался: действия противника были не более чем попыткой боем разведать нашу оборону. Г.И. Кулик явно не представлял себе или не хотел понять крайнего напряжения обстановки под Ленинградом.

Уже не скрывая раздражения, я сказал:

– Противник не в наступление переходил, а вел ночную силовую разведку! Каждую разведку или мелкие действия

врага некоторые, к сожалению, принимают за наступление... Ясно, что вы прежде всего заботитесь о благополучии 54-й армии, и, видимо, вас недостаточно беспокоит создавшаяся обстановка под Ленинградом. Вы должны понять, что мне приходится прямо с заводов бросать людей навстречу атакующему противнику, не ожидая отработки взаимодействия на местности. Понял, что рассчитывать на активный маневр с вашей стороны не могу. Буду решать задачу сам. Должен заметить, что меня поражает отсутствие взаимодействия между вашей группировкой и фронтом. По-моему, на вашем месте Суворов поступил бы иначе. Извините за прямоту, но мне не до дипломатии. Желаю всего лучшего!»⁵.

Как Г.К. Жуков признается в своих воспоминаниях, во время доклада Ставке Верховного Главнокомандования он не умолчал о разговоре с Г.И. Куликом.

И.В. Сталин обещал принять меры.

Вечером 16 сентября он связался с Куликом по телеграфу и потребовал, чтобы 54-я армия начинала наступление немедленно.

Тем самым операция по деблокаде Ленинграда окончательно превращалась в операцию по отвлечению сил противника с главного направления...

⁵ Жуков Г.К. *Воспоминания и размышления*. – М.: Издательство агентства печати «Новости», 1985. – С. 159-161.

Казалось бы, правота Георгия Константиновича Жукова в данном вопросе безусловна. Зачем прорывать блокаду, последствия которой скажутся только через несколько недель, если уже через несколько часов немцы смогут ворваться в город?!

Однако при более тщательном рассмотрении в принятом Георгием Константиновичем решении обнаруживаются и уязвимые стороны.

Известно, что еще 6 сентября 1941 года Гитлер отдал генерал-фельдмаршалу Вильгельму фон Леебу приказ передать на центральный участок фронта всю 4-ю танковую группу Эриха Гепнера, чтобы «как можно быстрее» начать наступление на Москву. Уже тогда немцами было принято принципиальное решение: во избежание значительных потерь в городских боях брать Ленинград, удушая его блокадой. Тем более что после 8 сентября, когда был взят Шлиссельбург, блокадное кольцо стало реальностью.

Если бы Григорию Ивановичу Кулику удалось прорвать «бутылочное горло» (а возможность этого была более чем реальна в первой половине сентября 1941 года!⁶), Гитле-

⁶ 26 сентября командующий немецкой группой армий «Север» генерал-фельдмаршал фон Лееб выразил сомнение в способности 39-го моторизованного корпуса удержать Шлиссельбург. Чтобы не допустить прорыва блокады, Гитлер

ру пришлось бы, жертвуя предназначенными для штурма Москвы частями, все-таки брать Ленинград штурмом, выдержать который войскам Г.К. Жукова было бы, конечно, очень трудно.

Добиваясь перенацеливания армии Г.И. Кулика на Мгу, а затем и отвлекая ее на решение вспомогательных задач и срывая тем самым, как несвоевременную, деблокаду Ленинграда, Георгий Константинович Жуков с присущей ему стратегической гениальностью решал поставленную перед ним Ставкой задачу – удержать город любой ценой.

Забегая вперед, скажем, что Георгию Константиновичу вскоре удалось добиться полного переподчинения 54-й армии Ленинградскому фронту.

И командующим ее стал – он не освобождался при этом от обязанностей начальника штаба фронта! – генерал-лейтенант Михаил Семенович Хозин. Попытки прорвать блокаду, превратившиеся в настоящий «солдатоповал», продолжались тут и в 1941-м, и в 1942 году, пока Кировский район Ленинградской области не сделался гигантским кладбищем, на котором упокоилось более полумиллиона наших солдат.

И как тут не вспомнить об упреке Г.К. Жукова, адресованном Г.И. Кулику? «На вашем месте Суворов поступил бы иначе!» – говорит он.

То, что маршал Г.И. Кулик не являлся А.В. Суворовым,

срочно перебросил на самолетах под Ленинград 7-ю парашютно-десантную дивизию, а также 250-ю испанскую дивизию и 72-ю пехотную дивизию из Франции.

сомнению не подлежит.

Ну а сам Г.К. Жуков?

С победами тут все благополучно, если только позабыть, какой ценой одерживались они.

Конечно, война – это война, но всегда ли у наших генералов хватало, как у А.В. Суворова, таланта, мастерства, а главное – силы духа, чтобы запросить у противника за жизни своих солдат настоящую цену?

Увы... Георгий Константинович Жуков, которого совершенно справедливо называют маршалом Победы, столь щедро и расточительно усыпал телами солдат дорогу к Победе, что, призадумавшись, не знаешь, какую назвать страну, которая бы потерпела поражение, унесшее столько же солдатских жизней, как эта наша Победа...

4

Определенные усилия для отвлечения сил противника с главного направления в сентябре 1941 года предпринимали и части уже знакомой нам 1-й стрелковой дивизии НКВД.

20 сентября 1941 года дивизия предприняла попытку взять Шлиссельбург.

Но форсировать полноводную реку под непрерывным огнем противника, а затем атаковать врага, действуя через болота и лес, – задача, как справедливо отмечал в своих воспоминаниях Г.К. Жуков, «чрезвычайно тяжелая, можно ска-

зять, непосильная».

Еще сложнее атаковать с воды сплошь укрепленный берег.

Из 7-го полка, форсировавшего Неву в районе гаража, до левого берега добралось около семи десятков бойцов – остальные были расстреляны на реке.

1-й стрелковый полк форсировал Неву на юго-западной окраине Шлиссельбурга, но удержаться не смог – назад, на правый берег вернулись 12 человек.

2-й стрелковый полк пытался овладеть пассажирской пристанью Шлиссельбурга – из двух взводов, которым удалось переправиться, вернулось 19 человек.

Успешнее была переправа в ту же ночь частей 115-й стрелковой дивизии (командир – генерал-майор В.Ф. Коньков) и 4-й бригады морской пехоты (командир – генерал-майор В.Н. Ненашев). Им удалось форсировать Неву в районе Невской Дубровки, захватив на левом берегу плацдарм, получивший название Невский пяточок.

За сутки ожесточенных боев передовой отряд 115-й стрелковой дивизии очистил от противника Московскую Дубровку и захватил плацдарм шириной свыше двух километров и глубиной до полутора километров.

Пяточок этот, по сути дела, превратился в гигантскую братскую могилу. Количество советских солдат, погибших в боях на Невском пяточке, колеблется, по разным подсчетам, от 50 до 250 тыс. Немцы, в свою очередь, потеряли здесь от

10 до 40 тыс. солдат и офицеров убитыми.

Трагичной была и попытка высадить десант в Шлиссельбурге силами Ладожской военной флотилии.

21 сентября операции помешала погода. Из-за сильного волнения рвались буксировочные тросы лодок, и на их поиск и повторное взятие на буксир было потрачено все темное время. Ну а 22 сентября из-за навигационной ошибки – «бутылочное горло» было чрезвычайно узко! – капитан-лейтенант М.Н. Балтачи начал высаживать десант в тылу 54-й армии, потопив при этом двоих бойцов. После возвращения отряда в Осиновец М.Н. Балтачи был арестован и отдан под трибунал.

Днем 22 сентября командующий фронтом Г.К. Жуков в ультимативной форме потребовал «высадить десант во что бы то ни стало», и утром 25 сентября, после еще двух неудачных попыток, командующий Ладожской военной флотилией контр-адмирал Б.В. Хорошхин, получивший очередной разнос от Г.К. Жукова, приказал высаживать десант днем, прямо в лоб противнику.

В десантный отряд входили лучшие разведчики-водолазы и курсанты морского пограничного училища. Все они были высажены в полутора километрах от берега, поскольку из-за валунов катера не могли подойти ближе, и расстреляны тут же, в ледяной воде налетевшими немецкими самолетами...

20 сентября 1941 года – это еще и день огневого «дебюта» Шлиссельбургской крепости. Пушки крепости в этот день начали бить по немецким позициям прямой наводкой.

Результативность обстрела возросла еще и потому, что артналет застал немцев врасплох. Как-то свыклись они с молчащей крепостью и уже не замечали ее, как не замечали ее и наши бойцы и офицеры, отступавшие через Шлиссельбург.

И вот крепость явилась вдруг в своем грозном первоизданном виде.

Обычно этот «дебют» Шлиссельбургской крепости никак не связывают с форсированием Невы, предпринятым в этот день в районе Невской Дубровки. Тем не менее, помешав немцам оперативно произвести перегруппировку сил, орудия крепости существенно поддержали 115-ю стрелковую дивизию и 4-ю бригаду морской пехоты, может быть, поэтому и сумевших закрепиться на знаменитом Невском пятачке.

Немцы были в ярости.

Смертоносная мощь «огня возмездия» изумляла и самих немцев.

«Вот уже сутки стоит красная туча над крепостью, – читаем мы датированную 21 сентября 1941 года запись в днев-

нике немецкого офицера, найденном в Шлиссельбурге. – Десятки наших тяжелых орудий бьют по ней непрерывно. Из-за этой тучи нам не видно стен. Сплошной гром. Мы оглохли от этого шквала. А как они? Во всяком случае, я не хотел бы быть на их месте. Мне жаль их... 13 часов. Наши орудия прекратили огонь. Рассеялась туча. Крепость стоит, как скала с обгрызенными утесами. Опять нам ничего не видно. Русские открыли огонь из крепости. Кажется, их еще больше стало. Не поднять головы – их пули поджидают нас на каждом шагу. Как им удалось уцелеть?»

Ответа на этот вопрос не знали и сами бойцы, оборонявшие крепость.

Да, они не теряли времени в крепости и за неделю сумели убрать в подвалы боеприпасы и обустроить огневые точки в крепостной стене. Здесь были пробиты амбразуры для установки пулеметов. Орудия, минометы и пулеметы разместили с расчетом на круговую оборону крепости, а когда на острове развернулась 409-я морская батарея (командир – капитан П.Н. Кочаненков, военный комиссар – А.Г. Морозов), пять 45-миллиметровых орудий разместили в бойницах Королевской башни. Оттуда, с восьмиметровой высоты хорошо просматривались и простреливались позиции врага.

Подземелье Светличной башни отвели под медицинский пункт. В нижнем помещении башни Головкина вплотную к стенам поставили нары, на которых спали бойцы. В двух нишах по бокам, которые в свое время служили амбразурами,

стояли металлические кровати коменданта и комиссара гарнизона. Для отопления поставили печку, сделанную из железной бочки. Но 21 сентября, когда немцы открыли по крепости «огонь возмездия», рушились здания, крошились крепостные стены, повсюду вспыхивали пожары. От гари и дыма было так трудно дышать, что приходилось надевать противогазы.

6

Первых погибших защитников крепости похоронили в братской могиле русских солдат, штурмовавших Орешек в 1702 году. Похоронили там, потому что торопились, да и негде было хоронить в крепости.

Но как символична эта встреча павших героев 1941 года с героями 1702-го! Комиссар Шлиссельбургской крепости Валентин Алексеевич Марулин вспоминал, что однажды к нему подошел командир пулеметного взвода старшина Кондратенко и задал вопрос, который поставил его в тупик.

– Товарищ комиссар! – сказал старшина. – Две с лишним недели я нахожусь в крепости, но когда и кем она была построена, не знаю. А этим интересуются и другие пулеметчики.

Это очень важный момент в обороне Шлиссельбургской крепости.

Солдаты не хотели умирать, защищая тюрьму, которой

пыталась представить Шлиссельбургскую крепость революционная пропаганда.

Точно так же, как, если говорить в масштабе всей страны, солдаты не хотели умирать за Россию, которую пытались представить тюрьмой народов. Они умирали за свою бесконечно любимую Родину, которая была родным домом и для русских, и для украинцев, и для десятков других народов, населяющих ее просторы.

Валентин Алексеевич Марулин признался тогда, что тоже не имеет никакого представления об истории крепости.

– Попробую разузнать у сведущих людей, – пообещал он старшине Кондратенко и вечером связался с комиссаром полка старшим политруком В.А. Милединым. Тот слыл образованным и отзывчивым политработником, и Марулин надеялся получить у него необходимые сведения.

– Нет, я тоже ничего не знаю о прошлом Шлиссельбургской цитадели! – признался комиссар полка. – Но я обещаю тебе навести справки.

Скоро он сообщил Марулину, что крепость Орешек основана в 1323 году для защиты северо-западных рубежей России. Во время многолетней Северной войны крепость захватили шведские войска. Петр I, прорубивший окно в Европу, отбил крепость у иноземцев, назвал ее Шлиссельбургом («ключ-городом»). Позднее это название получил и левобережный посад.

Сообщение В.А. Миледина похоже не столько на справ-

ку из энциклопедии, сколько на радиограмму, сообщающую насущно необходимые для боевых действий сведения.

– Священна земля, которую мы теперь защищаем, – рассказывал Валентин Алексеевич защитникам крепости. – Будем же достойны своих героических предков, не позволим гитлеровцам топтать Ореховый остров!

И слова эти не пропадали даром.

Бойцы 1-й дивизии НКВД, защищавшие остров, впитывали их, как впитывает в себя долгожданную дождевую воду иссохшая земля.

7

Не так уж и много найдется в России мест, подобных этому продутому студенными ладожскими ветрами островку.

У основанной внуком Александра Невского князем Юрием Даниловичем крепости Орешек – героическое прошлое, и понятно, почему шведы так стремились овладеть ею.

За 90 лет оккупации они перевели на свой язык название крепости – она стала Нотебургом – и укрепили цитадель, но 11 октября 1702 года русские войска разгрызли шведский орех.

Петр I переименовал вставшую в истоке Невы крепость в Шлиссельбург – «ключ-город», объявляя тем самым, что этим ключом он открывает для России выход к Балтийскому морю...

Об этой истории Шлиссельбурга вспоминал и писатель-фронтовик Виссарион Саянов, побывавший в годы войны в крепости Орешек.

«Интересна судьба Шлиссельбургской крепости, или, по старинному, Орешка, – писал он. – История ее когда-нибудь будет написана. Много любопытного прочтем мы на страницах этой объемистой книги! Далеко в глубь веков уйдет повествование... Кто только не дрался за твердыни крепости! Брал ее и Петр I. Навсегда остались памятны его твердые слова: «Зело жесток сей орех был, однако ж, слава Богу, счастливо разгрызен...»

Разгрызли Орешек и сделали в его стенах государеву тюрьму... Могучие непробиваемые стены хранят память и о несчастном Мировиче, и о не менее несчастном царе Иоанне Антоновиче, и о многих других заключенных давних времен. Потом в этой крепости стали заточать русских революционеров, плененных жестоким самодержавием.

Много героических имен вспоминалось нам прежде, когда мы думали о славном былом. Не раз я ездил в Шлиссельбург с большими экскурсиями, осматривая камеры, где проводили долгие годы заключенные, бывал и в помещении, где раньше находились квартиры злых и корыстных тюремщиков...

Росли тогда еще за толстыми стенами деревца, посаженные народовольцами. На местах, где с трудом разводили они свои крохотные огороды, теперь растут огромные лопухи...

Все это ушло далеко-далеко, а новые страницы истории Орешка снова пишутся огнем и кровью...»

8

Все 500 дней обороны крепости немцы не прекращали массированных артобстрелов. Круглосуточно методично обрабатывали они Орешек из дальнобойных орудий и минометов. Каждый день противник выпускал по крепости несколько сотен мин и снарядов. Кроме того, ежедневно около полудня к Шлиссельбургу подходил бронепоезд, который выпускал по крепости больше полусотни снарядов крупного калибра, а затем поспешно уходил на безопасные позиции.

Поначалу, пока бомбы не падали на головы самих немцев на берегу, пробовала работать по крепости и фашистская авиация.

Над островом все время висело бурое облако.

С наблюдательного пункта на колокольне в Шлиссельбурге немцы следили за всем, что делалось в крепости, и открывали огонь, как только замечали движение людей. По сути, гарнизон крепости день за днем, неделя за неделей не выходил из боя.

А ведь нужно было еще пополнять боеприпасы, вывозить раненых, доставлять продовольствие. И все это подвозилось с правого берега Невы. Место переправы находилось под постоянным наблюдением и обстрелом противника. Как толь-

ко немцы засекали лодку, они немедленно открывали огонь из пулеметов, автоматов и минометов!

«В ненастный осенний вечер я оказался на переправе, откуда уходят к Орешку лодки, – вспоминал Виссарион Саянов. – Отсюда до крепости каких-нибудь метров триста, но проплыть это расстояние нелегко, ведь вся трасса простреливается врагом. Сегодня нам повезло... В непогодь фашистские стрелки укрылись в своих убежищах, и мы садимся в лодки, уверенные, что доберемся до крепости без особых затруднений. Гребцы устраиваются на своих местах, скидывают с себя шинели, один парень, особенно сильный, с лицом, иссеченным шрамами, снимает и гимнастерку:

– Как попрём, так жарко станет, словно в адову печь попадем, где черт без перерыва горячее подкладывает... Когда мы пристаём и гребец выходит на берег, он не сразу одевается: ему еще жарко, а мы ежимся от холода и быстро уходим, почти бежим в крепость».

Уже в двадцатых числах ноября по Неве пошла шуга, а в конце месяца река окончательно встала. Морозы доходили до сорока градусов. Пришла и в Шлиссельбургскую крепость зима, которой не видели здесь с екатерининских времен.

Сообщение с дивизией упростилось, но теперь и немцам стало проще подобраться к крепости.

И дули, дули с Ладожского озера ледяные ветры.

Особенно тяжело приходилось бойцам, которые несли службу на огневых точках и наблюдательных пунктах. По-

стоянное недоедание – продовольственный паек порою выдавался в крепости по той же норме, что и в блокадном Ленинграде, – ослабило бойцов. Распространялась цинга, кровоточили десны, распухали ноги.

Усложняло оборону крепости постоянное сокращение боеприпасов.

Артиллеристы, уже расстрелявшие прежний боезапас, теперь вынуждены были стрелять лишь по наиболее важным целям.

И тем не менее, как вспоминает генерал-майор Емельян Васильевич Козик, «артиллерийский огонь из крепости по вражеским батареям, обстреливавшим Дорогу жизни, срывал намерения противника нарушить единственную коммуникацию, связывавшую Ленинград с большой землей. Гитлеровцам не удалось перебросить на Ладогу боевые катера, доставленные из Франции в Шлиссельбург и на Новолодожский канал. Трудно переоценить массовый героизм и самоотверженность защитников Орешка».

И тем не менее даже в стужу и голод первой блокадной зимы защитники крепости сумели по ночам вывезти с острова запасы взрывчатки, из которых потом было изготовлено около 300 тыс. ручных гранат для Ленинградского фронта...

9

Но все-таки еще больше, чем героизм и мужество за-

щитников крепости, сумевших выстоять в таких невероятно трудных условиях, поражает другое.

Когда начинаешь читать воспоминания и документы о событиях, происходивших в крепости Орешек за 500 дней ее обороны, отступает жуть захлестнувшей нашу страну смерти, возникает ощущение, что ты попал на совершенно другую войну.

Нет-нет, потери были...

Вот только несколько записей из боевого дневника крепости.

«15 октября 1941 года. Противник выпустил по крепости 30 снарядов и 50 мин. Выведен из строя расчет 45-миллиметровой пушки – ранено пять человек: В.П. Волков, Звязенко, Бондаренко, А.П. Макаров, Тищенко.

25 октября 1941 года. Противник выпустил по крепости 20 снарядов и 80 мин. Ранены П.П. Ершов и М.А. Ганин».

В списке раненых и убитых защитников крепости, хранящемся в Государственном музее истории Ленинграда, числится 115 человек. Более половины из этого числа защитников Орешка получили тяжелые ранения и были эвакуированы. Несколько десятков бойцов умерли: некоторые – в крепости, другие – в госпиталях, после эвакуации из крепости.

Разумеется, это немалые потери.

Но разве могут они идти в сравнение с «солдатоповалом», например, на том же Невском пяточке, потери в котором за то же время колеблются от 50 до 250 тыс. человек?

Конечно нет...

Разница в счете – в десятки тысяч раз, хотя, казалось бы, боевая ситуация в чем-то и схожа...

И разве только крепость защищала в Орешке наших солдат?

Защищали их еще и полуразрушенный храм пророка Иоанна Предтечи, защищала сама русская история.

Глава третья

КЛЮЧ РУССКОЙ ИСТОРИИ

*И зорче ордена храню
Ту ночь, когда шаги упорные
Я слил во тьме ледовой трассы
С угрюмым шагом русской расы,
До глаз закованной в броню.*

Даниил Андреев. Ленинградский апокалипсис

Странно устроено небо над Шлиссельбургской крепостью...

Словно чистый свет, возникла в этом евангельски простом северном пейзаже 1383 года икона Божией Матери, которую назовут потом Тихвинской.

Отсюда, сопровождаемая толпами ладожских рыбаков и местных крестьян, священников и монахов, женщин и детей, двинулась чудотворная икона к реке Тихвинке, где вырастет монастырь, получивший название Великая лавра Успения Пресвятой Богородицы...

Вглядываясь в кусочек шлиссельбургского неба, вместившегося в уголке затянутого решеткой окна, создавал заключенный Николай Александрович Морозов свое «Откровение в грозе и буре», пытаясь прозреть мистические смыслы Апокалипсиса. И эта гроза над островом Патмос, забушевав-

шая в народовольческом сознании Николая Александровича, выжигала и продолжает выжигать целые столетия из истории России и всего мира...

1

Вглядываясь в снежную мглу, затянувшую ладожское небо блокадной ночью 1943 года, вдруг начал различать «в облачных, косматых, взринутых, из мрака выхваченных волнах» картины совсем другого мира рядовой Даниил Леонидович Андреев...

Герой поэмы Даниила Андреева «Ленинградский апокалипсис» ясно увидел тогда на ладожском льду, что на него «сквозь воронки смотрит полночь, как сатана через плечо».

Как будто глубь загробных стран живым
На миг свое отверзла небо:
Железно-ржавое от гнева,
Все в ядовитой желтизне...

Отвлекаясь от непосредственной оценки свершившихся прозрений, можно попытаться обозначить точки, из которых они происходят...

Откровение, данное в явлении иконы Тихвинской Божией Матери, исходило с неба и концентрировало в себе те православные предощущения и прозрения, что были накоплены

православным народом за четыре столетия его христианской истории.

«Откровение в грозе и буре» исходило из тюремной камеры вечника Николая Александровича Морозова и собирало в себе духовный нигилизм русской революции, пытающейся разрушить на своем пути все, что не вмещается в материалистические представления.

Мистические откровения Даниила Андреева, воплощенные им как в «Ленинградском апокалипсисе», так и в «Розе мира», – это попытка вырваться из мертвой трясины духовного нигилизма:

...Родиться в век духовных оползней,
В век колебанья всех устоев,
Когда, смятенье душ утроив,
Сквозь жизнь зияет новый смысл;
До боли вглядываться в пропасти,
В кипящие извивы бури,
В круги, что чертят по культуре
Концы гигантских коромысл...

И одновременно с попыткой выбраться из мертвой трясины это еще и осознание невозможности самочинного обретения тверди:

...Годами созерцать воочию
Бой древней сути – с новой сутью,

Лишь для того, чтоб на распутьи,
Когда день гнева наступил,
Стоять, как мальчик, в средоточии
Бушующего мирозданья,
Не разгадав ни содержанья,
Ни направленья буйных сил...

2

Даниил Леонидович Андреев появился на Дороге жизни 36-летним рядовым солдатом самой страшной русской войны.

По состоянию здоровья, как сказано в воспоминаниях Аллы Александровны Андреевой «Жизнь Даниила Андреева, рассказанная его женой», он был признан годным лишь к нестроевой службе, но это не сильно облегчило его солдатские тяготы.

Волховский фронт превратился к тому времени в настоящий «солдатоповал». Весной 1942 года командующий фронтом Кирилл Афанасьевич Мерецков загнал в немецкое окружение 2-ю ударную армию, а уже 27 августа 1942 года его фронт начал печально знаменитую Синявинскую операцию.

И снова, едва только дивизии полковника Кошевого, двинувшейся к Неве со стороны деревни Гайтолово, удалось прорвать немецкую оборону и выйти к Синявинскому озе-

ру, от которого до Невы оставалось всего шесть километров, Кирилл Афанасьевич Мерецков поспешил ввести в прорыв гвардейский корпус генерала Александра Гагена.

Между тем местность, где наступала дивизия, была ужасна. Кругом болотистые топи, залитые водой торфяные поля и разбитые дороги. От поселка Синявино до побережья Ладоги тянулись бесконечные торфоразработки.

Разумеется, К.А. Мерецков знал, что к югу от Синявино «сплошные леса с большими участками болот, труднопроходимых даже для пехоты, резко стесняли маневр войск и создавали больше выгод для обороняющейся стороны»⁷, но это не остановило его.

Единственным сухим местом на этом направлении были так называемые Синявинские высоты – выступающая на 10-15 метров над торфяной равниной известковая плита, где немцами была создана мощная система обороны.

Впрочем, шанс пробиться к Неве все же имелся – силы Волховского фронта многократно превосходили силы немцев.

Однако и тут наше командование просчиталось.

Немцы успели перебросить под Ленинград взявшую Севастополь 11-ю армию Эриха фон Манштейна, и уже 11 сентября войска 11-й немецкой армии нанесли два встречных

⁷ Эрих фон Манштейн, командовавший 11-й немецкой армией, подтверждает это мнение К.А. Мерецкова. «Мы никогда не организовали бы прорыва на такой местности», – пишет он в своих мемуарах.

удара в основание советского наступательного клина в поселке Гайтолово. Одиннадцатидневное сражение в «зеленом аду» среди заросших лесом и кустарником болот стало одним из самых кровопролитных сражений Великой Отечественной войны, но 21 сентября немцы заняли Гайтолово. В окружение попали семь советских дивизий и десять стрелковых и танковых бригад.

«Так как весь район котла покрыт густым лесом, всякая попытка с немецкой стороны покончить с противником атаками пехоты привела бы к огромным человеческим жертвам, – сказано в воспоминаниях Эриха фон Манштейна. – В связи с этим штаб армии подтянул с Ленинградского фронта мощную артиллерию, которая начала вести по котлу непрерывный огонь, дополнявшийся все новыми воздушными атаками. Благодаря этому огню лесной район в несколько дней был превращен в поле, изрытое воронками, на котором виднелись лишь остатки стволов когда-то гордых деревьев-великанов».

В результате в ходе сражения, длившегося с 28 августа по 30 сентября 1942 года, немецкие потери составили 25 тыс. 936 ранеными и убитыми. Ну а Кирилл Афанасьевич Мерецков сумел уложить почти 114 тыс. наших солдат.

3

О войне написано множество замечательных стихов.

Можно тут вспомнить хотя бы ту же «Ленинградскую застольную» Павла Шубина с ее звонкими строчками о «наших клинках на высотах Синявино» и «наших штыках подо Мгой», но в стихах рядового бойца команды погребения 196-й Краснознаменной стрелковой дивизии, который не прерываясь читал над бесконечными мертвецами заупокойные молитвы, присутствует то, чего нет больше ни у кого.

Дыханье фронта здесь воочию
Ловили мы в чертах природы.
Мы – инженеры, счетоводы,
Юристы, урки, лесники,
Колхозники, врачи, рабочие.
Мы – злые псы народной псарни,
Курносые мальчишки, парни,
С двужильным нравом старики.
Косою сверхгигантов скошенным
Казался лес равнин Петровых,
Где кости пней шестиметровых
Торчали к небу, как стерня,
И чудилась сама пороша нам
Пропахшей отдаленным дымом
Тех битв, что Русь подняли дыбом
И рушат в океан огня.

Я бы назвал геологией эту попытку проникнуть в то пространство, где нависающая над торфяной равниной известковая плита становится поэтически прекрасными высотами,

а опутанные проволокой болотные укрепления превращаются в некие средневековые замки сверхгигантов, разгуливающих по петровским полям заболоченных лесов.

Сам Даниил Андреев считал это проникновением в метаисторию:

*Пусть демон великодержавия
Чудовищен, безмерен, грозен.
Пусть миллионы русских оземь
Швырнуть ему не жаль. Но Ты –
Ты от разгрома, от бесславия
Ужель не дашь благословенья
На горестное принесенье
Тех жертв – для русской правоты?*

*Пусть луч руки благословляющей
Над уицраором⁸ России
Давно потух. Пусть оросили
Стремнины крови трон ему.
Но неужели жс укрепляющий
Огонь Твоей верховной воли
В час битв за Русь не вспыхнет боле
Над ним – в пороховом дыму?*

*И вдруг я понял: око чудища,
С неуголимой злобой шаря*

⁸ Демоны великодержавной государственности. Могущественные, разумные и крайне хищные существа, играющие огромную роль в метаистории.

*Из слоя в слой, от твари к твари,
Скользит по ближним граням льда,
Вонзается, меж черных груд ища
Мою судьбу, в руины замка
И, не найдя, петлей, как ляжка,
Ширяет по снегу сюда.*

*Быть может, в старину раскольникам
Знаком был тот нездеишний ужас,
В виденьях ада обнаружась
И жизнь пожаром осветя.
Блажен, кто не бывал невольником
Метафизического страха!
Он может мнить, что пытка, плаха –
Предел всех мук. Дитя, дитя!*

*Чем угрожал он? Чем он властвовал?
Какою пыткой, смертью?.. Полно.
Откуда знать?.. Послушины волны
Ему железных магм в аду,
И каждый гребень, каждый пласт и вал
Дрожал пред ним мельчайшей дрожью,
Не смея вспомнить Матерь Божью
И тьме покорный, как суду.*

*Не сразу понял я, кто с нежностью
Замглил голубоватой дымкой
Мне дух и тело, невидимкой
Творя от цепких глаз врага.*

*Другой, наивысшей неизбежностью
Сместились цифры измерений,
И дал на миг защитник-гений
Прозреть другие берега.*

*Метавшееся, опаленное,
Сознание с воплем устремилось
В проем миров. Оттуда милость
Текла, и свет крепчал и рос,
И Тот, Кого неутоленная
Душа звала, молила с детства,
Дал ощутить Свое соседство
С мирами наших бурь и гроз.*

Как пишет в воспоминаниях Алла Александровна Андреева, «после Ленинграда были Шлиссельбург и Синявино – названия, которые незабываемы для людей, переживших войну...»

4

Странно и причудливо небо над Шлиссельбургом...

Далекие и странные миры различал вечник Николай Александрович Морозов в облаках, проплывающих по этому небу, краешек которого попадал в зарешеченное окно его камеры.

Но, кажется, никогда это небо не было таким «разговор-

чивым», как во время перехода по ледовой трассе Ладоги 196-й стрелковой дивизии:

И все ж порою в отдалении
Фонтаны света – то лиловый,
То едко-желтый, то багровый,
То ядовито-голубой –
Вдруг вспыхивали на мгновение,
Как отблески на башнях черных
От пламени в незримых горнах
Над дикой нашей судьбой.

Вскоре после освобождения Ленинграда Даниила Андреева демобилизуют из армии. Вернувшись в Москву, он откопает зарытую в землю рукопись своего романа «Странники ночи» и обнаружит, что тетрадь промокла и все чернила, которыми был записан роман, расплылись.

Вот тогда-то, отвлекаясь от «дикой нашей судьбы», и пытается Даниил Леонидович спасти расплывшийся роман.

«В третьем часу ночи над куполом обсерватории разошлись наконец облака, – напечатает он на оставшейся от отца машинке. – В расширяющейся пустоте звезды засверкали пронзительно, по-зимнему. Город давно опустел. Все казалось чистым: массы нового воздуха – вольного, холодного, неудержимого, как будто хлынувшего из мировых пространств – развеяли земные испарения. Фонари над белыми мостовыми горели как в черном хрустале...» Вчерашний

солдат из похоронной команды, по сути, заново создаст погибший текст, но «дикая судьба» держала его – и писательская работа завершится в кабинете следователя, определившего Даниила Леонидовича на двадцать пять лет тюрьмы.

Так и получилось, что не только Апокалипсис свяжет судьбу Даниила Андреева со шлиссельбургским узником, но и тюремный срок... Впрочем, во Владимирском центре Даниил Андреев просидел все-таки меньше, чем вечник Николай Морозов – в Шлиссельбургской крепости.

В 1957 году, после перенесенного инфаркта, Даниила Андреева выпустили, и он умер, успев записать «Розу мира» – книгу своих видений и размышлений над ними, названных им метафилософией истории...

Трудно читать эту книгу.

Наверное, если бы прочесть ее, как Евангелие, не сомневаясь ни в единой строчке, результат был бы очевиднее, но «Роза мира» – не Евангелие, это темная и неясная весть из другого мира.

Но нельзя и не прочесть эту книгу, нельзя не услышать эту весть, оглашенную мертвыми устами тысяч солдат, поведавших ее своему бойцу команды погребения...

5

Иногда взгляд Даниила Андреева словно бы упирается в стену тюремной камеры или в раскрытую могилу, и тогда его

речь становится невнятной, переполняется образами, которые ведомы только самому вестнику.

«Хохха – это, собственно, не состояние, а целый тип состояний, отличающихся одно от другого тем, с каким именно слоем и с какою из темных иерархий вступает в общение духовидец. Но во всех случаях физические предметы окружения смутно проступают для него сквозь картины иных слоев. Если бы каким-нибудь чудом кто-либо из людей вошел в эту минуту в комнату, визионер его различил бы и, хотя не сразу, мог бы переключиться в обычный план.

У Сталина наиболее частыми были такие хохха, когда он общался с великим игвой Друккарга и с Жругром. Иногда его удостаивает непосредственной инспирацией и сам Урпарп. Было, кроме того, еще одно невидимое существо, специально к нему приставленное, – его постоянный советчик, один из обитателей Гашшарвы, нечто вроде антидаймона.

В состоянии хохха Сталин многократно входил в Гашшарву, в Друккарг, где был виден не только великим игвам, но и некоторым другим. Издалека ему показывали Дигм. Он осторожно был проведен, как бы инкогнито, через некоторые участки Мудгабра и Юнукамна, созерцал чистилище и слой магм. Издали, извне и очень смутно он видел даже за-томис⁹ России и однажды явился свидетелем, как туда спу-

⁹ *Высшие слои всех метакультур человечества, их небесные страны, опоры народоводительствующих сил, обители синклитов. По подсчетам Данила Андреева, общее число их достигает 34.*

стился, приняв просветленное тело, Иисус Христос. Но эта встреча не вызвала в темном духовидце ничего, кроме усиления смертельной ненависти, и именно поэтому она была допущена Урпарпом.

Хохха вливала в это существо громадную энергию, и наутро, появляясь среди своих приближенных, он поражал всех таким нечеловеческим зарядом сил, что этого одного было бы достаточно для их волевого порабощения.

Именно в состояниях хохха, следовавших одно за другим накануне его 70-летия на протяжении нескольких ночей, он уяснил себе в общих чертах очень неприятные для него события, происходившие тогда в российской метакультуре и в смежных с ней областях. Он явился безмолвным и бессильным свидетелем одной из жесточайших потусторонних битв. Демииурги России, Китая, Махаяны, индо-малайской метакультуры и обеих метакультур Запада сражались со Жругром и с Лай-Чжоем, его новым союзником – странным детищем двух уицраоров, российского и китайского. Уицраоры не были уничтожены, но их экспансия приостановилась. Вокруг них был очерчен нерушимый круг...» Иногда могильная чернота отступает и прозрения Даниила Андреева совершаются в освещенном, дневном пространстве истории: «Ужасает зияющая бездна между долженствованием сверхнарода и тем этическим качеством народоустройства, которое он допускал у себя столько веков. Пугает разрыв между реальным этическим уровнем сверхнарода и тем уровнем,

который требуется для осуществления его миссии...»

6

Удивительно, но, читая «Розу мира», постоянно ловишь себя на мысли, что вспоминаешь при этом руины Шлиссельбурга. Ну а размышляя над вариантами шлиссельбургских судеб, всматриваясь в шлиссельбургские отсветы, лежащие на событиях нашей истории, часто вспоминаешь книгу Даниила Андреева.

Помимо прямых пересечений истории крепости и текста книги, помимо пронзительного ощущения высокой эстетики в антиэстетическом, казалось бы, ощущении руин присутствует тут и общность духовной мощи, позволяющей соединять несоединимое.

Превращенная Петром I в тюрьму, сожженная революционерами, а потом обращенная немцами в груды развалин, Шлиссельбургская крепость и в таком состоянии сохраняла духовную мощь, которая устрашала врагов и укрепляла защитников.

Многие защитники крепости вспоминают о красном флаге, который был поднят на водонапорной башне. Немцы, естественно, били по флагу снарядами и минами, строчили из пулеметов и автоматов. Не раз им удавалось сбивать флаг. Но не проходило и получаса, как флаг снова появлялся. Когда была разбита водонапорная башня, флаг водрузили на

колокольню собора. И тут немцы пытались сбить его, но и тут – снова и снова! – находились добровольцы, чтобы поднять его, хотя делать это – надо было на виду у вражеских снайперов взбираться на колокольню – приходилось с огромным риском для жизни.

Красный флаг, развевавшийся над колокольной собора Иоанна Предтечи Шлиссельбургской крепости, хранится ныне в Центральном военно-морском музее. И когда смотришь на его изрешеченное пулями и осколками полотнище, не можешь понять, как могла уцелеть сама колокольня собора, на которой развевался он.

Колокольня, разумеется, тоже пострадала при обстреле, но все-таки продолжала стоять, хотя уже давно рассыпались под артиллерийским огнем другие строения крепости.

И это так же удивительно, как и неуязвимость самой крепости Орешек. Кажется, это единственное в мире средневековое фортификационное сооружение, которое выстояло под артиллерийскими снарядами и бомбами Второй мировой войны.

Что же помогло устоять крепости, хотя она мешала немцам и взять ее им очень хотелось?

Наверное, разгадку надо искать в самой русской истории крепости, когда ни дворцовая шляхота¹⁰, разведенная в ее названии преемниками Петра I, ни жутковатый скрежет тюремного ключа, явственно зазвучавший в слове Шлиссель-

¹⁰ В XVIII-XIX веках Шлиссельбург называли в просторечии Шлюшиным.

бург, ни пламя пожаров революции не заглушили грозной славы великой русской крепости. И вот, переворачивая и наполняя уже совершенно другим смыслом надуманную Петром I мифологию, память о русской истории сумела вернуть музей революции в боевой строй...

Наверное, разгадку несокрушимости крепости надо искать в том внезапно проснувшемся в бойцах интересе к истории крепости Орешек, о котором мы говорили. Получается, что это мистическая сила русской православной истории удерживала на колокольне красный флаг, «до глаз заковывала в броню» защитников крепости и делала их неуязвимыми для врага...

7

Разгадать секрет непобедимости Шлиссельбургской крепости пытался и писатель Виссарион Саянов, который во время войны неоднократно бывал на острове.

Вот его последний очерк о крепости.

«Вскоре после взятия Шлиссельбурга я снова приехал в Орешек. Он уже в тылу нынче, и тихо в старинной крепости, почти пятьсот дней бывшей в осаде. Впервые я побывал в осажденном Орешке в прошлом году, и теперь здесь много новых людей. С комендантом крепости майором Строиловым я знаком еще по временам войны с белофиннами – был он тогда командиром роты у незабвенного Васи Маричева,

23-летнего командира батальона, погибшего в дни первых сражений 1941 года.

Много интересного вспоминают солдаты и офицеры о боевых делах гарнизона Орешка.

Когда Шлиссельбург заняли наши войска, Строилов нашел на фашистском наблюдательном пункте план крепости с засеченными огневыми точками Орешка. И все-таки и этот старательно изученный план не помог врагу.

Подходы к Орешку с правого берега просматривалась из Шлиссельбурга. Вражеская артиллерия постоянно была по переправам. Осажденный гарнизон крепости нуждался в снарядах, в оружии, в продовольствии. Все это подвозилось по Неве. Для того чтобы работать на переправе, нужны были смелые, ловкие, находчивые люди.

И такие люди находились.

Старшина Чепурин, лодочники Касаткин, Корагалеv, а в последнее время – и Нехорошков, и Закусов, постоянно были на переправе. Переправляться приходилось ночью.

Хороши белые ночи на Неве! В эту пору над волнами Ладоги-реки низко склоняются прозрачные облака и нежно-дымные зори синим отсветом пламенеют над невскими берегами. Но белые ночи не радовали защитников Орешка. Труднее было переправляться, больше было потерь от огня. Немало лодок шло на дно, гибли люди, погибал ценный груз. И все же движение через Неву не прекращалось. Солдаты, работавшие на переправе, заботились о том, чтобы в

крепости всегда было много снарядов. Огневая мощь Орешка росла с каждым днем.

Система вражеского огня в тысяча девятьсот сорок первом году была иной. Огонь был более массивным: вся его сила выбрасывалась на крепость в течение двух-трех часов, и затем орудия надолго замолкали. В 1942 году враги перешли к новой тактике. Через каждые пятнадцать-двадцать минут они делали огневые налеты на крепость, постоянно беспокоили защитников Орешка, стараясь расстроить всю жизнь гарнизона непрерывным огневым воздействием.

Но Орешек продолжал сражаться.

Разведчики пробирались за языком на бровку, в предместьях Шлиссельбурга. Старшина Попков не один раз бывал на окраине города. С ним ходили его боевые друзья, такие же бесстрашные и смелые люди. Рвали связь, гранатами забрасывали блиндажи. Однажды под командой Белоглазова разведчики отправились в поиск. Подошли к Шлиссельбургу со стороны озера. Стали резать ножницами проволоку. Над передним краем взвилась ракета. Разведчики залегли на льду, притаились. Пошли в другое место – там их тоже обстреляли. Терпеливо переждали, пошли на третье место – и там захватили языка.

Об орудиях крепости солдаты могут рассказывать часами. Каждое крепостное орудие имеет свое имя. В Орешке были и «Воронка», и «Чайка», но «Дуня» все-таки всегда оставалась любимицей гарнизона. И расчет у «Дуни» подобрался

особенный – слаженный, храбрый. Теперь весь он представлен к правительственной награде. Гвардии лейтенант Костин охотнее всего стрелял из «Дуни».

– Славно поработала старушка, – ласково говаривал артиллерист, поглаживая пушку.

Артиллеристам и минометчикам Орешка посчастливилось после Победы проверить в Шлиссельбурге результаты своей работы. Они видели развороченные землянки, разбитые минометы и орудия...» Виссарион Михайлович Саянов – смелый писатель-фронтовик, объездивший все позиции, участвовавший в качестве военного корреспондента, кажется, во всех больших боях на Ленинградском фронте. Но он комиссар, он коммунист, и, допытываясь о секретах стойкости защитников крепости, он уже заранее знает ответ. Ну а о том, что он знает этот ответ, знает комендант крепости майор Строилов... «Долго я беседовал с солдатами, и только поздно ночью повел меня Строилов спать. Устроил он меня на ночлег в каком-то темном и сыром помещении. По стенам здесь стекала вода, и крохотная лампочка, ввинченная в самый потолок, не горела. Фонарь «летучая мышь», поставленный на полу возле кровати, вырывал из темноты лишь один угол комнаты, где неумоимо плел свою сеть черный паук.

– Очень тут мрачно, – сказал я. – Поместил ты меня, наверное, в каземат, где раньше томились революционеры.

– Да, они тут жили, – сказал Строилов, и мне вспомнилось

в эту минуту многое из того, что я читал о героических поколениях русских революционеров, томившихся здесь годами и зачастую заканчивавших свою жизнь в этих сумрачных стенах...» Наверное, этот ответ устраивал военного корреспондента и комиссара, только и для него он оказывался приемлемым лишь в «темном и сыром помещении», где крохотная лампочка вырывает «из темноты лишь один угол комнаты, где неутомимо плел свою сеть черный паук».

8

9 мая 1985 года, в 40-летнюю годовщину Победы русского народа в Великой Отечественной войне, в крепости открыли мемориальный комплекс, посвященный героическим защитникам крепости.

Его авторы – художник-архитектор И.Д. Билибин, скульпторы Г.Д. Ястребенецкий и А.Г. Дема, художник А.В. Богданов – разместили мемориал в руинах собора Рождества Иоанна Предтечи.

Уступами поднимаются к руинам собора три площадки. На боковых поребриках – плиты, обозначающие годы обороны крепости: 1941-й, 1942-й, 1943-й. На площадках – два 76-миллиметровых и два 45-миллиметровых орудия. Это образцы артиллерии, находившейся в крепости во время войны.

На верхней площадке музейного комплекса – огромный

бронзовый шар с барельефами. В них запечатлены различные эпизоды из жизни и борьбы героических защитников крепости. Рядом – братская могила, в которой похоронены вместе с петровскими солдатами погибшие в крепости красноармейцы. В центре мемориала – трехфигурная скульптурная композиция «Клятва». В оконных проемах собора помещены скульптурные композиции «Оружие Победы», выполненные из реликвийного оружия Великой Отечественной войны.

Понятно, что в начале восьмидесятых годов потому и были выбраны для памятника церковные руины, что расположены они в центре крепости, но все равно: кто мешал в те годы снести эти развалины?!

Тем не менее руины храма были сохранены. Более того, они оказались так органично включены в саму идею мемориала, что памятник, кажется, и немислим без них.

Есть в этом памятнике что-то от красного флага, развевавшегося в годы войны на колокольне собора, но главное – в мемориальном комплексе явственно материализовалась идея несокрушимости и Шлиссельбургской крепости, и всей России, стоящих на незыблемом фундаменте православия. Я не уверен, что авторы памятника сознательно вкладывали эту идею в свой памятник в начале восьмидесятых годов прошлого века, когда церкви воспринимались большинством наших сограждан только как памятники архитектуры.

Но это ничего не значит.

Это знали ангелы, направлявшие руки архитекторов и скульпторов. Это твердо знали вставшие перед алтарем разрушенного храма бронзовые бойцы 1-й стрелковой дивизии НКВД и 409-й морской батареи, которые, продолжая героическую летопись крепости Орешек, обороняли в годы войны и крепость, и эту церковь...

Ведь если мы взглянем внимательнее, мы увидим, что в сентябрьских событиях 1941 года на Неве ясно присутствует, пусть и искаженное, отражение событий, произошедших две тысячи лет назад с пророком Иоанном Предтечей, в честь которого и устроен был храм на острове.

9

И сейчас пустые глазницы окон, обломанные, заросшие кустами стены, куски искромсанной взрывами кладки – все напоминает на острове о Великой Отечественной войне...

И когда во время литургии поднимаешь глаза к отверстию в провалах церковного свода небу, ясно понимаешь, что еще не закончилась война.

Поэтому и стоят рядом бронзовые солдаты с оружием, и кажется, что и их голоса звучат сейчас в продутых ладожским ветром развалинах храма...

«Благословлю Господа на всякое время, выну хвала Его во устех моих. О Господе похвалится душа моя, да услышат кротции и возвеселятся. Возвеличите Господа со мною, и

вознесем имя Его вкупе. Взысках Господа и услыша мя, и от всех скорбей моих избави мя. Приступите к Нему и просветитесь, и лица ваша не постыдятся. Сей нищий воззва, и Господь услыша и, и от всех скорбей его спасе и. Ополчитсся ангел Господень окрест боящихся Его и избавит их. Вкусите и видите, яко благ Господь. Блажен муж, иже уповае на Нань. Бойтесь Господа, вси святии Его, яко несть лишения боящимся Его. Богатии обнищаша и взалкаша, взыскающии же Господа не лишатся всякаго блага. Приидите, чада, послушайте мене, страху Господню научу вас. Кто есть человек хотяй живот, любяй дни видети благи? Удержи язык твой от зла, и устне твои, еже не глаголати лъсти. Уклонися от зла и сотвори благо. Взыщи мира, и пожени и. Очи Господни на праведныя, и уши Его в молитву их. Лице же Господне, на творящыя злая, еже потребити от земли память их. Воззваша праведнии, и Господь услыша их, и от всех скорбей их избави их. Близ Господь сокрушенных сердцем, и смиренныя духом спасет. Многи скорби праведным, и от всех их избавит я Господь. Хранит Господь вся кости их, ни едина от них сокрушится. Смерть грешников люта, и ненавидящии праведнаго прегрешат. Избавит Господь души раб Своих, и не прегрешат вси, уповающии на Него».

И стоишь рядом с бронзовыми защитниками острова, слушаешь эти слова под ледяным ладожским сквозняком – и, кажется, видишь, как начинают подниматься стены собора, как воздвигаются обрушенные купола, как вершится чудом

русской истории – чудо Господне...

III ШЛИССЕЛЬБУРГСКИЕ ПСАЛМЫ ХРОНИКА

Глава первая ОСНОВАНИЕ ПЕРВОГО МИРА

*И преклони небеса и сниде, и мрак под ногама Его.
И възиде на херувимы и лете, лете на крилу
ветреню.*

Псалом 17, ст. 10-11

Уже не простиралась тьма над бездною, свет отделился от тьмы, и отделилась вода, которая под твердью, от воды, которая над твердью, и явилась суша, и произвела вода пресмыкающихся, и птицы полетели над землею, по тверди небесной... Так семь тысячелетий назад был сотворен мир, а совсем недавно – как утверждают геологи, всего четыре тысячелетия назад – качнул Господь Ладожское озеро. И чистойшей вода его, превращаясь в Неву, потекла вначале по до-

лине Мги, а потом – прорвав перешеек! – по долине Тосны, наполняя отступающее Варяжское море.

И в новом море хватило бы простора мореплавателям всех миров, но оно почти сразу стало местом бесконечных сражений и кровопролитных стычек между немногочисленными народами, населявшими здешние берега...

Тогда и поставили новгородцы, еще не различая названиями озеро Нево и вытекающую из него реку, на острове, который двумя рукавами обтекает в своем истоке Нева, крепость.

Случилось это в лето 6381-е от Сотворения мира, а от Рождества Христова – в 1323 году.

1

Месяц уже дымились костры на Ореховом острове и стучали топоры новгородских плотников.

И можно было укрыться за крепостными стенами от пронизывающего холода, которым тянуло с озера, но князь Юрий Данилович стоял на берегу и, не обращая внимания на ветер, треплющий рыжие волосы, вглядывался в бесконечную даль горячей на солнце воды.

Набегая на отмели, закипали белыми гребнями волны, шумели на россыпях галечника и валунов, мешаясь с обрывками всплывающих в памяти псалмов.

«В скорби призвал мя еси, и избавих тя... Услышах тя в

тайне бурне... Искусих тя на воде пререkania... Слышите, люди мои, и засвидетельствую вам...» Больше месяца стоял князь со своей дружиной на острове – и еще не видел полного штиля, но уже несколько раз наблюдал миражи, возникающие то тут, то там над озером. Различал ладьи, надвигающиеся порою на лесистые берега, а иногда видел скалистые острова, парящие над водой в тусклом небе.

Странным было это озеро, проносящее в рыбьем серебре небес неведомые острова, шепчущее своими волнами в прибрежной траве обрывки псалмов, как шептал их перед своей кончиной князь Михаил Тверской... «Рече и ста дух бурен, вознесошася волны Его... Восходят до небес и нисходят до бездн... Душа их в злых таяше...» Свеи, с которыми ратился князь прошлым летом, называли это озеро Альдога.

Против них и надобно было стоять Юрию Даниловичу нынешним летом, после того, как, захватив обоз и казну, загнали его осенью в Псков сыновья покойного князя Михаила.

«Смятошася, подвигошася, яко пьяный, и вся мудрость их поглощена бысть...»

2

Непростым было положение, в котором оказался летом 1323 года внук Александра Невского князь Юрий Данилович. Долгой – череда событий, которая привела его на Ореховый остров.

Много лет боролся Юрий Данилович за великокняжеский престол.

В 1317 году, женившись на сестре хана Узбека, ставшей в крещении Агафьей, он получил-таки ярлык на великое княжение, но одолеть дядю, тверского князя Михаила Ярославовича, не сумел и на следующий год – новгородцы ходили на Або и не могли пособить ему! – потерпел поражение.

Молодая жена Юрия попала тогда в плен и вскоре умерла в Твери.

Юрий Данилович поспешил обвинить в этом отравлении дядю.

Михаила Ярославовича вызвали в Орду и 22 ноября 1318 года казнили на берегу Терека. Тело его Юрий Данилович привез в Москву и после долгих переговоров передал тверичам, потребовав с них немалый выкуп.

Однако, хотя главный соперник и был мертв, хотя его сын Дмитрий Михайлович, прозванный Грозные Очи, и признал в 1321 году законность власти московского князя, ни он, ни его брат Александр не простили убийства отца.

Тем более что скоро тверским князьям представился случай свести счеты.

В 1322 году, когда по просьбе новгородцев ходил Юрий Данилович разорять осиное гнездо свеев – город Выборг, он, дабы не лежало серебро мертвым грузом, через купцов-посредников пустил в оборот ордынскую дань Тверского княжества.

Проценты набежали немалые, но очень дорого обошлись они Юрию Даниловичу, поскольку, сведав о его предприятии, Дмитрий Грозные Очи немедленно отправился в Орду.

И вот когда «Георгий, великий король руссов, осадил замок Выборг в День святой Клары с великой силой», хан Узбек передал ярлык на великое княжение владимирское Дмитрию.

Не повезло Юрию Даниловичу и под Выборгом.

Хотя и было у него двадцать две тысячи войска, но ни штурмом, ни осадой взять крепость не удалось. Ратники и дружинники Юрия Даниловича опустошили тогда окрестности Выборга, без счета перебили народа, множество свеев взяли в плен и отправили в Суздальскую землю, но на этом и завершилось дело.

Сам Юрий Данилович, вернувшись в Новгород, собрался ехать в Орду, но не сумел пробраться сквозь тверские волости.

Александр Михайлович Тверской перехватил Юрия на реке Урдоме и отнял казну. Самому Юрию Даниловичу с трудом удалось спастись, убежав с остатками дружины в Псков.

Там он и встретил нынешнюю весну.

Слава Богу, что свеи не забыли выборгского разорения, и новгородцы, решив поставить в истоке Невы на заросшем лещиной Ореховом острове крепость, снова призвали Юрия Даниловича.

Уже окружили земляным валом деревянную крепость, а свеев все не было.

– Должны прийти... – уверил Юрия Даниловича тысяцкий Аврам Олферьевич. – Когда они свою Ландскрону поставили, чтобы выход в море перекрыть, мы и года терпеть не стали. Сразу ихню крепость разрыли, чтобы твердость та была ни во что, за их высокоумие...

Аврам Олферьевич отправлял гонца в Новгород. На столе лежали грамоты, запечатанные печатью тысяцкого. На обороте печати изображен был святой всадник с копьем, подпись к которому сообщала, что это святой Авраам, хотя на иконах так изображали только святого покровителя князя Юрия Даниловича – Георгия Победоносца.

И снова (сам не помнил, как) оказался Юрий Данилович на ладожском берегу и, глядя на вспыхивающие в бегущей воде искры костров, прислушивался, как мешаются с шуршанием темной воды в прибрежной осоке всплывающие в памяти псалмы.

«Объяша мя болезни смертныя, беды адовы обретоша мя, скорбь и болезнь обретох и имя Господне призвах. О Господи, избави душу мою!

Милостив Господь и праведен, и Бог наш милует.

Храняй младенцы Господь, смирихся и спасе мя...» И не

заметил Юрий Данилович, как возникли из этого шума ладонской воды на отмели голоса.

Это плотники у костра – у одного племянник недавно из Твери вернулся – разговаривали о покойном князе Михаиле Тверском.

– После приставили к князю семь сторожей, возложили на выю тяжелую колоду – и так и держали до самой казни... – звучал в темноте голос. – А хан в то время двинулся на охоту к берегам Терека. Повлеки таксама и князя тверского. Еще смолоду имел он обычай каждую ночь петь псалмы Давида, и теперь, осужденный на смерть, утешал себя этим пением. Так он молился со слезами всякую ночь, а днем старался ободрить своих спутников. Ему предлагали бежать, но он отвечал, что и прежде никогда не бегал от врагов – не побжит и теперь. Не бросит в беде бояр своих и слуг. Почти месяц страдал князь, а однажды разогнул Псалтирь и попал на слова: «Сердце мое смятесе во мне, и боязнь смерти нападе на мя. Страх и трепет прииде на мя и покры мя тма. И рех: кто даст ми криле яко голубине, и полещу и почию». И вот едва дочитал псалом, как ворвались в шатер, будто дикие звери, палачи, всей толпой набросились на князя, топтали ногами, а один из них, который уже давно бежал от княжеского суда в Орду, выхватив нож, и вырезал сердце князя. Сказывают, что в ту же ночь многие из христиан и иноверных видели, как два облака осенили то место, где находилось честное тело убиенного князя. Облака то сходились,

то расходились и сияли точно солнце. И в Маджарах¹¹, где поместили тело князя в хлеву, жители видали, что над тем местом поднялся огненный столб до самого неба. Другие же видели радугу, которая склонялась над хлевом. Отсюда тело Михаила повезли в Москву. И в дороге тоже были чудесные видения: множество народа со свечами и кадилами окружало тело князя, светлые всадники носились в воздухе над колесницей. А через год, когда привезли князя в Тверь, открылось и самое главное чудо – тление совершенно не коснулось тела... Теперь тверичи молятся у гробницы своего князя и получают разрешение от недугов...

Рассказчик смолк.

– Что же? – раздался в темноте другой голос. – Столько князь Михайло с Новгородом ратился, а Бог прославил его?

– Выходит, что так! – рассказчик подкинул в костер сучьев, и поднялось облако огненных искр, истаивающих в холодной черноте неба. – Выходит, что теперича предстоит он у престола Божия...

4

Несколько пепельных хлопьев отнесло в темноту, и они упали на руки князя Юрия.

Еще где-то посреди рассказа шевельнулось в нем желание

¹¹ Сейчас на этом месте находится современный Будённовск (бывший город Святой Крест).

встать и выйти на свет костра, прерывая разговор, но позабыл тогда князь о своем желании. Нахлынули воспоминания: сколько соболей, бобров и куниц подарил он ханским женам в Орде, сколько серебра раздал эмирам и темникам, приближая гибель Михаила.

И тот холодный день 22 ноября 1318 года, когда вместе с покойным Кавдыгаем смотрели они на берегу Терека на казнь Михаила, тоже припомнился ему.

И князь подавил в себе похожий на стон вздох.

Перекрестился, глядя на звезды, сверкающие в черноте августовского неба.

– Избавит миром душу мою от приближающихся мне, яко во мнозе бяху со мною... – пробормотал он.

И тут же услышал ответ.

– Возверзи на Господа печаль твою, – шевельнулся ветерок в темноте у воды. – И Той тя препитает: не даст в век молвы праведнику...

И так явственно прозвучали эти слова, что встал Юрий Данилович.

Что-то большое и высокое привиделось ему в августовской тьме.

– Это ты, что ли, Михайло Ярославович, тут? – спросил он, шагнув к воде. – Чего тебе?

Но уже качнулось, унеслось большое и высокое в темень озера, названного свеями Альдога.

– Ты же, Боже, изведеши их в студенец истления, мужие

кровей и льсти не преполовят дний своих, – зашумела на отмели озерная волна.

– Аз же, Господи, уповаю на Тя! – откликнулся этому шуму князь.

5

На следующий день пришли свеи...

Они встали на берегу в виду крепости, поднявшейся на Ореховом острове, день простояли так, а потом прислали на остров послов.

«В лето 6831-е (1323-е от Рождества Христова) ходиша новгородци с князем Юрием Даниловичем в Неву и поставиша город на усть Невы на Ореховом острове, – записал тогда в Новгороде летописец. – Тут же приехавше послы великие от свейского короля и докончаша мир вечный с князем и с новым городом по старой пошлине».

Так 12 августа 1323 года был заключен Ореховецкий мир, подведший итог трем десятилетиям непрерывных стычек. Впервые между Великим Новгородом и Шведским королевством была официально установлена государственная граница.

Западная часть Карельского перешейка и соседняя с ней область Саволак отошли шведам, восточная часть перешейка с Корелой и всем течением Невы и частью Финского залива, включающей половину острова Котлина, – Новгороду.

Граница от Финского залива прошла по реке Сестре. От новгородцев договор подписали князь новгородский Юрий Данилович, посадник Алфоромей и тысяцкий Аврам, от Швеции – Герик Дюуровиц, Геминки Орисловиц, Петр Юншин.

Это был первый мирный договор, и даже в 1478 году, когда Новгородская земля утратила независимость и подчинилась Москве, Ореховецкий договор продолжал действовать.

И подписали это международное соглашение на острове, который холодная вода Альдоги обтекала двумя широкими сильными течениями, чтобы слиться позади и превратиться в полноводную реку, наполняющую Балтийское море, ставшее почти на три столетия общим для всех...

6

Понимал ли сам Юрий Данилович, что, по сути, он продолжал дело, которое начал его дед, святой князь Александр Невский, разгромивший в 1240 году в Невской битве силы тогдашнего НАТО и остановивший первый крестовый поход на Русь?

Ответить на этот вопрос непросто.

Когда читаешь житие святого князя Александра Невского, поражает то, что воинскую доблесть, талант полководца и мудрость правителя он совмещал с подлинным христианским смирением. Святой благоверный князь, по сути дела, преподал нам, своим соотечественникам, великий наци-

ональный урок того, как, подчиняя свое своеволие Божией воле, может обрести русский человек воистину сверхчеловеческие способности, помогающие ему совершить невозможное.

Александр Невский не мог знать того, что известно сейчас любому школьнику. Разумеется, он и не догадывался, что, разгромив нашествие Биргера, защитил не только новгородские пределы, но еще и будущую столицу империи, которую столетия спустя построят возле места Невской битвы его потомки.

Разумеется, Александр Невский не знал, что, пробираясь в далекий Каракорум, он очерчивает своим путем южную границу этой империи... Но Александр Невский был святым и яснее, чем мы сейчас, вооруженные знанием исторических фактов, прозревал духовным зрением последствия своего отнюдь не случайного, а глубоко продуманного решения повенчать Русь со степью.

И мы видим сейчас, что выбор святого князя оказался безукоризненным и с геополитической точки зрения. Сохранив православие, Русь надежно прикрыла с помощью татар северо-западные земли, где уже при внуках и правнуках святого Александра Невского началась кристаллизация Москвы – нового центра русской земли, разросшегося в могущественнейшее государство, вобравшее и подчинившее себе и другие русские княжества, и своих завоевателей... И это государство, которое через века прозревал святой князь, не мог-

ли сокрушить никакие враги...

7

Внук Александра Невского, князь Юрий Данилович, оказался мельче своего деда и как полководец, и как государственный деятель, а уж о том подвиге христианского смирения, который каждодневно совершал его святой благоверный дед, Юрий Данилович, кажется, и вообще не задумывался.

Но странно...

Вопреки собственной бесталанности и мелочности, вопреки своей гордыне и мстительности он шел по проложенному дедом пути. И даже совершая преступления, обусловленные, кажется, только собственным злым своеволием, он продолжал начатые его святым дедом дела – вел страну по назначенному пути.

На следующий год Юрий Данилович пойдет со своей дружиной в Заволочье, чтобы подчинить новгородской воле Великий Устюг, и уже оттуда по Каме, обходя тверские заставы, спустится на Волгу и прибудет в Орду.

Узнав об этом, великий князь владимирский Дмитрий Грозные Очи сам поспешит к хану Узбеку.

Они встретятся 21 ноября 1325 года.

Столкнутся возле спящих на земле похожих на заросшие лишайниками валуны верблюдов.

Будет в тот день праздник на Руси – Введение во храм Пресвятой Богородицы, канун седьмой годовщины мученической смерти отца Дмитрия, князя Михаила Тверского.

Юрий хотел сказать о том, что он думал августовскими ночами на Ореховом острове, но, встретившись с горящими ненавистью глазами Дмитрия, понял, что не сможет ничего сказать.

Удивися разум Твой от мене, утвердися, не возмогу к нему.

Камо пойду от Духа Твоего, и от лица Твоего камо бегу?

Аще взыду на небо, Ты тамо еси...

Аще сниду во ад, тамо еси...

Княжеское ли дело – объяснять, что и когда ты почувствовал?

Княжеское дело – приказы отдавать, сражаться и посылать людей на смерть...

И жалко, совсем не по-княжески улыбнулся Юрий Данилович, но улыбка эта, показавшаяся князю Дмитрию Гроз-

ные Очи злой усмешкой, помutilа его рассудок.

Выхватив застрявшую в ножнах саблю, Дмитрий Грозные Очи обрушил смертельный удар на брата, убившего его отца.

Говорят, что перед смертью человек вспоминает свою жизнь.

Может, и перед глазами князя Юрия встали в тот последний миг и убитые им русские князья, и построенная на Ореховом острове крепость. Юрий Данилович ничего не совершил доброго, только возвел эту крепость, и он не знал, что странным образом эта крепость вбирает в себя то многое – и злое и доброе! – что он еще мог бы совершить, вбирает всю его несовершенство судьбу.

И может быть, и догадался бы в последний свой миг князь Юрий Данилович, может быть, уже различал он в блеске занесенного над ним клинка тусклый блеск изливаемой в Неву воды Альдоги, но уже не оставалось времени...

Юрий Данилович вобрал в себя сабельный удар брата и, прижимаясь к верблюду, похожему на заросший лишайниками валун на берегу Невы, мягко сполз наземь, словно укладывался спать.

Верблюд поднял голову, пытаясь понять, зачем беспокоят его, зачем течет по волосатому боку теплая человечья кровь, но не понял ничего, ничего не почувствовал и снова закрыл свои огромные, размером с взрослый кулак глаза...

За свою вспышку гнева 28-летний князь Дмитрий Грозные Очи заплатил жизнью. По приказу хана Узбека его казнили, и ярлык на великое княжение был отдан его брату – Александру Михайловичу Тверскому.

Однако недолго княжил и Александр Михайлович.

15 августа 1327 года тверской дьякон Дудко повел поить свою лошадь, и пьяный татарин попытался отнять ее у него.

Завязалась драка.

Татары схватились за оружие, тверичи ударили в колокола – поднялся весь город.

Несчастливой для родни хана Узбека была Тверь.

Девять лет назад отравили там сестру хана, выданную замуж за Юрия Даниловича, теперь во время восстания убили двоюродного брата – Щелкана (Чол-хана).

Сведав об этом, Иван Данилович Калита немедленно отправился в Орду, чтобы донести о неслыханной дерзости тверичей.

Великий князь Александр Михайлович бежал в Псков, а пятидесятитысячное татарское войско во главе с Федорчуком пришло на Русь – и в лютый мороз побежали в замерзшую Волгу талые, чуть розоватые от крови ручьи из сожженной Твери.

Ярлык на великое княжение получил тогда участвовав-

ший в походе московский князь Иван Данилович.

Не схож он был характером с братом Юрием Даниловичем, но, как и брат, получив ярлык, не собирался терять его. И когда, переждав в Литве гнев хана Узбека, поехал в Орду князь Александр Михайлович и был прощен, Иван Данилович сам отправился в Орду – и скоро, «по думе его», вызвали в Орду прощенного Александра.

28 октября он и его сын Феодор приняли мученическую – были «розняты по суставам» – смерть.

А Иван Данилович Калита приказал вывезти из Твери вековой колокол и 25 ноября «заложил град Москву дубовый, который был срублен тою зимой и окончен великим постом 1340 года».

И еще две недели Великого поста оставалось в 1340 году, как, приняв схиму, внезапно умер и сам Иван Данилович.

Летописцы и историки называют его собирателем русской земли, но всегда добавляют и прозвище – Калита.

Прозвали так князя за кошелек (калиту), который он всегда имел при себе, как для раздачи милостыни, так и для совершения подкупов.

Иван Данилович первым стал называться великим князем всея Руси – и действительно, его правление стало началом единой державы на Руси. Умирая, он поручил старшему сыну Семену «княгиню свою с меньшими детьми».

Интересно, что в этом году, как запомнило народное предание, появилась в пределах российских Божия Матерь.

Пастух Иоанн Босой наяву увидел на вершине Почаевской горы Богородицу, окруженную пламенем. Когда, поднявшись на гору, осматривали место, обнаружили на камне, где стояла Богоматерь, выдавленный отпечаток стопы.

В этом же 1340 году Симеон Гордый получил в Орде ярлык на великое княжение, а в Успенском соборе в Москве открылись мощи новоявленного угодника Божия митрополита Петра.

Глава вторая

ОРЕШЕК СТАНОВИТСЯ КАМЕННЫМ

*Благо есть уповати на Господа,
нежели уповати на князи.*

Псалом 117, ст. 9

Четверть века миновала с тех дней, когда поставили новгородцы с князем Юрием Даниловичем крепость на Ореховом острове.

Как видно из археологических раскопок, площадь крепости тогда не покрывала всего острова и составляла всего 8,5 тыс. квадратных метров. Вся она – планировка крепости представляла собою две взаимно перпендикулярные улицы шириною четыре метра – была застроена деревянными избами, в которых помещалось около четырех сотен человек.

Тяжело покачивались в невской воде потемневшие от времени деревянные стены. Крепость преграждала путь незваным пришельцам, наполняла уверенностью сердца снарядившихся в дальнейшее плавание новгородских гостей.

Немало ладожской воды утекло с той поры, как привезли в Москву и погребли в Архангельском соборе тело основателя

крепости Юрия Даниловича и в Москве начал княжить его брат – 37-летний Иван Данилович Калита.

Неотвратно и грозно вершился ход истории, и вершился он совсем не так, как хотелось тверским или московским князьям, а так, как Богу было угодно...

В 1342 году сын Ивана Даниловича Калиты Иван II Иванович Красный женится на дочери московского тысяцкого Василия Васильевича Вельяминова, и в этом браке был рожден князь Дмитрий, которого назовут Донским.

Тогда же в лесу к северо-востоку от Москвы Сергей Радонежский построил себе келью и церквушку, которая не только положила начало Троице-Сергиеву монастырю, но и стала духовным основанием всей Московской Руси...

«По творческому замыслу основателя, Троичный храм, гениально им, можно сказать, открытый, есть прототип собирания Руси в духовном единстве, в братской любви, – отмечал Павел Флоренский. – Он должен быть центром культурного объединения Руси, в котором находят себе точку опоры и высшее оправдание все стороны русской жизни».

Павел Флоренский говорил, что смертоносной раздельности противостоит живоначалное единство, неустанно осуществляемое духовным подвигом любви и взаимного понимания, и, «вглядываясь в русскую историю, в самую ткань русской культуры, мы не найдем ни одной нити, которая не приводила бы к этому первоузлу: нравственная идея, государственность, живопись, зодчество, литература, русская

школа, русская наука – все эти линии русской культуры сходятся к преподобному. В лице его русский народ сознал себя, свое культурно-историческое место, свою культурную задачу и тогда только, сознав себя, получил историческое право на самостоятельность. Куликово поле, вдохновенное и подготовленное у Троицы еще за год до самой развязки, было пробуждением Руси как народа исторического...»

В Первом послании к коринфянам апостол Павел сказал:

«Не хочу оставить вас, братия, в неведении, что отцы наши все были под облаком и все прошли сквозь море; и все крестились в Моисея в облаке и в море; и все ели одну и ту же духовную пищу; и все пили одно и то же духовное питье: ибо пили из духовного последующего камня; камень же был Христос.

А это были образы для нас, чтобы мы не были похотливы на злое, как они были похотливы. Все это происходило с ними, как образы; а описано в наставление нам, достигшим последних веков...»

Неотвратимо и грозно вершился ход истории, и все эти годы стояла посреди Невы, заслоня ладожские просторы и саму русскую историю, крепость Орешек.

Борьба между тверскими и московскими князьями не самым благоприятным образом отразилась на крепости. Хотя бы уже потому, что когда началась борьба князя Ивана Даниловича Калиты за «дани новгородские», Новгород отшатнулся к Литве.

«В лето 6841-е... – говорит новгородская летопись. – Сем же лете вложи Бог в сердце князю литовьскому Наримонту, нареченному в крещении Глебу, сыну великого князя литовьскаго Гедимины, и присла в Новъград, хотя поклонитися святии Софии; и послаша новгородци по него Григорью и Олександра, и позваша его к себе; и прииха в Новъгород, хотя поклонитися, месяца октября; и прияша его с честью, и целова крестъ к великому Новуграду за одинъ человекъ; и даша ему Ладогу, и Ореховьи, и Корельскыи и Корельскую землю, и половину Копорьи в отчину и в дедену, и его дедом».

История, связанная с превращением сына литовского князя Гедимины, князя Наримонта, в князя Ладожского и Мозырского, путаная и темная.

Бархатная книга утверждает, что Наримонта выкупил в Орде сам Иван Данилович Калита и отпустил на великое княжение литовское, однако Наримонт «не дошед в своя вотчины, крестися по своему обещанию, и наречен бысть во святом крещении Глеб. И тогда братья его и вся земля литовская не даша ему великаго княжения, а посадиша на великое княжение Ольгерда, а Наримонта взяли в Великий Новгород».

По другим источникам¹², это сам новгородский архиепископ Василий Калика вынужден был пообещать Наримонту княжение в Новгороде, когда по дороге из Владимира Во-

¹² *Словарь исторический о русских святых.*

лынского «гнался за ними с татарским баскаком» киевский князь Федор.

Как бы то ни было, но передача Наримонту «в отчину и деди́ну» главных новгородских крепостей вместе с Орешком вызвала волнения в Новгороде.

«Думая, может быть, и то, что Россия, истерзанная моголами, стесняемая Литвою, должна скоро погибнуть, – писал по этому поводу Н.М. Карамзин, – новгородцы искали способ устоять в ее падении с своею гражданскою вольностию и частным избытком».

Вольно было новгородцам мудрить и подыскивать оправдания отходу от Руси, но перехитрить свою русскую судьбу им не удалось. И не могло удасться, поскольку не было на то Божьей воли.

Судьба Орешка ясно показала это...

Ему предстояло заслонить Русь от очередного крестового похода.

1

Еще в 1316 году в Швеции в семье герцога Эйрика Магнуссона и принцессы Ингеборг, дочери норвежского короля Хакона V, родился сын, названный Магнусом.

В 1319 году свергли с престола Биргера, родного дядю Магнуса, и трехлетний ребенок стал королем Швеции.

Магнусу не исполнилось и четырех лет, когда скончался

его дед, норвежский король Хакон V, и Магнус получил еще и норвежский престол.

В Швеции он был Магнусом II, а в Норвегии – Магнусом VII.

Самостоятельное правление Магнуса, хотя он и согласился включить постановления первой шведской Конституции 1319 года в состав Ландслага¹³, трудно назвать безоблачным.

Можно связать резкое ухудшение при Магнусе государственных финансов с излишне роскошной жизнью короля и его двора, а также со значительными затратами на многочисленные войны, но и непрекращающиеся конфликты с оппозицией тоже не способствовали стабилизации положения. Впрочем, это шведско-норвежская история короля Магнуса, а для нашего повествования интереснее и важнее русская часть его жизни... Решение Магнуса II предпринять новый крестовый поход на восток некоторые историки объясняют влиянием на короля Бригитты (Бригитты). Она была дочерью Биргера Персона, который возглавлял совет опекунов при юном короле Магнусе.

В семь лет, как рассказывала сама Бригитта, к ней явилась Богоматерь и возложила на ее голову корону, что, впрочем, не помешало 13-летней девушке – это произошло как раз в год воцарения трехлетнего Магнуса! – выйти замуж за Уль-

¹³ Кодекс общешведских законов Ландслаг вырабатывался большой комиссией под председательством лагманов – глав отдельных областей Швеции. Ландслаг основывался на законах Упланда и Эстергетланда и королевских постановлениях.

фа Гудмарссона и родить ему восьмерых детей.

И так, быть может, счастливо и жила бы она¹⁴, но в 1344 году умер муж. И вскоре после его смерти к Бригитте вернулись чудесные детские видения, и она осознала, что ее предназначение – не рожать детей, а передавать повеления Бога земным правителям и представителям высшего духовенства.

Считается, что это призывы Бригитты способствовали прекращению авиньонского пленения пап¹⁵ и возвращению Святого престола в Рим.

Про святую Бригитту уже при ее жизни рассказывали, что она развешивает свои одежды на лучах солнца, и понятно, какое влияние ее видения оказывали на короля Магнуса, который знал ее с первых лет своей жизни.

Когда в 1346 году Бригитта получила свыше повеление основать новый монашеский орден, члены которого, мужчины и женщины, должны были жить совместно в смешанных монастырях, 30-летний король выделил под будущую обитель ордена землю на озере Ваттерн в Вадстене.

Чуть отвлекаясь, скажем, что папа римский Климент VI,

¹⁴ *«Под духовным руководством одного образованного монаха Бригитта начала изучать Писание и оказала очень благотворное влияние на свою семью: благодаря Бригитте она стала настоящей домашней церковью, – говорил недавно в катехизической беседе с русскими католиками папа Бенедикт XVI. – Этот первый период жизни Бригитты помогает понять то, что сегодня мы могли бы назвать подлинной супружеской духовностью: христианские супруги вместе могут пройти путь святости, укрепляемые благодатью таинства брака».*

¹⁵ *Авиньонское пленение пап – период с 1309-го по 1378 год, когда резиденция глав Католической церкви находилась не в Риме, а в Авиньоне.*

который не был столь же осмотрителен и осмелился отклонить прошение святой Бригитты, поплатился за это после своей кончины.

«Услышьте теперь!

Колокола пылают¹⁶, и люди кричат: “Государь наш мертв, государь наш папа покинул нас! Благословен будь сей день, но не благословен сей государь!”

Как странно, ибо кричать им было б уместно: “Да благословит Господь нашего государя жизнью длинной и благополучной!” – а они кричат и приговаривают с радостью: “Упал он, и пусть не встанет никогда!”

Но не странно это, ибо сам он, которому следовало б восклицать: “Придите ко мне и обретите покой в душах своих!”, призывал всех: “Придите ко мне и поклонитесь ко мне, живущему в роскоши и славе более, чем у царя Соломона были. Придите ко двору моему и опустошите кошель свои, и мы найдем прощение вашим душам”.

Так кричал он и устами, и пергаментами своими.

Посему и Моему гневу пришло время, и буду судить Я его как одного из тех, кто разгонял стада святого Петра.

О, что за суд ожидает его!

Но все же, если он успеет обратиться ко Мне, Я приду к нему и встречу на полпути, как заботливый Отче».

¹⁶ Накануне известия из Авиньона о кончине папы Климента VI, 2 декабря 1352 года, колокольня Святого Петра была подожжена ударом молнии. Все колокола упали на землю, разбились и расплавились.

Так, от лица самого Бога, обличала святая Бригитта несговорчивого Климента VI после его кончины.

Понятно, что король Магнус, если даже у него и были сомнения, не дерзнул противоречить святой Бригитте, когда решался вопрос о крестовом походе на Русь.

2

Ранней весной 1348 года в Новгород прибыло необычное посольство.

То есть посольство было самое обыкновенное, но вот предложения, привезенные послами, звучали странно и дико даже для бывалых новгородцев.

Шведский король Магнус II предлагал новгородцам выставить своих самых искушенных философов и богословов, чтобы они в ученом диспуте со шведскими философами и богословами выяснили, чья же вера все-таки лучше.

Проигравшей спор стране следовало принять веру победителя.

Может быть, в устах святой Бригитты подобное предложение и звучало естественно, но изложенное прямой русской речью – «Ино аз иду в вашу веру, или, паки аще наша будет вера лучше, и вы поидете в нашу веру!» – оно пробуждало в новгородцах беспокойство за состояние шведских умов...

Новгородским архиепископом был тогда святитель Василий Калика.

В молодости, будучи еще священником Космодемьянской церкви Григорием, Василий Калика, как и святая Бригитта, совершил паломничество на Святую землю, за что и получил свое прозвище¹⁷.

В 1330 году новгородцы «от мала до велика возлюбили» его и избрали по жребию новгородским владыкой.

Став после монашеского пострижения Василием, он 17 лет управлял Новгородской епархией, и деятельность его выходила далеко за пределы церковной жизни.

Архиепископ Василий Калика занимался не только писанием икон и строительством храмов, но еще и укреплял крепостные стены в Новгороде, строил мосты, занимался дипломатической работой. Это ему обязан Новгород своим примирением с Москвой в 1340 году, когда Василий Калика заключил от имени Новгорода мир «по старым грамотам» с великим князем Симеоном Гордым.

Не чужд был архиепископ и ученых трудов.

Его послание тверскому епископу Феодору о рае много веков повторяли русские летописи.

С годами авторитет святителя Василия стал столь высоким, что митрополит Феогност благословил его крещатыми ризами. Этим знаком особого достоинства Василий Калика был отмечен первым не только из числа новгородских владык, но и среди всех русских иерархов.

Ну а белый клобук, посланный Василию Калике констан-

¹⁷ Калика – паломник, странник. *Словарь русского языка XI-XVII веков.*

тинопольским патриархом, превратился в сюжет «Повести о новгородском белом клобуке», утверждающей, что Русская церковь является наследницей и Византии, и Римской империи, поскольку клобук этот некогда из рук императора Константина получил первый папа римский Сильвестр.

Вот этому архиепископу и предстояло ответить святой Бригитте и шведскому королю Магнусу II. И Василий Калика проявил тут воистину святительскую мудрость.

– Веру мы приняли от греков, и не нам решать, лучше она или хуже латинской, – учтиво и смиренно ответил он. – Пошлай с этим вопросом к константинопольскому патриарху, а если имеешь какие претензии к нам, скажи прямо – о том мы готовы говорить.

Магнуса и святую Бригитту такой ответ не удовлетворил, и весной 1348 года, как только открылась навигация на Балтике, в Неву вошли шведские корабли.

Часть войска – крепость тогда занимала только часть острова – высадилась в конце июня на Ореховом острове, а другая часть, разделившись на небольшие отряды, начала грабить земли по берегам Невы.

Намеченный богословский диспут перешел сразу в практическую плоскость. Всех русских пленных, отказывавшихся перейти в католическую веру, Магнус приказывал казнить.

Кто знает, может быть, и взятие Орешка тоже было открыто в видениях святой Бригитты, ведь захватом этой крепости

решались чрезвычайно важные задачи крестового похода.

Во-первых, Орешек позволял контролировать торговлю Новгорода с Западной Европой, во-вторых, отрезал от Новгорода карел – лишённые новгородской поддержки, они неизбежно должны были покориться шведам. Ну и в-третьих, открывалась возможность покорения всей Ижорской земли.

Сорок дней длилась осада.

Возможно, шведам и удалось бы задушить осадой крепость, тем более что ореховский князь Александр Наримонтович в своей столице отсутствовал, но тут случилось событие, которое не предвидели ни король Магнус, ни святая Бригитта.

23 июля сравнительно небольшой отряд новгородцев, возглавляемый боярами Онцифором Лукиничем, Яковом Хотовым и Михаилом Фефиловым, с криком «Святая София!» неожиданно атаковал шведский корпус и разгромил его.

«...Избиша немец 500 в канун святых Бориса и Глеба, а иных изнимаша, и переветников казниша, – сообщает по этому поводу новгородская летопись. – А бой бысть на Жабце поле».

Это Жабце (Жабче) поле располагалось в северо-западном углу Гатчинского района, на месте нынешнего поселка Терволово.

Весть о поражении на Жабце поле заставила Магнуса изменить тактику рыцарской войны.

В первых числах августа он отправил в осажденную крепость Орешек посланцев, обещая уйти, если город заплатит ему выкуп.

Подумав, жители столицы Ореховского княжества согласились и 6 августа отворили ворота.

Вместо того чтобы уйти, шведы вошли в город. Впрочем, сам Магнус свое обещание сдержал.

Через неделю, оставив в Орешке 800 человек гарнизона, он отплыл обратно в Швецию, на военный совет со святой Бригиттой.

Уплыл король вовремя.

Уже 15 августа новгородское ополчение осадило крепость.

Полгода новгородцы держали шведов в осаде, но те не сдавались, и 25 февраля 1349 года начался штурм.

Возведенные князем Юрием Даниловичем деревянные стены были обложены хворостом и подожжены. Шведы попытались укрыться в каменной башне, но новгородцы ворвались и туда.

Так был взят Орешек, вернее то, что осталось в нем после пожара.

3

В драматургической коллизии, что в полном соответствии со словами апостола Павла разворачивалась в середине XIV

столетия, как «образы для нас», как «наставление нам, достигшим последних веков», события сплелись так причудливо, что судьбы исторических персонажей кажутся заимствованными из волшебных сказок.

Как разделяют Ореховый остров потоки ладожской воды, так же разделены были судьбы инициаторов крестового похода 1348 года на Русь.

Мы знаем, что вернувшийся в Рим папа Урбан V разрешит Бригитте учредить орден, получивший название бригитток, и она построит смешанный монастырь в Вадстене на озере Ваттерн, в котором ее дочь, святая Катерина Шведская, станет первой аббатисой.

Сама святая Бригитта умрет в 1377 году и будет похоронена в монастыре в Пирите, в нескольких километрах от нынешнего Таллина.

В честь ее заслуг, не последнее место среди которых занимала и проповедь крестовых походов против схизматиков, в 1391 году папа римский Бонифаций IX причислит Бригитту к лику святых, а в 1999-м папа римский Иоанн Павел II провозгласит ее покровительницей Европы.

Совсем другая судьба выпала королю Магнусу II.

Поощряемый будущей покровительницей Европы, Магнус предпринял новый поход на новгородские владения, но поход этот оказался еще более неудачным, чем предыдущий.

Когда корабли крестоносцев вышли в Финский залив, поднялся шторм, и, как сообщает новгородская летопись,

«рать немецкая истопе (утонула) в море».

Утонул, согласно шведским хроникам, и сам король Магнус II.

Подтверждая этот факт, в XIX веке почитателей короля водили к его могиле – нагромождению камней на берегу моря.

Однако в XX веке археологи раскопали могилу на берегу моря и вынуждены были разочаровать паломников. Захоронение, объявленное захоронением Магнуса II, относилось к бронзовому веку.

Зато сохранилась могила схимонаха Григория, шведского короля Магнуса, на старом монастырском кладбище Валаама.

Как утверждают здешние предания, Магнус спасся во время бури и был подобран русскими монахами.

Они и выходили неудачливого крестоносца.

Магнус оставил тогда трон, постригся в монахи под именем Григория и, будучи схимонахом, умер в 1374 году в Валаамской обители.

Как мы уже говорили, новгородский архиепископ Василий Калика, пока не призвали его на святительское служение, был священником Григорием.

Король Магнус стал иноком Григорием.

В этом зеркальном отражении имен и чудится нам развязка богословского спора о вере, который пыталась затеять с новгородцами святая Бригитта. Диковинный поворот

случился и в посмертной, связанной с Россией судьбе самой Бригитты.

Монастырь в Пирита, где была погребена святая просветительница эстов, – развалины его находятся в пешеходной доступности от современного Таллина – во время Ливонской войны (1558-1583 годы) оказался разрушенным. Однако реформационное движение тогда уже охватило Скандинавские страны и Прибалтику, и судьба захоронения католической святой никого не волновала.

Вспомнили о мощах покровительницы Европы уже при Петре I. Правда, вспомнили чисто по-петровски.

В Риме тогда откопали великолепную статую Венеры (Афродиты), Юрий Кологривов купил эту статую для русского государя, но поскольку папа римский Климент XI не разрешил вывезти ее, Петр I предложил обменять «мрамурового Венуса» на мощи святой Бригитты.

Климент XI был поставлен в безвыходное положение. Будучи главой Католической церкви и наместником Бога на земле, он никак не мог предпочесть языческую богиню мощам католической святой.

Обмен состоялся, и так у Петра I появилась настоящая античная статуя, которая под наименованием Венеры Таврической экспонируется сейчас в Эрмитаже.

Впрочем, с обменом мощей святой Бригитты на «мрамурового Венуса» мы забежали почти на четыре столетия вперед. Тогда же, в 1352 году, новгородские бояре и черные люди били челом владыке архиепископу Василию Калике, чтобы он «ехал и устроил башни в Орехове».

Василий Калика не стал медлить.

Решено было восстановить Орешек в камне.

После Ладоги, Копорья, Пскова, Новгорода и Изборска Орешек должен был стать шестой цельнокаменной русской крепостью.

Каким был Орешек, спроектированный святителем Василием Каликой, археологам удалось выяснить совершенно точно.

«У стен церкви XIX века, в центре крепостного двора, почти под современной мостовой, во время раскопок 1969 года вдруг показался ряд валунов. Участников экспедиции насторожило то, что в сооружениях острова такие камни не употреблялись. Находку стали расчищать, обнажился отвесный край, и стало ясно, что это не отдельные камни, а необычная для этих мест кладка из крупных и мелких валунов на известковом растворе. Среди валунов были видны выравнивающие прокладки плитняка. Возникло предположение о дворце, тереме, церкви, отдельно стоящей башне... Из земли

между тем освобождалось нечто необычное, словно былинное. На трассе 120 метров (с перерывами из-за поздних повреждений) открылась внушительная стена толщиной в три с лишним метра, сохранившаяся на высоту до двух с половиной метров. Ее внутренняя часть оказалась забутованной мелким булыжником. Фундамент образован двумя-тремя рядами сложенных насухо (без раствора) крупных валунов. Неровность плана, рельефно выступающие камни, затейливая игра светотени придавали сооружению вид гигантской скульптуры...

В одном месте раскопа наметился резкий поворот стены. На ее предполагаемом продолжении забили вешку и наметили новый раскоп. И снова лопата звякнула о стену. Поразительно, что здесь древние камни лежали почти на самой поверхности. По ним ходили и ездили, не подозревая о том, что они здесь существуют. Стена изгибалась буквой «Г» – это были северная и западная стороны неправильного четырехугольника. Восточная сторона его была выявлена в 1970 году (южная не сохранилась).

Итак, за два года раскопок удалось раскрыть три стороны древней крепости. Она занимала юго-восточную часть острова размером примерно 90 на 100 метров. Укрепление, построенное архиепископом Василием в ответственный момент русской истории, перестало быть загадкой...»¹⁸ Грозно

¹⁸ *Кирпичников А.Н., Савков В.М. Крепость Орешек: Историко-архитектурный очерк. 2-е изд., испр. и доп. – Л., 1979.*

возвышалась крепость на холме в юго-восточной части острова. Восточная и южная стены ее, сложенные из крупных валунов и известковых плит, повторяли изгибы береговой линии, а вдоль западной стены крепости проходил трехметровой ширины канал, пересекавший остров с севера на юг и отделявший крепость от посада, занимавшего всю западную часть острова.

По верху крепостных стен был устроен боевой ход с квадратными бойницами.

Крепость имела три приземистые прямоугольные башни, которые возвышались над стенами. Воротная башня стояла почти в центре северной стены, две другие располагались в юго-западном и северо-восточном углах¹⁹.

Впрочем, достраивали Орешек уже без архиепископа Василия Калики. «Кто во что позван, тот в том пребывает», – говорил святитель и всегда следовал этим словам в собственной жизни.

«Нарядив костры» в Орешке (заложив крепостные башни), он уехал в Псков, где открылась тогда эпидемия моровой язвы.

Великое опустошение произвела черная смерть в Пскове, и подавленные горем и страхом жители умоляли архиепископа помолиться вместе с ними.

Прибыв в Псков, Василий Калика исполнил свой архи-

¹⁹ Фрагмент северной стены новгородской крепости 1352 года с Воротной башней законсервирован и стал экспонатом музейной экспозиции.

пастырский долг – совершил богослужение в трех церквях и обошел город с крестным ходом, а уже возвращаясь в Новгород, заболел и скончался в обители Архангела Михаила, при устье реки Узы, впадающей в Шелонь.

Случилось это 3 июля 1352 года.

И получается, что спроектированная и заложенная им незадолго до кончины крепость Орешек, с тремя прямоугольными башнями, с маковкой церкви, выглядывающей из-за сложенных из валунов стен, стала еще и памятником великому – не зря был передан ему из Константинополя белый клубок! – святителю Василию Калике.

5

Черная смерть, унесшая жизнь святителя Василия Калики, распространилась из Пскова по всем новгородским пределам.

«Был мор во Пскове, потом в Новгороде и Ладоге и по всей земле Новгородской». В городе Глухове не уцелело ни одного человека. Люди умирали, харкая кровью.

Не обошла черная смерть и Москву.

11 марта 1353 года скончался от чумы митрополит Феогност, который объединил под своим омофором всю Русскую церковь, следом за ним умер со всей семьей и 35-летний великий князь Симеон Иванович Гордый.

«А по благословию нашего отца, что нам приказал жити

за один, так и я вам приказываю, своей братии, жити за один. А лихих бы людей вы не слушали, кто станет вас сваживать. Слушали бы вы отца нашего, владыку Алексея, также и старых бояр, кто хотел отцу нашему добра и нам. А пишу вам это слово для того, чтобы не перестала память родителей наших и наша и свеча бы не угасла», – писал он в своем завещании.

На московский престол вступил его брат Иван, отец князя Дмитрия, которого назовут Донским.

Казалось бы, оттесняя племянников, Иван Иванович поступил неправо, но семь столетий спустя мы видим, что он просто исполнил тогда Божию волю. И как бы подтверждая это, династические перемены в Москве совпадают по времени с началом игуменства преподобного Сергия в обители Пресвятой Троицы близ Радонежа.

А вскоре произошло и совсем уже небывалое событие.

Сотворился «мятеж во святительстве»²⁰, и митрополитом Киевским и всея Руси оказался урожденный москвич, сын боярина Федора Бяконта, будущий святитель Алексей.

Всего шесть лет княжил Иван II Иванович Красный (Кроткий).

13 ноября 1359 года он умер, и на московский трон был возведен девятилетний Дмитрий.

Фактическим регентом при юном князе стал переваливший на седьмой десяток митрополит Алексей, великий мо-

²⁰ Тогда уже был поставлен митрополитом на Русь Роман.

литвенник и прозорливец. Для того чтобы Москва превратилась в центр, вокруг которого начала объединяться Северо-Восточная Русь, святитель Алексей сделал, кажется, больше, чем сами московские князья.

Обширный жизненный и политический опыт митрополита Алексея оказался востребованным уже в самые первые месяцы княжения юного Дмитрия, поскольку в борьбу за великое княжение владимирское, наследовать которое призывали московские князья, вступил суздальский князь Дмитрий Константинович.

Но не только это обстоятельство требовало святительской осмотрительности и решительности.

Уже окрепла на западе другая сила, угрожающая существованию Руси, и подобно московским князьям, которые приводили татар на Русь, чтобы упрочить свою власть, тверские князья начали обращаться с этой целью к Литовскому княжеству. Осенью 1368 года, когда «мгла стояла три месяца, и рыба в реках мерла», Михаил Александрович Тверской привел на Русь войска своего зятя Ольгерда.

Литовцы разбили на Тросне московский сторожевой полк и осадили Московский Кремль, но каменных стен сооруженной Дмитрием Иоанновичем и святителем Алексием крепости одолеть не смогли.

Три дня Ольгерд стоял в осаде, а потом ушел, опустошая Московскую землю. Впервые после 40-летнего мирного периода Московское княжество испытало неприятельское на-

шествие. «Такого зла и от татар не бывало», – сказано в летописи.

Немало зла против святого страстотерпца князя Михаила Ярославовича Тверского и всего Тверского княжества совершил основатель крепости Орешек князь Юрий Данилович.

Теперь, словно в злом волшебном зеркальце, перевернулись былые события.

31 мая 1372 года полки Михаила Александровича Тверского разбили новгородцев и сожгли Торжок, а жителей истребили.

«Было многое множество мертвых, избитых, утонувших, обожженных, задохнувшихся в дыму... – пишет летопись. – А другие начисто сгорели, а иные утопленники уплыли вниз по Тверце. Такой беды не было Торжку даже от татар».

А через две недели войска Ольгерда и Михаила Александровича Тверского соединились под Калугой и двинулись на Москву.

Но уже не остановить было движение Руси к Куликову полю.

И хотя посол Мамай Ачихожей и Некомат Сурожанин привезли Михаилу Александровичу в Тверь ярлык на великое княжение владимирское, и хотя князь тотчас же сложил целование крестное и разорвал мир с Москвой, это уже не могло ничего переменить.

Побеждая «страх пред ненавистною раздельностью мира», русские люди сохранили единство. 3 сентября 1375 го-

да полной капитуляцией Михаила Александровича Тверского завершилось почти полувековое противостояние Твери и Москвы.

Михаил Александрович навечно отказался от притязаний на великое княжение и признал себя младшим братом московского князя. Никто из князей не осмеливался теперь оспаривать главенство московского князя Дмитрия.

И наступил долгожданный срок.

30 августа 1380 года во Владимире в храме Рождества Богородицы вдруг вспыхнули ночью сами по себе свечи, и когда в церковь вбежал испуганный пономарь, то увидел двух старцев, вышедших из алтаря. Они прошли к гробнице Александра Невского и сказали:

– Александр! Встань и спаси правнука твоего Дмитрия!

И встал Александр Невский из гроба и скрылся со старцами.

А на следующий день мощи святого князя были открыты и поставлены в раке посреди собора.

Начались чудеса исцеления от них.

Главное же чудо произошло 8 сентября, на Рождество Богородицы, когда русские войска переправились через Дон и встали на реке Непрядве, на поле Куликовом.

«И была брань крепкая и сеча злая, и лилась кровь как вода, и падало мертвых бесчисленное множество от обеих сторон».

Весь передовой полк оказался вырублен татарами, и толь-

ко стойкость владимирских и суздальских полков во главе с князем Глебом Брянским и воеводой Вельяминовым позволила предотвратить прорыв татар в центре.

Когда татары уже подсекли полковое знамя в большом полку, в бой вступил засадный полк под предводительством Владимира Андреевича Серпуховского. Вступление в бой свежих сил решило исход битвы – татары были разгромлены.

И все эти годы, омывая остров Орешек, неудержимо текла ладожская вода, и четко рисовался на фоне неба грозный силуэт города-крепости, окруженного водным простором.

Надежно закрывала крепость от врагов Приладожье.

6

И вот случилось и на этой земле великое чудо.

Три года спустя после Куликовской битвы вышедшие на промысел в Ладогу рыбаки увидели в небе икону Пресвятой Богородицы. Озаренная ослепительным сиянием, повисла она 26 июня 1383 года над озером, а потом быстро стала удаляться в сторону устья Свири.

Наверное, чудесный свет различался и с крепостных башен Орешка, но скоро и здесь потеряли икону из виду.

Зато теперь икону увидели на берегу.

Недалеко от впадения реки Ояти в Свирь находится Смолкова гора – тут и остановилась первый раз на русской земле пришедшая из Константинополя икона Божией Мате-

ри.

Следующая остановка была в деревне Имоченицы.

Отсюда, сопровождаемая толпами ладожских рыбаков и местных крестьян, чудотворная икона прошествовала к местности, «нарицаемой Тихфин».

Дальнейшая история Тихвинской иконы, которую называют охранительницей северных пределов России, известна достаточно хорошо, но первые остановки на русской земле иконы, которая, словно чистый свет, возникла в евангельски простом северном пейзаже над Ладожским озером, еще нуждаются в осмыслении.

Ведь эти остановки таинственным образом связаны с рождением человека, глазами которого воочию увидит православная Русь Святую Троицу... В Имоченицах, на высоком обрывистом берегу Ояти, где останавливалась Тихвинская икона, сохранилось предание.

Рассказывают, что в тот летний день 1383 года местный перевозчик услышал с противоположного берега Ояти женский голос с просьбой перевезти через реку.

Однако когда он переехал туда, никого не оказалось там, и пришлось возвращаться в Имоченицы.

И снова услышал перевозчик женский голос, и снова не нашел никого. Лишь на третий раз увидел перевозчик в своей лодке икону, которая после чудесным образом объявилась на речке Тихвинке...

В этом предании ценна не фактография события (после

того как икона первый раз остановилась на Смолковой горе, ее сопровождали толпы богомольцев, отмечавших каждую остановку иконы закладкой часовен и храмов), а внутреннее осознание современниками произошедшего чуда.

Большинство очевидцев встречи иконы в 1383 году ощущали, что плывущая по небу икона пришла именно к нему, именно в его жизнь...

Мы не знаем, где – в Смолковой горе, Имоченицах или Мандерах – жили деды и прадеды преподобного Александра Свирского, но можно не сомневаться, что они находились среди богомольцев, встречавших икону на русской земле.

Что чувствовали они, глядя на вставший в воздухе сияющий как солнце образ?

Какая благодать переполняла их души?

Понимали ли они тогда, что свет этого Божьего чуда озаряет рождение их детей Стефана и Вассы, будущих преподобных Сергия и Варвары – родителей преподобного Александра Свирского?

Но мы помним, что когда евангелист Лука написал на доске стола, за которым трапезовали Иисус Христос, Дева Мария и Иосиф Обручник, образ Божией Матери, который называют сейчас Тихвинским, Пречистая Богородица, посмотрев на икону, сказала:

– С этим образом – благодать Моя и сила.

Среди этой благодати и силы, дарованных Богородицей, и проходило детство родителей преподобного Александра

Свирского...

Житие Александра Свирского не расшифровывает, почему родители преподобного, уже имея многих детей и находясь в значительном возрасте, так сильно печалились о даровании им еще одного сына.

Видимо, что-то было открыто им свыше.

Нам это открывает сама история нашей страны.

Мы знаем, что середина XV века, когда рождается Александр Свирский, – это время распространения и укрепления преобразующих Русь воззрений игумена всея Руси Сергия Радонежского.

Исследователи справедливо отмечают, что постижение идеи Троицы, выразившееся в широком строительстве на Руси троичных храмов, развитии троичной иконографии и создании цикла троичных празднеств, которые Сергей Радонежский положил в духовное основание Святой Руси, было небывалым шагом вперед во всей православной истории. Все те исторические случайности, которые можно отыскать в предшествовавшей истории, следует рассматривать лишь как смутные предчувствия того целостного явления, которое раскрылось на Руси в XIV веке.

«Таковым было слово преподобного Сергия, выразившего самую суть исканий и стремлений русского народа, – говорил Павел Флоренский, – и это слово, хотя бы и произносимое ранее, сознательно и полновесно было, однако, произнесено впервые им... Читатель Пресвятой Троицы препо-

добный Сергей строит троичный храм, видя в нем призыв к единству земли русской, во имя высшей реальности. Строит храм Пресвятой Троицы, «чтобы постоянным взиранием на него... побеждать страх пред ненавистною раздельностью мира».

Смертоносной раздельности противостоит живоначалное единство, неустанно осуществляемое духовным подвигом любви и взаимного понимания. По творческому замыслу основателя, троичный храм, гениально им, можно сказать, открытый, есть прототип собирания Руси в духовном единстве, в братской любви. Он должен быть центром культурного объединения Руси, в котором находят себе точку опоры и высшее оправдание все стороны русской жизни».

Скорее всего, Стефан и Васса не осознавали всей глубины проводимого учениками Сергия Радонежского духовного переустройства. Возможно, они вообще ничего не знали о своем великом предшественнике, но это не помешало им стать его соработниками в духовном преображении Руси.

Ведь их духовное предназначение, как и духовное творчество преподобного Сергия Радонежского, как иконописание его ученика, преподобного Андрея Рублева, совершалось полностью по Божией воле, которую эти святые прозревали и воплощали в своих свершениях.

«Было же это, – говорит житие Александра Свирского, – по смотрению Божию, так как невозможно родить без молитвы и поста такое сокровище, которое еще прежде зачатия

его избрал Господь наставником многих ко спасению».

7

Ни появление Тихвинского монастыря, ни житие Александра Свирского, единственного святого, которому воочию явилась Святая Троица, напрямую не связаны с крепостной твердыней на Ореховом острове, но, возможно, без этой русской крепости и не было бы названных нами событий.

Прикрывая пространство Приладожья и Присвирья, крепость на Ореховом острове защищала от католической экспансии православие, и оно дивно расцветало здесь под ее защитой.

А шведы не оставили попыток захватить край.

В 1390 году, как говорят новгородские летописи, «...поставиша свея город над Невою, на устьи Охты-реки, нарекоша его Венец земли».

И еще более усилилось значение Орешка.

Поэтому-то в 1410 году, перед очередным походом на Выборг, оградил крепостной стеной, повторявшей изгибы береговой линии, и посад на Ореховом острове.

Мудры были строители, продолжившие фортификационное дело святителя Василия Калики.

Включив в крепостное пространство канал, в который можно было заводить на стоянку корабли, готовые к преследованию врага, они не только получили возможность кон-

троля проходящих мимо караванов, но и многократно усилили военную мощь крепости.

А события в стране совершались своим чередом.

В 1425 году пришедшая из Прибалтики эпидемия захватила Новгород, Тверь и Москву, и «была скорбь великая по всей земле».

Умер тогда в Москве сын Дмитрия Донского, 53-летний великий князь Василий I Дмитриевич. И хотя он не отличился ни в битвах, ни в походах, «незримой» своей деятельностью сумел значительно укрепить отцовское наследие.

Стол московский и владимирский занял десятилетний князь Василий II Васильевич (Темный).

Но встал на его пути дядя, звенигородский и галицкий князь Юрий Дмитриевич, развязавший вместе со своими сыновьями Василием Косым и Дмитрием Шемякой жестокую междоусобную войну – 17 лет длилась она. Новгород накануне этой междоусобной войны перешел под покровительство Свидригайла, великого князя литовского, но, словно в ответ на новое новгородское шатание, родился в Москве у Василия II Васильевича второй сын, будущий царь Иван III Васильевич – собиратель земли русской.

По преданию, блаженный Михаил Клопский сказал тогда новгородскому архиепископу Евфимию: «Сегодня радость большая в Москве. У великого князя московского родился сын, которому дали имя Иван. Разрушит он обычаи новгородские и принесет гибель нашему городу».

А на следующий год вернулся в Москву с Флорентийского собора митрополит Исидор.

Совершая богослужение в присутствии великого князя, за литургией вместо вселенских патриархов он помянул имя папы римского, а по окончании службы зачитал грамоту Флорентийского собора о произошедшем соединении Римско-католической и Византийско-православной церквей.

Назвав Исидора «латинским злым прелестником», Василий II Васильевич приказал заточить митрополита в Чудов монастырь.

А еще?

Еще скончался преподобный Арсений Коневский – создатель обители на Ладожском озере...

Еще, поевши отравленной курицы, умер в Новгороде неудачливый соперник Василия II Васильевича князь Дмитрий Шемяка...

В 1456 году Василий II Васильевич Темный за «неисправление новгородцев» предпринял карательный поход и захватил Старую Руссу. Узнав об этом, новгородцы выступили навстречу князю с дружиной, но были разгромлены. Посадник Михаил Туча и многие новгородские бояре попали в плен.

Новгород вынужден был заключить с Москвой Яжелбицкий договор, согласно которому Новгородская республика лишалась права вести самостоятельную внешнюю политику.

Когда великий князь Василий II Васильевич Темный прибыл в Новгород, чтобы поклониться новгородским святы-

ням, искушение убить его так одолевало новгородцев, что архиепископу Ионе стоило большого труда отговорить их. Дело ограничилось бурей, что пронеслась, разрушая дома и церкви в Москве и Новгороде, а великий князь Василий II Васильевич Темный умер сам, заболев «сухотною болезнию».

Престол в 1462 году занял его сын – Иван III Васильевич, который, как и предсказывал блаженный Михаил Клопский, разрушил обычаи новгородские.

Зато при Иване III Васильевиче был перестроен Орешек. Старые стены крепости были разобраны почти до фундамента, и на острове поднялась новая мощная твердыня, стены которой, образуя вытянутый шестиугольник, практически повторяли очертания острова.

Крепость теперь состояла из города и дополнительного укрепления внутри него – цитадели.

Город защищали семь башен.

С запада, со стороны устья Невы, поставлена была самая мощная башня, с верхнего яруса которой велось наблюдение за рекой и ее берегами.

Цитадель защищали три башни. Самой высокой из них была Колокольная башня. Отсюда воеводы следили за ходом боя и передвижением врага, а дозорные вели непрерывное наблюдение за водными просторами Ладоги, Невы и за ее берегами²¹. Башни цитадели были соединены сводчатыми га-

²¹ Из башен цитадели уцелела только одна – Светличная.

лереями, сделанными в стенах. В этих галереях хранились запасы продовольствия и боеприпасов.

Каждая башня имела ярусы. Подошвенный бой был перекрыт каменным сводом. Второй, третий и четвертый ярусы отделялись друг от друга деревянными настилами – мостами.

Изогнутый под прямым углом проход в крепость находился в Государевой башне²².

Не забыли строители возвести и каменную церковь Спаса внутри крепости.

В 1555 году перестроенный Орешек держал первое испытание.

Иоанн Грозный, правивший тогда на Руси, уже взял Казань и готовился к войне за выход к Балтике, когда шведы решили проверить прочность обороны русских границ.

В нарушение 60-летнего перемирия «свеи за рубеж перелезли».

10 сентября 1555 года шведский адмирал Якоб Багге осадил Орешек.

Как говорил современник, пришли они «от Выборга сухим путем на конях, и пеших с ним людей было много. И в бусах с моря Невою пришли в то же время многие с пушками люди к Орешку же и по городу из пушек били. И стояли

²² Стены и башни Орешка начала XVI века, хотя и в значительно измененном виде, сохранились до наших дней. Реставраторами восстановлены сейчас Государева башня и боевой ход на стене между нею и башней Головина.

под городом три недели».

Орешек не дрогнул.

Воеводам А.И. Ногтеву и С.В. Шереметеву удалось не только организовать успешную оборону – «инех же по су-ху многих немец побиша и живых взяша», но и произвести успешную речную операцию. Они захватили шведский ко-рабль, на котором находилось 150 человек и четыре пушки.

Через три недели шведы вынуждены были уйти.

Однако Иоанн Грозный не склонен был прощать шведам этой обиды. Поскольку войско все равно надо было посылать воевать за Балтику, решили для начала размяться на Шве-ции.

Ближе к зиме в Новгород прибыл воевода Петр Щеня-тев, приступивший к формированию армии. Часть будуще-го войска формировалась непосредственно в Новгороде, так как здесь проживали около сотни пушкарей и пищальников, освобожденных от большинства налогов именно из-за того, что были приписаны к регулярному войску. Другая часть ар-мии сосредотачивалась в деревне Кипень²³ на берегу Фин-ского залива. Некоторые историки считают, что для участия в шведской кампании 1555-1556 годов было мобилизовано 75 тыс. человек.

Непосредственно в боевых операциях принимала участие лишь треть сформированной армии, но все равно сила эта была слишком большой для Швеции, и шведский король Гу-

²³ Современный Ломоносовский район.

став Ваза начал говорить, будто адмирал Якоб Багге самовольно атаковал Орешек, а он, король, и не собирался нарушать мир.

Иоанн Васильевич Грозный тоже был преисполнен самых миролюбивых намерений. Он ответил шведскому королю, что коли раздор учинился вопреки воле короля, то надо не позднее Рождества Христова подписать мир, а виновных, кто войну начал, с собою привезти да казнить.

Хотя – редко бывал так благодушен Иоанн Грозный! – можно и по-другому поступить. Пусть, если королю так желается, пришлет он лучших людей, кому верить можно, или бояре на Рождество Христово будут на границе с большой ратью и, виноватых сыскав, приведут же да казнят, чтобы крестное целование не нарушали.

Ну а уж если король таким несговорчивым окажется и если к Рождеству Христову не пришлет никого, то царь и великий князь велит за свою обиду и за королеву неправоту воевать. Тогда нарушение крестного целования будет на короле и кровь старых и молодых прольется из-за тебя, Густава-короля, и твоих державников, а не от нашего и справедливого государя, не от нас, наместников его.

Но то ли шведскому королю жалко стало Якова Багге, который весьма искусным флотоводцем был, то ли еще по какой причине, но не согласился Густав Ваза казнить за послушание адмирала, который его приказание исполнял. И тут уж, раз такие дикие порядки в Швеции царили, ничего не

оставалось Иоанну Грозному – пришлось в поход идти.

Русские войска вошли в Финляндию.

7 февраля в пяти верстах от Выборга состоялось сражение. Разгромленные шведы были вынуждены укрыться за стенами Выборга.

Взять Выборг русским не удалось.

В ответ на разорение карельского берега русские войска опустошили окрестности Выборга, и, увозя множество пленных, вернулись назад. Летопись свидетельствует, что шведских пленников продавали тогда за гривну (десять копеек), а девок – за алтын (три копейки).

Со Швецией был заключен мир на 40 лет.

8

Мир на 40 лет кончился у шведов через четыре года, как только у Иоанна IV Васильевича Грозного начались сложности в Ливонской войне. Магистр Ливонского ордена Готард Кетлер передал тогда свои земли в польско-литовское владение, а северные районы с центром в Ревеле (Таллине) объявили себя подданными Швеции, и Московской Руси пришлось вести войну с коалицией государств.

На первых порах особых успехов для Швеции эта война не имела, но когда командующим шведскими войсками в Прибалтике, а заодно и губернатором Эстляндии был назначен Понтус Делагарди, положение переменилось.

Понтус Делагарди, и особенно – его сын Якоб Делагарди оставили такой кровавый след в истории России, что, наверное, надо подробнее рассказать об истории этого рода.

Понс Декупри – так звали будущего завоевателя Эстляндии – родился во Франции в имении Ла Гарди.

Родители хотели выучить его на аббата, но Понсу Декупри по душе была военная служба, и очень скоро он осуществил свои мечтания.

Понс Декупри воевал в Италии и Шотландии, участвовал в гражданской войне между католиками и протестантами, командовал наемниками (ландскнехтами) в Дании, пока не попал в шведский плен.

Тут он поступил на шведскую службу, превратился в Понтуса Делагарди и уже в 1568 году изменил королю, приняв участие в государственном перевороте. После победы заговорщиков Понтуса Делагарди отметили многочисленными наградами, но вскоре он снова попал в плен – теперь уже к датчанам.

В награду за долгий плен 17 июля 1571 года король Юхан пожаловал ему титул барона Экхольма... Вот такие события предшествовали появлению Делагарди на Ливонской войне.

В 1581 году король Иоанн III, задумавший отрезать Россию от Балтийского и Белого морей, одобрил запланированный Понтусом Делагарди поход на Новгород.

В конце октября Понтус Делагарди осадил Корелу – главный опорный пункт русских на Карельском перешейке. По-

сле бомбардировки шведской артиллерии удалось поджечь деревянные стены крепости.

Горящая крепость и пылающие ядра превратились в герб Кексгольмского герцогства, а Делагарди, не теряя времени, двинулся к Орешку. Защитникам его было передано письмо короля, в котором тот предлагал передать замок и поселения в его руки.

«Вам будет лучше, чем теперь!» – уверял он, но защитники Орешка не вняли этому королевскому совету, и Делагарди не решился идти к Новгороду. Народное предание, изображающее Понтуса Делагарди злым чародеем, которому всегда и во всем помогает нечистая сила, подчеркивает, что Делагарди мог одновременно сражаться в нескольких местах, восполняя недостаток в войске птичьими перьями, которые он превращал в воинов.

Это легенды, но и подтвержденные надежными источниками сведения о кампании 1581-1582 годов не сильно отличаются от них.

Войска Понтуса Делагарди прошли по льду Финского залива и овладели Леалем, Везенбергом, Тольсбургом, Гапсалем, а 6 сентября взяли Нарву, являвшуюся в то время крупнейшим центром русской торговли с Европой. Разумеется, можно спорить о способностях Делагарди к колдовству, но вот в феноменальной жестокости и коварстве его сомневаться не приходится.

Перед штурмом Нарвы Делагарди объявил, что отдает го-

род на сутки на разграбление. В результате за 24 часа после взятия Нарвы, не считая стрельцов из гарнизона, в крепости было убито 7 тыс. мирных жителей.

После Нарвы пали Ивангород, Ям и Копорье, и только Орешек так и продолжал стоять на пути Понтуса Делагарди, не давая завершить столь успешно начавшуюся операцию.

Наверное, перед штурмом Орешка Понтус Делагарди особенно упорно разбрасывал птичьи перья, превращая их во все новых и новых солдат.

Считается, что шведы сосредоточили на невских берегах десятитысячную армию, не считая флотилии, блокировавшей крепость с воды.

Защищали Орешек всего 500 стрельцов...

9

1582 год выдался самым коротким в Европе.

Декретом папы Григория XIII 5 октября 1582 года предписано было считать 15-м числом октября.

Россия эту реформу тогда не приняла.

Такое ощущение, что десять лишних дней, хотя календарь – Новый год тогда начинался в России 1 сентября – и не заметил их, оказались спасительными для нас.

Такое ощущение, что на эти дни и попали события, во многом определившие весь дальнейший ход русской истории.

6 (15) января Россия и Речь Посполитая подписали Ям-Запольское перемирие в Ливонской войне на десять лет. Польский король отказался от претензий на российские территории, в том числе на Новгород и Смоленск.

19 октября у Иоанна Васильевича Грозного и Марии Нагой родился сын – царевич Дмитрий.

25 октября после битвы у Чувашского мыса Ермак взял столицу Кучума Искер.

«Царь же Кучум, видя свою погибель и царства своего и богатства лишение, рече ко всем с горьким плачем: «О мурзы и уланове! Побежим, не помедлим»». Он откочевал в ишимские степи.

26 октября, на День памяти святого Димитрия Солунского дружина Ермака вошла в Искер под хоругвью, на которой и был изображен этот святой. «Царство Сибирское взяша, а царя Кучума победиша и под твою царскую высокую руку покориша многих живущих иноземцев, татар, и остяков, и вогуличей, и к шерти их, по их вере, привели многих, чтобы быть им под твоею государскою высокою рукою до века, покамест Бог изволит вселенной стояти», – писал царю Иоанну Васильевичу Грозному Ермак.

С этими судьбоносными для русской истории датами переплетаются даты обороны Орешка.

6 октября шведы установили на Монашеском острове осадные мортиры и начали бить по западному углу крепости. Через два дня часть стены была разрушена, и шведскому де-

санту удалось захватить башню вблизи пролома.

Казалось бы, участь Орешка была решена, но тут – вот она, Божия помощь! – сильное течение отнесло боты с новыми отрядами шведских десантников, и яростной контратакой стрельцы сумели скинуть в Неву ворвавшихся в крепость шведов.

«Штурм был начат зря и напрасно и прошел с большими потерями», – отмечает средневековая хроника.

14 октября на помощь защитникам крепости Орешек прибыли на 80 ладьях еще 500 стрельцов, и с их помощью был отражен и второй штурм, предпринятый шведами 18 октября.

7 ноября они сняли осаду крепости.

Двухмесячная героическая оборона города сорвала замыслы Делагарди. Не помогло ему никакое чародейство, и в результате в 1583 году было подписано Плюсское перемирие.

Условия перемирия оказались тяжелыми для России: уступая Ивангород, Ям, Копорье, она потеряла выход к побережью Финского залива.

Но можно понять, почему Москва пошла на такое перемирие: воевать одновременно с Польшей и Швецией страна была еще не готова, и Иван Васильевич Грозный, словно предчувствуя, что жить ему остается всего год, спешил завершить начатые войны.

В подписании перемирия участвовал и Понтус Делагарди.

Участвовал он, будучи уже членом риксрода²⁴, и в переговорах о продлении перемирия.

Вот тогда-то, 5 ноября 1585 года, и перевернулась лодка, в которой шведская делегация возвращалась с очередного съезда с русскими представителями, и Деллагарди потонул.

В Москве его гибель сочли «Божиим милосердием и великого чудотворца Николы милостию...» Надо сказать, что недобрую память Понтус Деллагарди оставил не только в памяти русских людей. Похоронен он был в Домском соборе Ревеля, и здесь сохранилась народная легенда, которую Ф.Р. Крейцвальд поместил в сборнике «Старинные эстонские народные сказки».

Согласно этой легенде, Понтус Деллагарди имел обыкновенные сдирать кожу с убитых солдат и отдавать ее дубильщикам для последующей продажи. Внезапная смерть в ноябрьской воде Наровы помешала ему завершить торговые операции, и дух жестокого полководца-авантюриста якобы до сих пор бродит по улицам Таллина, пытаясь продать запоздавшим прохожим дубленую солдатскую кожу.

Похоже, что со словами москвичей по поводу Божьего милосердия, выразившегося в утоплении Понтуса Деллагарди, готовы были согласиться и представители других народов, но ликование оказалось преждевременным: уже подрастал родившийся в Ревеле вскоре после заключения Плюсского перемирия сын Понтуса Деллагарди – Якоб... Младший сын

²⁴ Государственный совет при шведском короле.

Понтуса Делагарди превзошел своего отца, когда, «помогая» России отразить польскую интервенцию в Смутное время, довершил отцовский замысел и «нечаянно» захватил и Новгород, и другие города Новгородской земли.

Тогда же Якоб Делагарди занялся и Орешком, который так и не сумел раскусить его отец.

23 февраля 1611 года Якоб Делагарди установил батарею на Монашеском острове и приказал идти на штурм.

Как следует из «Истории шведско-московской войны» Иоганна Видекинда, главный удар штурмующих был направлен на Воротную башню. Подведя петарды, шведы взорвали двое передних ворот, но там тотчас опустились третьи, железные ворота, которые не поддавались действию петард. Потеряв немало человек убитыми и ранеными, шведы вынуждены были отступить. Трупы лучших людей были сложены на десять возов и увезены в Выборг.

После этого неудачного штурма решено было прибегнуть к осаде. Уже захвачена была Ладога, и к 30 ноября 1611 года шведам удалось надежно замкнуть блокадное кольцо.

Будущий фельдмаршал Эверт Горн, командовавший войсками, осаждавшими Орешек, предложил осажденным капитулировать. От горожан требовалось подчиниться королевскому наместнику и принять шведский гарнизон. Но защитники Орешка отказались сдать крепость. Они продолжали отчаянно сопротивляться и, пользуясь потайной гаванью, делали вылазки на ладьях и лодках, нападая на шведов.

Однако 12 мая 1612 года твердыня Московской Руси на Неве пала. Как свидетельствует Иоганн Видекинд, в живых в крепости оставалось чуть больше сотни стрельцов.

Шведы переименовали русскую крепость-остров в Нотебург²⁵.

²⁵ *Nöteborg*. Швед. *nöte* – «орех», *borg* – «крепость, город».

Глава третья

ВКУС РАЗГРЫЗЕННОГО ОРЕХА

*...Язык наш возвеличим,
устны наша при нас суть: кто нам Господь есть.*

Псалом 11, ст. 5

*Правда, что зело жесток сей орех был, однако
ж, слава Богу, счастливо разгрызен.
Петр I*

Некий мистический знак видится в том, что блокада Орешка совпала с заключением в темницу патриарха Гермогена. Мученическая смерть пришла к заморенному голодом святителю 17 февраля 1612 года, а блокадный Орешек держался дольше – шведы овладели крепостью только 12 мая.

«Да будут благословенны которые идут на очищение Московского государства, – молился перед своей кончиной святитель Гермоген, обращаясь к образу Казанской иконы Божией Матери. – А вы, окаянные московские изменники, будьте прокляты!»

Перед сдачей Орешка защитники замуровали в стену икону Казанской Божией Матери в надежде на то, что она поможет вернуть крепость России.

Медленно, но неотвратимо сплетаются в глубине столетий гибельные для нашей страны сети. Но еще далека опасность, а уже подыскивается то, что способно одолеть надвигающуюся беду.

Уместившись в пространстве двух лет, сошлись две даты.

В 1578 году родился Дмитрий Михайлович Пожарский, будущий освободитель Москвы. А на следующий год обрели чудотворную икону Божией Матери, получившую название Казанской...

Это события, из которых предстояло произрасти спасению нашего Отечества от разрушительной Смуты, в которую ввергли его властолюбие и алчность, разврат и своеволие...

Как и многое на Руси, история Казанской иконы Божией Матери начинается во времена царствования Иоанна Васильевича Грозного...

После страшного пожара, уничтожившего 23 июня 1579 года в Казани весь посад, дочери казанского стрельца Матрене явилась во сне Богородица, указавшая место на пепелище, где находится Ее икона. На этом месте 8 июля 1579 года и откопали завернутый в ветхое вишневое сукно – это был рукав однорядки – чудотворный образ... Сама икона – таких еще не было на Руси! – была необычной, и вся она «чудно сияла светлостью»: земная грязь еще не коснулась образа.

Тотчас послали известить Казанского архиепископа Иеремию, но он посчитал излишним осматривать находку несмышленной девочки, и вместо него на пожарище пришел священник из ближайшей к пожарищу Николо-Гостинодворской церкви. Первым этот священник и поднял икону, чтобы благословить ею народ.

Звали священника Ермолай...

Уже на следующий день начались исцеления. Перед иконой прозрел казанский слепой Никита... Но оказалось, что образ Казанской Божией Матери дарует и духовное прозрение.

И самое первое чудо от него – это самовидец, как он потом сам называл себя, священник Ермолай, который и поднял из черноты пепелища чудотворный образ, чтобы показать народу.

Исполнилось ему тогда 50 лет, но словно и не было их – в непроницаемых сумерках времени скрыта жизнь иерея Ермолая. И только когда он взял в руки чудотворный образ Казанской Божией Матери, спала пелена с глаз русских людей – во всей духовной мощи явился перед ними облик великого святителя, будущего патриарха Гермогена.

И конечно, никто не догадывался тогда, что чудо, которое совершила икона, превратив иерея Ермолая в грозного святителя, было только прообразом чуда, совершенного 22 октября 1612 года, когда вдруг очнулись перед пречистым ликом Казанской иконы Божией Матери разъединенные поли-

тическими симпатиями и антипатиями русские люди и, ощутив себя единым народом, сбросили с себя вместе с обморочностью Смуты и ярмо чужеземных захватчиков.

Тогда загудели колокола в московских церквях – и двинулись на штурм Китай-города ратники князя Дмитрия Пожарского и Кузьмы Минина.

Единым приступом был взят Китай-город, и поляки укрылись в Кремле, чтобы через три дня сдаться на милость победителей.

2

Слухи о необычной иконе и тех чудесах, которые были явлены от нее, растеклись по Руси еще до освобождения Москвы. Еще в 1594 году по повелению царя Федора Иоанновича в честь явления чудотворного образа заложили каменный храм Пречистой Богородицы.

Ну а после освобождения от поляков Москвы к иконе пришла всенародная слава. И празднование ее стало совершаться не только в Казани 8 июля, но и в Москве 22 октября.

Князь Дмитрий Пожарский на свои средства построил на Красной площади в Москве Казанскую церковь, где долгое время хранился тот самый список с иконы, перед которым молились ратники, шедшие освобождать Москву. Три с половиной десятилетия спустя, 22 октября 1648 года, на праздник «чудотворных икон Казанских, во время всеобщего»

го пения» родился наследник престола царевич Дмитрий, и царь Алексей Михайлович повелел праздновать Казанскую икону «во всех городах по вся годы», как бы редактируя при этом и содержание самого праздника.

Но первенец царя Алексея Михайловича вскоре умер, и праздник – осеннее почитание Казанской иконы Божией Матери сделалось всенародным – остался в прежнем своем значении.

С этого времени и начинается настоящее торжество чудотворных образов Казанской иконы Божией Матери по всей стране.

В 1661 году Казанская икона была обретаена в Тобольске. Дьяку монастыря было указано во сне, чтобы он взял образ Казанской Божией Матери, который в небрежении хранился в чулане одной из церквей, и поставил икону в новой церкви, воздвигнув ее за три дня. Повеление Богоматери было исполнено – в крае сразу прекратились проливные дожди, а больные начали получать от чудотворного образа исцеление.

В 1689 году образ Казанской Божией Матери явился в селе Каплуновка Харьковской епархии. Перед этим образом молился Петр Великий накануне Полтавской битвы.

В 1695 году во время всенощного бдения в кафедральном соборе начала источать слезы Тамбовская икона Казанской Божией Матери.

Похожее чудо произошло и в Шлиссельбурге в 1702 году. Часовой, стоявший на карауле, заметил исходящий из сте-

ны свет.

Наутро в стене появилась трещина, и когда раскрыли кирпичную кладку, увидели, как появляется из стены Младенец, простирающий руку для благословения, увидели Богоматерь, склонившую к Сыну свою голову.

Это был замурованный здесь в 1612 году образ иконы Казанской Божией Матери.

«Эта местная святыня, – писал последний настоятель шлиссельбургского крепостного храма Рождества Иоанна Предтечи протоиерей Иоанн Флоринский, – оставшаяся в иноверческой земле, могла бы исчезнуть бесследно, как исчезли сами православные церкви в Орешке, с их украшениями и утварью, если бы заботливая рука одного из оставшихся в Орешке ревнителей православия не скрыла эту духовную ценность от глаз иноверных. Икона была замурована в стене древнего русского крепостного храма, и здесь-то она сохранялась в течение почти целого столетия. Православные ореховцы надеялись таким образом предохранить драгоценный образ Небесной Владычицы от поругания иноплеменных, твердо веря, что Царица Небесная Сама освободит свой образ от временного заточения и возвратит принадлежащий Ей храм и покровительствуемую Ею древнерусскую область в руки православных».

Видимо, так и было...

Может быть, список Казанской иконы Божией Матери не успели вывезти из Орешка, когда заключен был Столбовской

мир, по которому крепость отошла Швеции, но скорее всего, защитники замуровали икону в надежде на то, что она поможет вернуть России ее невскую твердыню.

Уместно вспомнить здесь, что Тихвинскую икону Божией Матери, проплывшую 26 июня 1383 года в небе вблизи Шлиссельбурга, тоже замуровывали в свое время в стене Пантократорской обители, чтобы спасти от еретиков-иконоборцев.

В этом повторе истории, дивным отсветом лежащем на само явление Шлиссельбургской иконы, обнаруживается глубокий мистический смысл. Шлиссельбургская икона как бы соединяет в себе две иконы, одна из которых, Тихвинская, именуется охранительницей северных рубежей России, а другая, Казанская, – спасительницей нашего Отечества.

Тихвинскую – тогда она называлась Влахернской – икону освободили через 60 лет.

Шлиссельбургская икона пробыла в каменном плену 90 лет...

3

Попытки освободить Орешек предпринимались еще в правление царя Алексея Михайловича. Осенью 1656 года Нотебург осадил войско воеводы Петра Ивановича Потемкина. 40-летний полководец уже брал и польский Люблин, и шведский Ниеншанц, жег шведские поселения на Котлине,

громил шведские корабли, но с Орешком дело у него не заладилось.

Хотя Петр Иванович и начал бомбардировку крепости, установив орудия на Монастырском острове, шведы держались твердо.

– Яблоко и грушу легче раскусить, чем такой орех! – ответил комендант крепости майор Франс Граве на предложение о сдаче, и предок великого Григория Потемкина вынужден был отвести войска.

В музее Прадо в Мадриде экспонируется портрет Петра Ивановича Потемкина, который Хуан Каррено де Миранда написал спустя десятилетие после нотебургской неудачи.

На портрете много золотой парчи и дорогого меха, а еще больше – важности, которую как бы вносит собою царский посол Петр Иванович Потемкин, но схожая по цвету с осенней ладожской водой седина бороды омывает лицо русского стольника, так и не сумевшего раскусить шведский орех.

Разгрызать его пришлось Петру I.

Взятие Нотебурга он считал чрезвычайно важной задачей, и подготовка к штурму велась предельно тщательно.

Некоторые историки полагают, что и легендарное перетаскивание волоком по Государевой дороге кораблей из Белого моря в Онежское озеро тоже было связано с подготовкой к штурму Орешка.

Тогда за два месяца мужики и солдаты протащили по лесам и болотам корабли «Святой дух» и «Курьер», и, прой-

дя по Онеге, Свири и Ладоге, корабли эти якобы подошли к устью Невы, хотя и непонятно, что они делали здесь при штурме Нотебурга.

Ну а настоящие русские войска подошли к Нотебургу 26 сентября 1702 года. Всего Петр I собрал на берегу Невы 14 полков, включая гвардейские Семеновский и Преображенский.

Русский лагерь был разбит на Преображенской горе.

Осаду – гарнизон Нотебурга во главе с комендантом подполковником Густавом фон Шлиппенбахом насчитывал около 500 человек и располагал 140 орудиями – вели по всем правилам.

Под непосредственным наблюдением самого Петра I по трехверстной лесной просеке протащили из Ладожского озера в Неву лодки. На этих лодках солдаты Преображенского и Семеновского полков переправилась на правый берег Невы и захватили там шведские укрепления. Потом из лодок устроили наплавной мост, связавший невские берега.

Когда кольцо осады замкнулось, к коменданту Нотебурга был «послан трубач с предложением сдать крепость на договор». Густав фон Шлиппенбах просил отсрочки на четыре дня, чтобы снестись с нарвским обер-комендантом, которому он подчинялся. В ответ 1 октября русские батареи открыли артиллерийский огонь по крепости.

Бомбардировка продолжалась непрерывно в течение 11 дней. Начали гореть деревянные постройки, плавилась свин-

цовые кровли башен, ночью Неву освещало зарево пожара, и казалось, что река налилась кровью. Течение уносило зарничную кровь к Финскому заливу, к шведской крепости Ниеншанц. 3 октября парламентар-барабанщик передал просьбу жен шведских офицеров, умолявших выпустить их из Нотебурга ради великого беспокойства от огня и дыму.

– Если изволите выехать, изволили б и любезных супругов своих с собою вывести купно! – галантно ответил шведским дамам Петр I.

«Сей комплимент знатно осадным людям показался досаден», – сказано в «Книге Марсовой», и бомбардировка Нотебурга возобновилась.

Всего по крепости было выпущено свыше 15 тыс. ядер и бомб.

В крепостной стене появились огромные бреши, сквозь которые могли пройти маршем в ряд 20 человек. Правда, находились эти пробоины слишком высоко над землей, но Петр I, рассматривавший Нотебург с Преображенской горы, результатами артподготовки остался доволен.

«Альтиллерия наша зело чудесно дело свое исправила», – сообщал он в письме А.А. Виниусу.

Следы петровской бомбардировки Нотебурга можно найти и сейчас.

«Под дерном оказались свежие напоминания о минувшей войне: битый кирпич, щебенка, осколки мин, – пишут в своей книге «Крепость Орешек» А.Н. Кирпичников и В.М. Сав-

ков. – Ниже стали попадаться осколки ядер, которыми при Петре I обстреливали с материка крепость в 1702 году. А вот и неразорвавшаяся трехпудовая mortarная бомба – одна из 3 тыс., выпущенных по шведскому гарнизону. Частицу извлеченного изнутри пороха, которому 268 лет, удалось воспламенить. Горел он разноцветными искрами...»

4

Таковыми же разноцветными искрами рассыпались три сигнальных выстрела, возвестивших ночью 11 октября начало штурма.

Ударили барабаны.

Сквозь ночную темноту ладьи пошли к крепости, озаряемой пламенем пожаров. Их сносило сильным течением, и гребцы налегали на весла.

Так начался штурм.

Взятие Нотебурга (Орешка) – одна из самых ярких и значительных побед Петра I.

Подготовка к штурму была проведена тщательная, но стесненные на полоске земли между крепостными стенами и водой русские полки все равно несли огромные потери.

К тому же приготовленные лестницы оказались слишком короткими, и десантники не смогли подняться к пробоинам и с ходу ворваться в крепость.

Тем временем шведы развернули орудия и начали бить

напрямую.

И был момент, когда заколебался Петр I и даже послал на остров офицера с приказом командиру штурмующего отряда подполковнику Семеновского полка Михаилу Голицыну отступить.

– Скажи царю, что теперь я уже не его, а Божий, – ответил посыльному Голицын и, взобравшись на плечи солдата, стоявшего на верху лестницы, залез в пролом. – Вперед, ребята!

Бесконечно длился кровопролитный бой, но шведы не выдержали.

«Неприятель от множества нашей мушкетной, также и пушечной стрельбы в те 13 часов толь утомлен, и, видя последнюю отвагу, тотчас ударил шамад...» Это в пятом часу дня Густав фон Шлиппенбах велел ударить в барабаны, что означало сдачу крепости.

Нотебург был взят.

Сохранились списки русских солдат, павших при штурме крепости.

Лейб-гвардии Преображенского полка

Майор – Давыд Гаст.

Капитаны – князь Иван Львов, Иван Рукин, Андрей Валбрехт.

Поручики – Яков Борзов, Дмитрий Емцов, Василий Ивановский, Павел Беляев.

Сержанты – Андрей Ребриков, Алексей Ломакин, Семен Котенев.

Рядовые – Афанасий Лобоз, Яков Тибеев, Григорий Соколов, Семен Мишуров, Иван Чесноков, Клим Варенихин, Гаврило Башмаков, Иван Писарев, Никифор Ляблицов, Козьма Фомин, Илья Кондаков, Максим Демьянов, Петр Жеребцов, Андрей Посников, Фома Следков, Василий Воробьев, Петр Булкин, Петр Белош, Стефан Тяпкин, Алексей Дубровский, Федор Оставцов, Павел Копылов, Иван Фомин, Сергей Кондратьев, Лука Александров, Петр Аксентьев, Федор Ефимов, Фрол Чурин, Ерофей Пылаев, Яков Голев, Иван Сидоров, Никифор Котловский, Прокофий Коротаев, Андрей Котенев, Савва Тихонов, Иван Злобин, Парфен Палкин, Ефим Черкашенинов, Прокофий Юрьев, Василий Чириков, Яков Бута, Григорий Пыхоцкий, Федор Булатов, Никита Ефимов, Иван Романов, Федор Путимцев, Иван Лебедев, Матвей Черкасов, Трофим Титов, Иван Чебалов, Тихон Лелнев, Яков Тихомиров, Иван Быков, Федот Коротаев, Яков Отавин, Савелий Лисицын, Иван Волк, Иван Ершов, Мирон Неустроев, Федор Беляев, Лаврентий Путилов, Семен Казаков, Федот Махов, Федор Казаков, Иван Мозалев, Петр Крюков, Антон Ремезов, Ефрем Быков, Иван Дроздов, Борис Домкин, Иван Ерофеев, Никифор Лапин, Агафон Уланов, Иван Жуков, Козьма Сайников, Григорий Бровиков, Викуль Зabloцкий, Козьма Носов, Мартын Дудырин, Иона Кабин, Иван Нагаев, Тимофей Жданов, Иван Иванов, Петр Шевелев, Иван

Федотов, Данила Бавин, Дмитрий Соловьев, Нестор Титов, Тит Батулин, Федор Бадаев, Козьма Соболев, Семен Сербин, Пантелей Матвеев, Михайло Медведев, Агафон Толанков, Анисим Посняков, Михайло Попрытаев, Андрей Кудряков, Григорий Зыков, Матвей Полчанинов, Козьма Кузовлев, Леонтий Смольянинов.

Барабанщик – Никифор Панков.

Лейб-гвардии Семеновского полка

Майор – Кондратий Мейер.

Капитан – Егор Колбин.

Поручики – Федор Лихарев, князь Алексей Шаховский, Иван Дмитриев-Мамонов.

Капрал – Гаврило Шапилов.

Рядовые – Федор Струнин, Семен Борзов, Григорий Каменский, Егор Туменев, Иван Павловский, Яков Кудрявцев, Иван Данилов, Алексей Ураков, Спиридон Беляев, Иван Богатырев, Григорий Кудрявой, Василий Мартьянов, Иван Оборин, Андрей Кириллов, Никифор Коржавин, Сергей Нагаев, Федор Бычков, Зиновий Паршин, Григорий Овсянников, Иван Волох, Максим Папонов, Данило Никифоров, Дмитрий Шаров, Ларион Деделин, Терентий Белоусов, Павел Чеботарев, Федор Захаров, Леонтий Воробьев, Иван Нижегородов, Анисим Чистяков, Тимофей Стушкин, Иван Баскаков, Тимофей Борзов, Иван Никитин, Иван Зерковников,

Егор Харитонов, Борис Грызлов, Михайло Осанов, Кондратий Лытков, Дмитрий Волох, Фрол Зайцев, Сидор Фролов, Федор Старичков, Данило Шатилов, Еремей Щеголев, Степан Шатаков, Ларнок Сухарев, Козьма Лукоренский, Афанасий Торovorov, Кондратий Эрнев, Константин Глазунов, Якав Ушаков, Василий Панов, Иван Дубровин, Степан Хабаров, Иван Заварзий, Козьма Федотов, Петр Братин, Тихон Казимеров, Иван Радивилов, Кондратий Манзурьев, Афанасий Фармос, Осип Абрамьев, Федор Васильев, Ефим Глазунов, Аким Короткий, Михайло Кудринс, Василий Власов, Терентий Лоботков, Иван Быстров, Семен Побегалов, Евстифей Иванов, Софрон Шемаев, Гордей Богданов, Степан Гребенкин, Кирила Соловьев, Козьма Медведев, Трофим Судоплатов, Григорий Катов, Андрей Коровин, Михайло Дбяков, Василий Мамонтов, Афанасий Подшивалов, Герасим Ротунов, Иван Сорокин, Анисим Зверев, Алексей Шабанов, Иван Волобаев, Самойло Звягин, Павел Иванов, Федор Замолнев, Михайло Шепелев, Иван Лутошный, Кирилл Беликов, Игнатий Евсеев, Никифор Минин, Артамин Мордвинов, Василий Трубач, Матвей Соседов, Петр Безчасной, Матвей Клужетов, Роман Маслов, Василий Лыков, Дмитрий Филатов, Сергей Барков, Гаврило Осипов, Иван Приезжей, Анисим Сомароков, Данил Леонтьев, Аким Гигмонов, Афанасий Иевлев, Андрей Лебедев, Дмитрий Любимов, Петр Зверев, Григорий Зорин.

В звучании этих имен и фамилий столько неповторимо-

сти, столько чудесной красоты, столько богатырской силы, что весь этот список звучит как музыка, как гимн России.

Такое ощущение, что ты оказался в какой-то заповедной роще.

Любопытно сравнить этот список со списком шлиссельбургских арестантов, хотя бы тех же народовольцев.

Николай Морозов, Михаил Фроленко, Михаил Тригони, Григорий Исаев, Михаил Грачевский, Савелий Златопольский, Александр Буцевич, Михаил Попов, Николай Щедрин, Егор Минаков, Мейер Геллис, Дмитрий Буцинский, Михаил Клименко, Федор Юрковский, Петр Поливанов, Людвиг Кобылянский, Юрий Богданович, Айзик Арончик, Ипполит Мышкин, Владимир Малавский, Александр Долгушин, Николай Рогачев, Александр Штромберг, Игнатий Иванов, Вера Фигнер, Людмила Волкенштейн, Василий Иванов, Александр Тиханович, Николай Похитонов, Дмитрий Суровцев, Иван Ювачев, Каллиник Мартынов, Михаил Шебалин, Василий Караулов, Василий Панкратов, Михаил Лаговский, Иван Манучаров, Людвиг Варынский, Людвиг Янович, Пахомий Андреюшкин, Василий Генералов, Василий Осипанов, Александр Ульянов, Петр Шевырев, Михаил Новорусский, Иосиф Лукашевич, Петр Антонов, Сергей Иванов, Василий Конашевич, Герман Лопатин, Николай Стародворский, Борис Оржих, Софья Гинсбург, Павел Карнович, Сергей Балмашов, Фома Качура, Михаил Мельников, Григорий Гершуни, Егор Сазонов, Иван Кляев, Александр Васильев,

Хаим Гершкович, Яков Финкельштейн, Михаил Ашенбреннер...

И хотя в этом списке немало достойных людей, трудно отделаться от ощущения, будто идешь то ли по пожарищу, то ли по старой вырубке, заросшей неведомо чем.

И что из того, что в первом списке собраны солдаты-герои, а во втором («Мы имеем тех преступников, каких заслуживаем», – говорил тюремный врач Шлиссельбургской крепости Евгений Рудольфович Эйхгольц) – государственные преступники? Нет, в первом списке – люди, принадлежащие прежней Московской Святой Руси, а во втором – люди, которые о Святой Руси благодаря Петру I и его реформам не слышали и слышать не желали.

Шведский гарнизон вышел из крепости с четырьмя пушками и распущенными знаменами. Он состоял из 83 здоровых и 156 раненых – остальные пали во время осады и штурма. Солдаты шли с личным оружием, с пулями во рту – в знак того, что они сохранили свою воинскую честь.

Русские потери составили 538 человек убитыми и 925 ранеными.

Павших во время штурма героев похоронили внутри крепости.

На стене церкви Иоанна Предтечи в 1902 году была установлена доска с их именами²⁶, но в 1939-м эту доску увезли

²⁶ Доску эту изготовил заключенный Шлиссельбурга – бывший кузнец народо-волец П.А. Антонов.

в Музей истории и развития Ленинграда.

Ну а главный герой штурма, Михаил Михайлович Голицын, конечно, и догадываться не мог тогда, что взял крепость, которая через несколько лет станет тюрьмой для его брата, князя Дмитрия Михайловича Голицына.

5

На радостях Петр I переименовал Нотебург в Шлиссельбург – «ключ-город».

Считается, что этим ключом открывался путь к Балтийскому морю, но очевидно, что Петр вкладывал в это название и более широкий смысл – ключ к победе в войне.

Все первые дни после взятия Шлиссельбурга Петр I пребывал в упоении от свершившегося чуда.

«Объявляю вашей милости, – пишет он Федору Матвеевичу Апраксину, – что с помощью победыдавца Бога крепость сия по жестоком и чрезвычайном, трудном и кровавом приступе (который начался в четыре часа пополуночи, а кончился по четырех часах пополудни) сдалась на аккорд, по котором комендант Шлиппенбах со всем гарнизоном выпущен. Истинно вашей милости объявляю, что чрез всякое мнение человеческое сие учинено, и только единому Богу в честь и чуду приписать».

Послание это, хотя и в дальнейшем Петр I не забывал разделять с Богом своих ратных побед, все-таки выделяется по-

вышенной и, в общем-то, несвойственной Петру религиозной экзальтацией.

Объясняется она тем, что Петр I ясно осознавал не только стратегическое значение одержанной победы, но и ее исторически-мистический смысл.

Дед его, царь Михаил Федорович, первый в династии Романовых, был коронован 90 лет назад, после изгнания поляков из Москвы. Петр I, его внук, освободил сейчас последнюю потерянную в годы Смуты крепость.

Как тут было не возрадоваться?

Не случайно по указу Петра I в память взятия Орешка была выбита медаль с надписью: «Был у неприятеля 90 лет».

Слова Петра I о том, что «чрез всякое мнение человеческое сие (взятие Орешка. – *Н.К.*) учинено, и только единому Богу в честь и чуду приписать», – слова русского царя.

Когда караульный солдат увидел замерцавший из-под кирпичной кладки свет Казанской иконы Божией Матери, он смотрел глазами русского солдата.

И явственно было явлено и царю, и солдату, как смыкаются эпохи...

В 1612 году, перед тем как пойти на штурм, молились ратники Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского перед Казанской иконой Божией Матери.

Задержавшись на 90 лет, 1612 год пришел и в древнюю русскую крепость Орешек. И здесь, завершая освобождение Руси от иноплеменных захватчиков, явилась Казанским ли-

ком своим Пречистая Богородица!

Мы уже говорили, что священник Ермолай, который первым разглядел икону Казанской Божией Матери, превратился в святителя Гермогена.

Нам неведомо, кем стал солдат, первым увидевший Шлиссельбургский образ Казанской иконы Божией Матери. Может, он погиб в бесконечных петровских войнах, а может быть, закончил жизнь в крепостной неволе.

Другая эпоха, другое время пришло...

Как известно, скоро Петром I вообще будут запрещены чудеса на русской земле.

Петр I – сохранились только глухие упоминания о его распоряжении поместить обретенную икону в крепостной часовне – по сути, никак не отреагировал на находку, не захотел рассмотреть того великого значения, которое скрыто было в обретении Шлиссельбургской иконы Казанской Божией Матери.

Почему не захотел он увидеть этого чуда?

6

Соблазнительно объяснить совершившуюся в государе перемену шлиссельбургским трагикомическим эпизодом, приведшим к разрыву Петра I с его любовницей Анной Монс.

15 апреля 1703 года в Шлиссельбурге «зело несчастливый

случай учинился: первый доктор Лейл, а потом Кенигсек... утонули внезапно».

Это прискорбное, но не слишком значимое событие тем не менее оставило след в истории, потому как в кармане саксонского посланника Кенигсека нашли любовное письмо Анны Монс.

Измены Анны – напомним, что ради нее Петр I заставил постричься в монастырь свою жену, царицу Евдокию! – Петр не ожидал и так и не простил любовницу до конца жизни.

Сама Анна Монс, как известно, была посажена под арест, и только в 1706 году ей разрешили посещать лютеранскую церковь. Пострадала и Матрена Ивановна Балк, которая пособляла сестре в ее романе с Кенигсеком. За свои хлопоты Матрене Ивановне пришлось отсидеть в тюрьме три года.

Ну а два десятилетия спустя – рассказ об этом у нас пойдет далее – скатится с плахи и голова брата Анны, Вильяма Монса.

Поэт Андрей Вознесенский описал казнь Анны Монс, хотя казнена была не она, а ее брат, в «Лобной балладе»²⁷:

Царь страшон: точно кляча, тощий,
Почерневший, как антрацит,
По лицу проносятся очи,
Как буксующий мотоцикл.

²⁷ Вознесенский А. *Ахиллесово сердце*. – М.: Художественная литература, 1966.

И когда голова с топорика
Покатилась к носкам ботфорт,
Он берет ее над толпою,
Точно репу с красной ботвой!

Пальцы в щеки впились, как клещи,
Переносицею хрустя,
Кровь из горла на брюки хлещет.
Он целует ее в уста.

Только Красная площадь ахнет,
Тихим стоном оглушена:
«А-а-анхен!..»
Отвечает ему она:

«Мальчик мой, государь великий,
Не судить мне твоей вины.
Но зачем твои руки липкие
Солоны?

Баба я – вот и вся провинность.
Государства мои в устах.
Я дрожу брусничной кровиночкой
На державных твоих усах.

В дни строительства и пожара
До малюсенькой ли любви?
Ты целуешь меня, Держава,
Твои губы в моей крови.

Перегаром, борщом, горохом
Пахнет щедрый твой поцелуй.
Как ты любишь меня, Эпоха,
Обожаю тебя, царуй!..»

Разумеется, соединить Анну и Вильяма Монса в единый объект любви и расправы Петра I автору стихов помогла его неотягощенность знанием истории, однако сработала тут и логика петровской мифологии. Любое злодеяние, которое совершал и которое не совершал Петр I, эта мифология заранее объясняла и оправдывала самой атмосферой «дней строительства и пожара» Петровской эпохи.

Возможно, посещая Шлиссельбург, Петр I вспоминал о горечи унижения, которое пережил, читая вынужденное из кармана утонувшего Кенигсека любовное письмо Анны Монс.

Но одной только личной досады, как ни глубока была она, недоставало для начала строительства новой государственной мифологии.

7

Первый шаг на пути создания этой мифологии, которая хотя и соприкасалась с прежней русской историей, но не столько продолжала, сколько преображала ее на новый, петровский лад, Петр I сделал, переименовав старинный рус-

ский Орешек в Шлиссельбург.

На Государевой башне укрепили ключ от крепости, что означало: взятие Орешка открывает путь к Балтийскому морю.

Впрочем, ключом этим пользовались недолго.

Уже 1 мая 1703 года был взят Ниеншанц, стоящий при впадении Охты в Неву, и Петр I начал искать место для строительства в устье Невы новой русской крепости.

14 мая 1703 года на берегах Невы было теплым и солнечным.

В этот день Петр I, как утверждает анонимное сочинение «О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга», совершал плавание на шлюпках и с воды «усмотрел удобный остров к строению города...» Как только государь высадился на берег, раздался шум в воздухе – и все увидели «орла парящего». Слышен был «шум от парения крыл его». Сияло солнце, палили пушки, а орел парил над государем и в Пятидесятницу, когда, посоветовавшись с сопровождавшими его фортификаторами – французским генерал-инженером Жозефом Гаспаром Ламбером де Герном и немецким инженером майором Вильгельмом Адамом Кирштенштейном, Петр I отверг не подверженное наводнениям место при впадении Охты в Неву и заложил новую крепость на Заячьем острове.

Тогда государя сопровождало духовенство, генералитет и статские чины. На глазах у всех после молебна и водосвятия

Петр I взял у солдата багинет²⁸, вырезал два куска дерна и, положив их крестообразно, сказал: «Здесь быть городу!»

Потом в землю был закопан ковчег с мощами Андрея Первозванного. Над ковчегом соорудили каменную крышку с надписью: «От воплощения Иисуса Христа 1703 мая 16 основан царствующий град Санкт-Петербург великим государем царем и великим князем Петром Алексеевичем, самодержцем всероссийским».

И снова возник в небе орел – «с великим шумом парения крыл от высоты спустился и парил над оным островом».

Однако закладка города этим не ограничилась.

Поразмыслив, Петр I приказал «пробить в землю две дыры и, вырубив две березы, тонкие, но длинные, и вершины тех берез свертев», вставил деревца в землю наподобие ворот.

Орел же опустился с высоты и «сел на оных воротах».

С ворот орла снял ефрейтор Одинцов и поднес его государю, который пожаловал гордую птицу комендантским званием²⁹.

У Александра Сергеевича Пушкина в знаменитом описании этих событий орлов нет:

²⁸ *Кинжал с плоским, заточенным с одной или с обеих сторон клинком, применявшийся в качестве штыка.*

²⁹ *«Оной орел зимовал во дворце. По построении на Котлине острову крепость святого Александра оной орел от Его Царского Величества во оной Александровой крепости отдан на гобвахту с наречением орлу комендантского звания».*

На берегу пустынных волн
Стоял Он, дум великих полн,
И вдаль глядел. Пред ним широко
Река неслася, бедный челн
По ней стремился одиноко,
По мшистым, топким берегам
Чернели избы здесь и там,
Приют убогого чухонца.
И лес, неведомый лучам
В тумане спрятанного солнца,
Кругом шумел. И думал Он:
«Отсель грозить мы будем шведу!
Здесь будет город заложен
Назло надменному соседу».

И все равно, хотя все тут подчеркнуто реалистично, первые строфы вступления к «Медному всаднику» возносят нас в петровскую мифологию стремительнее ручных орлов, на которых оттачивало свое остроумие не одно поколение российских историков.

Читая пушкинские строки, мы представляем Петра I стоящим на земле, на которую никогда не ступала нога русско-го человека, и в результате с легкой руки поэта в общественном сознании сложилось устойчивое убеждение, будто земли вокруг Петербурга в допетровские времена представляли собою неведомую и чуждую православной Руси территорию.

И происходит это вопреки нашим знаниям! Ведь, читая Пушкина, мы помним, что свет православия воссиял над Ла-

догой задолго до крещения Руси, и это отсюда, из древнего уже тогда Валаамского монастыря уходил крестить язычников Ростовской земли преподобный Авраамий. И то, что самая первая столица Руси, Старая Ладога, тоже находится в двух часах езды от Санкт-Петербурга, – неоспоримый факт. И русская крепость Орешек, которую всего за полгода до основания Петербурга отбил у шведов Петр I, тоже ведь стояла здесь почти четыре столетия!

Но все эти факты, а вместе с ними – и вся веками намоленная русская земля, что окружала место закладки будущей столицы Российской империи, одной только силою пушкинского гения оказались отодвинуты от Санкт-Петербурга.

Однако Пушкин не был бы Пушкиным, если бы ограничился поставленными ему рамками. Читаешь «Медного всадника» – и понимаешь, что А.С. Пушкин погружался в петровскую мифологию еще и для того, чтобы изобразить внутреннее состояние Петра I, чтобы объяснить выбор, сделанный первым русским императором.

Место, где вскоре поднялся Санкт-Петербург, действительно было пустым. Из-за постоянных наводнений здесь не строили ничего, кроме убогих изб чухонских рыбаков.

Но такое пустое место и искал Петр I.

Санкт-Петербург закладывался им как город – символ разрыва новой России с древней Русью.

Это поразительно, но в этом – вся суть петровских реформ...

Они накладывались на Россию, несколько не сообразуясь с ее православными традициями и историей, и вместе с тем были благословлены униженной и оскорбленной Петром Русской церковью.

Возможно, подсознательно, но Петр I выбрал для города именно то место древней земли, которое действительно всегда было пустым, которое и не могло быть никем населено в силу незащищенности от природных катаклизмов.

Сюда вводил Петр I создаваемую им империю, здесь, на заливаемой наводнениями земле пытался укрыть он от нелюбимой им Святой Руси свою веру в Бога, свой освобожденный от православия патриотизм!

Осуществить задуманное было невозможно, и хотя Петр I прилагал все силы, чтобы достичь своей цели, все получалось не так, как задумывал он, а так, как должно было быть.

Петр I не пожелал придать значения государственного события чудесному обретению иконы Казанской Божией Матери в Шлиссельбурге... Видимо, ему не хотелось начинать историю новой столицы с Казанской иконы Божией Матери, поскольку это вызывало воспоминания и параллели, не вмещающиеся в его новую мифологию.

Но Казанская икона Божией Матери, как мы знаем, все равно пришла в Санкт-Петербург.

Вдова старшего брата и соправителя Петра I, Иоанна V, царица Прасковья Федоровна, известная своим старомосковским благочестием, привезла, перебравшись в Санкт-Пе-

тербург, сделанную по ее заказу увеличенную копию Казанской иконы Богородицы.

Икону эту царица Прасковья Федоровна поместила в часовне неподалеку от своего местожительства, на Городовом острове (Петроградская сторона), и часовня эта стала называться Казанской.

С 1727 года образ, привезенный в Петербург царицей Прасковьей Федоровной, начинает признаваться чудотворным, и для него десятилетия спустя возводится один из главных петербургских храмов – Казанский собор.

8

Так вопреки своеволию Петра I появилась Казанская икона Божией Матери в новой русской столице. Так из-за своеволия Петра I Шлиссельбургский образ Казанской иконы Божией Матери, почти целое столетие прождавший за кирпичной кладкой человека, который освободит здешнюю землю от неприятеля и вернет икону России, по-прежнему остался за стенами крепости.

Взявший Нотебург Петр I считал, что он не освобождает, а завоевывает эти земли. Разница незначительная, если говорить о результате военной кампании, но чрезвычайно существенная, если вернуться к духовному смыслу войны, которая велась тогда на берегах Невы.

Потом стали говорить, что Петр I прорубил окно в Евро-

пу.

На самом деле окно в Европу здесь было всегда – требовалось только отодрать старые шведские доски, которыми оно было заколочено.

Но Петр все делал сам, и даже когда он совершал то, что было predetermined всем ходом русской истории, он действовал так, как будто никакой истории до него не было и вся она только при нем и начинается. Это болезнь всех реформаторов в нашей стране!

И в этом и заключен ответ на вопрос, почему Петр не захотел узнать о чудесном явлении Шлиссельбургской иконы Божией Матери...

Нет, не русский Орешек освободил Петр, а взял шведскую крепость Нотебург – и тут же основал здесь свой Шлиссельбург. Как могла вместиться сюда Казанская икона Божией Матери, неведомо когда, до всяких прославлений появившаяся здесь?!

И Шлиссельбургская икона Казанской Божией Матери так и осталась в крепости.

Была она здесь и тогда, когда привезли в Шлиссельбург каторжника Варфоломея Стояна (Федора Чайкина). Этот человек (если можно называть человеком такого святотатца) 12 июля 1904 года вместе со своими подельниками украл из летнего храма Богородицкого женского монастыря города Казани первообраз чудотворной Казанской Божией Матери, содрал с него драгоценную ризу, а саму святую икону сжег.

Рядом со Шлиссельбургским образом Казанской иконы Божией Матери и предстояло отбывать свой каторжный срок этому злодею.

Впрочем, об этом тоже разговор еще впереди.

9

После взятия Нотебурга в 1702 году Петр I ожидал шведского контрудара и считал восстановление крепости на Ореховом острове первоочередной задачей. Сохранился сделанный рукою Петра набросок чертежа бастионов, которыми необходимо было усилить крепость.

Порт-башня у входных ворот была переименована Петром I в Государеву, Фохт-башня названа Княжеской, в честь княгини Меншиковой, Шварц-башня – Королевской, Кирх-башня – Угловой (позднее – Головина), Коноселиц-башня – Светличной, Крут-башня – Мельничной, Комс-башня – Колокольной.

Все бастионы возводились одновременно под руководством Н.М. Зотова, Ф.А. Головина, Г.И. Головкина, К.А. Нарышкина.

Общее руководство укреплением Шлиссельбурга поначалу осуществлял сам Петр I: «Царь московский... крепость во всем зело поправить велел, стены и башни, и с пушками

2 тыс. человек в крепость посадил»³⁰, но в дальнейшем руководство работами принял А.Д. Меншиков, назначенный комендантом Шлиссельбурга и губернатором Ингерманландии, Карелии и Лифляндии.

То ли оттого, что Петр передел всю Россию в европейские, не приспособленные для здешнего климата одежды, то ли оттого, что он ставил чрезвычайно трудные и порою совершенно непонятные задачи, то ли из-за общего бездушия эпохи, но никогда еще, кажется, не мерзли так в нашей стране, как в десятилетия петровского царствования.

Даже А.Д. Меншиков, который проявил такую отчаянную храбрость при штурме Шлиссельбурга, к постоянной жизни в крепости приспособиться не сумел.

«У нас здесь превеликие морозы и жестокие ветры, – жаловался он Петру. – С великою нуждою за ворота выходим, едва можем жить в хоромаш». Но если нестерпимо было находиться в Шлиссельбурге господину коменданту и губернатору, как приходилось жить здесь рядовым работным людям?

Мы уже говорили, что при штурме крепости русские потери составили 538 человек убитыми и 925 ранеными.

Восстановление крепости стоило гораздо дороже. Строительные потери обогнали военные меньше чем за год.

Как видно из отчета главы Канцелярии городских дел У.А. Синявина, из 2 тыс. 856 человек, согнанных в Шлис-

³⁰ Газета «Ведомости», 3 февраля 1703 года.

сельбург, работало 1 тыс. 504 – остальные болели или умерли.

«Писал ты ко мне об олончанах, о 200 человеках, которые в Шлютельбурхе на работах, что у них в запасах скудность, и я удивляюся вам, что, видя самую нужду, без которой и пробыть не мочно, а ко мне описываетесь, – отвечал на это У.А. Синявину А.Д. Меншиков. – Прикажи им хлеб давать, провианту против их братии, и вперед того смотрите, чтоб з голоду не мерли».

Казалось бы, с началом строительства Санкт-Петербурга Шлиссельбург должен был утратить свое значение, однако строительные работы в крепости не только не сворачиваются, но и, наоборот, набирают темп.

В 1715 году перед башней Меншикова построили последний, пятый бастион, и тогда же началось строительство солдатской казармы, а на следующий год – монетного двора.

И казармы, и монетный двор возводил архитектор И.Г. Устинов, а после его отъезда в Москву руководство работами принял на себя главный зодчий Санкт-Петербурга Доменико Трезини.

В 1718 году началось сооружение деревянного дворца А.Д. Меншикова, а через три года – постройка деревянного дворца Петра I, или Государева дома.

Петр I явно не собирался отказываться от Шлиссельбурга.

В крепости находилась тогда шведская кирка, перестроенная из церкви, возведенной и освященной еще архиепи-

скопом Новгородским Василием в 1352 году. Сейчас кирку приказано было обратить назад, в православие. Но так как по размерам она была мала для громадного гарнизона крепости, то и приказано было к каменным стенам кирки пристроить деревянные части храма, а из самой кирки устроить алтарь и посвятить храм в честь Рождества Иоанна Предтечи³¹.

– Пусть, – сказал Петр I, отдавая эти распоряжения, – взятие Нотебурга будет предтечею моих побед над шведами.

Петр I ежегодно старался приезжать 11 октября на остров, чтобы отпраздновать здесь годовщину взятия крепости.

В сопровождении сенаторов, министров и генералов он обходил крепость и, вспоминая окутанный облаками дыма Нотебург, рассказывал, что «под брешью вовсе не было пространства, на котором войска могли бы собраться и приготовиться к приступу, а между тем шведский гарнизон истреблял их гранатами и камнями».

По заведенному обычаю в день и час взятия крепости на острове звонил колокол.

И в каждый приезд обязательно поднимался Петр I на башню и долго смотрел на Ладогу.

³¹ Упоминается в документах и о других церквах Шлиссельбургской крепости. Благовещенская церковь в 1727 году была перенесена в Посад – нынешний город Шлиссельбург, а Успенская – закрыта. В 1802 году, в столетний юбилей взятия крепости, Успенскую церковь – она помещается в казарменном здании – снова возобновили, освятив ее в честь апостола Филиппа, память которого празднуется 11 октября, в день взятия крепости.

Думал.

И о разгрызенном орехе тоже.

Глава четвертая

ПЕРВЫЕ УЗНИКИ ШЛИССЕЛЬБУРГА

*Не спасается царь многою силою,
и исполин не спасется множеством крепости
своея.*

*Ложь конь во спасение,
во множестве же силы своя не спасется.*

Псалом Давида 32, ст. 16-17

К концу жизни Петр I, кажется, достиг всего...

Обнародовали составленный Феофаном Прокоповичем Духовный регламент, устанавливающий новый порядок управления Церковью. Вся церковная власть по образцу протестантских государств сосредоточилась в Духовном коллегииуме, который 14 февраля 1721 года, в день его открытия, преобразовали в Святейший Правительственный Синод.

По сути, Синод становился ведомством в общем составе государственной администрации и подчинялся самому государю. Наконец-то, как отмечают историки Церкви, произошло то, чего больше всего опасались иерархи при низложении патриарха Никона, – «власть царская подчинила во всей полноте власть Бога на земле – Святую Церковь Христову».

Только напрасно Петр I объявлял в своем манифесте, что он «как в Ветхом, так и в Новом Завете благочестивых царей восприял попечение». Идея подобного устройства церковной жизни, вернее – ее полного подчинения светской власти, была заимствована им не из Библии, а из сектантской Англии. Так или иначе, но Русская православная церковь, согласно проведенной Петром I реформе, должна была превратиться лишь в инструмент воспитания верноподданных.

1

И заключили, наконец-то заключили долгожданный Ништадтский мир. Через два десятилетия непрерывных войн, обескровивших и разоривших народ, уплатив Швеции компенсацию в 2 млн талеров, Россия получила Эстляндию, Лифляндию, Ингрию и часть Финляндии с Выборгом.

Такой вот успех, такая вот победа.

Великая была одержана победа, но, наверное, таких поражений не знал еще ни один побежденный народ.

Россия в итоге этой войны оказалась разорена, а русский народ в основной своей массе – крепостное право, приобретая характер откровенного рабовладения, распространилось и на промышленное производство – превращен в невольников.

И выходили, выходили все новые и новые указы, развивающие полицейскую идеологию Духовного регламента.

17 мая 1722 года по настоянию Петра I Синод отменил тайну исповеди. Священников обязали сообщать в Преображенский приказ обо всех злоумышлениях «без всякого прикрывательства».

Некоторые ревностные защитники идеи монархии договариваются сейчас до того, что, дескать, тайна исповеди отменялась только касательно злоумышлений против монаршей особы, против государственного порядка, а об остальном священник не должен был сообщать в Тайную канцелярию.

Что тут ответить? Разве только напомнить, что и ГПУ от сотрудничавших с ним священников-обновленцев тоже ждало сообщений не о супружеских изменах, а лишь о злоумышлениях против государственного порядка, против колхозов, против вождей революции... Да и не в том ведь дело, о чем должен, а о чем не должен доносить священник. Приходящий на исповедь человек исповедует свои большие и малые прегрешения перед Богом, и священник отпускает ему грехи властью, данной ему Богом, а не полицейским управлением.

И тут не аргументы в пользу Петра I придумывать надо, а просто разобраться, что нам дороже. Православие или Петр I, который вполне осознанно проводил губительные для православного самосознания реформы? Очень трудно немножко верить в Бога, а немножко – в идею, которая эту веру подрывает. Даже если и называется идея монархической... Тем более что именно для идеи монархии и были губительными

в самую первую очередь Петровские реформы. Как ни крути, а без указа от 17 мая, может, и не было бы никогда 1917 года...

Последние годы жизни Петра I можно назвать годами подведения итогов. В конце 1721 года по случаю заключения Ништадтского мира Сенат упразднил титул царя и провозгласил Петра I императором.

Также Петру I был преподнесен титул отца Отечества.

Получил тогда Петр I повышение и в своем Всешутейшем соборе. Как видно из списка слуг архикнязя-папы, составленного в самом начале 20-х годов XVIII века, Пахом Пихай Х... Михайлов возвысился уже до архидьякона.

Совпадение не случайное. После того как Петр I стал главой Русской православной церкви, потеснив, как ему казалось, на этом месте самого Бога, темные силы, движущиеся в эскорте великого реформатора, таким вот образом зафиксировали и отметили этот факт.

2

Отец Отечества мог торжествовать.

Он и торжествовал. Празднества и фейерверки шли непрерывною чередой, и в январе 1723 года посреди грохота салютов Петр I отдал распоряжение доставить в Петербург ботик, на котором плавал в детстве по Плещееву озеру.

«Ехать тебе с ботиком и везть до Шлиссельбурга на ям-

ских подводах, – было указано гвардии сержанту Кореневу. – И будучи в дороге, смотреть прилежно, чтоб его не испортить, понеже судно старое. Того ради ехать днем, а ночью стоять, и где есть выбоины, спускать потихоньку».

Сержант Коренев справился с порученным ему делом. В назначенный срок ботик «Св. Николай» был доставлен в Шлиссельбург и выставлен, как и было указано, на площади против церкви в честь Рождества Иоанна Предтечи.

Однако в Шлиссельбурге «Св. Николай» пробыл совсем недолго.

27 мая Петр I прибыл в Шлиссельбург на яхте и, как в далеком детстве, самолично спустил ботик на воду.

В команду он взял сына своего ближайшего сподвижника, капитана Николая Федоровича Головина, и капитан-командора Наума Акимовича Сенявина, который состоял в 1699 году матросом на корабле «Отворенные врата», совершившем плавание из Таганрога в Керчь под управлением самого Петра I.

Сопровождаемый яхтой и девятью галерами, ботик поплыл в Петербург. Грохотом барабанов, звоном литавр, ружейной пальбой приветствовали «дедушку» русского флота – так теперь указано было именовать ботик – выстроенные вдоль берегов Невы русские полки.

В Александро-Невском монастыре «дедушку» ожидала императрица с министрами и генералитетом.

Был произведен салют и из орудий, стоявших на мона-

стырских стенах.

Ну а в августе, когда отмечали годовщину Ништадтского мира, «дедушку» представляли воинственным «внукам» – кораблям Балтийского флота. Они выстроились на кронштадтском рейде – огромные многопушечные фрегаты. В торжественной тишине двинулась от пирса к ботику шлюпка. На веслах сидели адмиралы, а впереди, склонившись над водою, промерял лотом глубину всероссийский вице-адмирал белого флага светлейший князь А.Д. Меншиков. Роли были расписаны строго по рангу.

Сам император сидел в шлюпке за рулевого.

Сияло солнце. Сверкали над водой мокрые лопасти весел.

Отвыкшие от весельной работы, адмиралы гребли вразнобой. Дергаясь, шлюпка медленно двигалась по голубой воде залива.

Император с трудом удерживал курс.

Наконец подошли к ботику.

Задорно громыкнули три пушечки, установленные на его борту. А мгновенье спустя показалось, что раскололось небо. Это 1,5 тыс. орудийных стволов откликнулись «дедушке».

Над тихой водой залива поплыли клочья орудийного дыма.

3

Возможно, плавание на ботике «Св. Николай» по Неве

пробудило в Петре I отроческие воспоминания. В подробностях припомнились плавания по Плещееву озеру, рассказы о Ярилиной горе, о ПереславлеЗалесском, об Александре Невском.

Не рискуем настаивать на этом предположении, но доподлинно известно, что вечером 29 мая 1723 года, накануне дня своего рождения, когда по бледному петербургскому небу уже рассыпались огни фейерверков, Петр I, будучи в Александро-Невском монастыре, вспомнул о святом благоверном князе, который за пять столетий до основания Санкт-Петербурга уже обозначил этот город на карте духовной истории нашей страны. Тогда и указал Петр I: обретающиеся в соборе Рождества Богородицы во Владимире мощи Александра Невского перенести в Петербург.

И срок назначил.

Велено было приурочить встречу мощей в Санкт-Петербурге к празднованию годовщины Ништадтского мира 30 августа 1723 года... Это решение Петра I трактуется на разные лады, но при этом упускается из виду, что приказано было не просто перенести мощи, а перенести их к дате.

Между тем это обстоятельство весьма существенно.

Петр I всегда серьезно относился к проведению празднеств и торжеств, но теперь подготовка к годовщинам основания Санкт-Петербурга и Ништадтского мира – главных достижений его царствования – начинала отеснять текущие государственные заботы.

Любопытно, что мифологизация празднеств приобретала при этом совершенно конкретный смысл.

Святой благоверный князь Александр Невский, разгромив на берегах Невы и Чудского озера крестоносцев, выбрал путь и «повенчал Русь со степью», чтобы сохранить православную веру.

Петр I строил Петербург еще и как знак разрыва Российской империи с прежней Московской Русью, построенной потомками Александра Невского. Практически отказавшись от православия и национальных обычаев, он утвердился на берегах Финского залива, чтобы переменить проложенный святым благоверным князем путь, и жалким по сравнению с петровским прорывом Запада в Россию выглядел десант крестоносца Биргера, разгромленного здесь Александром Невским пять столетий назад... Совместить это было невозможно, но в самодержавном сознании Петра I не существовало невозможного.

Возведение святого благоверного князя Александра Невского в ранг небесного патрона новой русской столицы Петр задумывал как акцию более политическую, нежели церковную. Необходима она была как аргумент в борьбе с противниками новшеств, с приверженцами старины, и значит, она должна была осуществиться.

Петр I победил всех. Победил старую Русь, победил шведов. Теперь ему предстояло победить саму историю вместе с благоверным князем Александром Невским.

И перенесение в Санкт-Петербург святых мощей князя, освящая совершенные Петром I победы, должно было стать свидетельством этой победы и врати в новую мифологию рождающейся империи.

Когда Петр I огласил свое решение, все было сделано согласно указу, но совершенно не так, как хотел отец Отечества. Петр I требовал, чтобы мощи Александра Невского доставили в Петербург, как доставили туда ботик «Св. Николай», но вместо этого устроили торжественное шествие с мощами через всю Россию.

И вот уже прошла годовщина Ништадтского мира, а мощи святого князя все еще находились в пути.

Только 15 сентября 1723 года их привезли в Шлиссельбург.

Но Петр I и теперь словно бы и не заметил, что его приказ не исполнен. В Шлиссельбург был послан указ Святейшего Синода: разместить святые мощи в крепости, поставив их в каменной церкви, до... следующей годовщины Ништадтского мира.

Здесь, в шлиссельбургском заточении святые мощи благоверного князя попали в пожар...

4

Увы... Петр I не внял и этому грозному предупреждению. Грандиозные забавы Всешутейшего собора занимали его

внимание.

Шлиссельбургский пожар почти совпал по времени с устроенным Петром I гулянием в Санкт-Петербурге. Еще никогда столько шутовских масок не окружало первого русского императора – маски и шутовские наряды заполнили тогда дворцы и улицы Петербурга.

«По улицам Петербурга прогуливались и разъезжали голландские матросы, индийские брамины, павианы, арлекины, французские поселяне и поселянки и т.п. лица. То были замаскированные государь, государыня, весь Сенат, знатнейшие дамы и девицы, генерал-адъютанты, денщики и разные придворные чины. Члены разных коллегий и Сената в эти дни официального шутовства нигде, ни даже на похоронах не смели скидывать масок и шутовских нарядов. В них они являлись на службу, в Сенат и в коллегии».

Свой Всешутейший собор, называвшийся Великобританский славный монастырь, был создан теперь и у петербургских иностранцев.

Историк С.Ф. Платонов, который первым проанализировал устав монастыря, снабженного фаллической символикой, был поражен похабностью его и неприличием. Между тем среди членов монастыря были иностранные финансисты, купцы и специалисты в различных областях, которые были очень близко связаны с Петром I и оказывали ему, как, например, «медикус» Вильям Горн, оперировавший царя незадолго до смерти, различные «особые» услуги.

Действительно, дьявольщины в Великобританском монастыре было еще больше, чем во Всешутейшем соборе. Это повышение градуса функционирования Великобританского монастыря с сатанинской точностью регистрировало тот факт, что сделал Петр I с изнасилованной Россией.

Настоящая вакханалия творится в 1724 году вокруг отца Отечества.

Все карикатурно в окружении Петра, отовсюду лезут маски и искривленные дьявольской злобою рыла... В духе этого непристойного шутовства была совершена и супружеская измена только что коронованной Екатерины Алексеевны.

Как и положено в шутовском действе, героем адюльтера стал ее камергер... Вильям Монс, брат известной нам Анны Монс.

«Ах, счастье мое нечаянное... Рад бы я радоваться об сей счастливой фортуне, только не могу, для того что сердце мое стиснуто так, что невозможно вымерить, и слез в себе удержать не могу! – писал пылкий любовник своему «высокоблагородному патрону, Ее премилосердному Высочеству». – Прими недостойное мое сердце своими белыми руками и пособи за тревогу верного и услужливого сердца».

Свою любовную пылкость, подобно сестре Анне, Вильям совмещал с еще более пылкой любовью к деньгам. Вместе с Матрешей Ивановной Балк они поставили взяточничество на конвейер и брали за протекцию со всех, кто обращался к ним.

«Брала я взятки с служителей Грузинцевых, с купецкого человека Красносельцева, с купчины Юринского, с купца Меера, с капитана Альбрехта, с сына игуменьи князя Василия Ржевского, с посла в Китае Льва Измайлова, с Петра Салтыкова, с астраханского губернатора Волынского, с великого канцлера графа Головкина, с князя Юрия Гагарина, с князя Федора Долгорукова, с князя Алексея Долгорукова...»

Два дня диктовала Матрена Ивановна Балк на допросе имена своих дачников³².

В тот день, когда Петру I стало известно об измене супруги с Монсом, он провел вечер в Зимнем дворце, с Екатериной. Был здесь и Монс. Он был в ударе, много шутил.

– Посмотри на часы! – приказал государь.

– Десятый! – сказал камергер.

– Ну, время разойтись! – сказал Петр I и отправился в свои апартаменты. Монс, вернувшись домой, закурил трубку, и тут к нему вошел страшный посланец царя – начальник Тайной канцелярии Андрей Иванович Ушаков. Он отвез Монса к себе на квартиру, где его уже ждал император.

Впрочем, как говорит М.И. Семевский, на все остальные вины Вильяма Монса Петр I «взглянул как-то слегка» и приказал обезглавить брата своей первой любовницы, а потом утешался тем, что возил Екатеринушку смотреть на отрубленную голову любовника.

³² Дачниками при Петре звали тех, кто давал взятки.

Александр Невский – великий русский святой.

Таким он был в своей земной жизни, где не проиграл ни одной битвы. Таким он стал, сделавшись небесным заступником Руси.

И вот теперь мощи святого князя насильно были доставлены в Санкт-Петербург, более походивший на Вавилон времен строительства знаменитой башни, чем на русский город.

В этом городе правил император, убивший своего родного сына и подчинивший себе Русскую православную церковь. И никого не было вокруг, кто мог бы возвысить свой голос в защиту Святой Руси.

Мощи святого благоверного князя привезли к назначенной императором дате в город этого императора.

Через полгода императора не стало...

28 января 1725 года, написав два слова: «Отдайте все...», Петр I выронил перо и в шесть часов утра скончался, так и не назначив наследника своей империи.

Под грохот барабанов взошла тогда на русский престол ливонская крестьянка, служанка мариенбургского пастора Марта Скавронская. При штурме города ее захватили солдаты, у солдат выкупил фельдмаршал Шереметев и перепродал потом Меншикову. Уже от Меншикова она попала к Петру I и стала его супругой.

Воистину и небываемое бывает! Теперь она сделалась императрицей, властительницей страны, солдаты которой насильовали ее в захваченном Мариенбурге.

Но она правила совсем недолго.

Недолго правил и внук Петра I, император Петр II...

6

После того как увезли мощи благоверного князя Александра Невского, после освобождения царицы Евдокии Шлиссельбургская крепость снова осталась без арестантов, и так получилось, что этот период совпал с оживлением строительных работ на острове.

Ежемесячно посылает Доменико Трезини рапорты о ходе работ генерал-аншефу над фортификациями Б.Х. Миниху, сообщая о ремонте стен и башен, о закладке кирпичом бреши и о проломе стены для соединения канала с озером, о ремонте крытого хода по верху стены и об отделке казарм. Такое ощущение, что старинная русская крепость, не желая превращаться в тюрьму, снова облачается в воинские доспехи, готовится встать в боевой строй.

Усилиями И. Устинова и Д. Трезини в конце 20-х и начале 30-х годов XVIII века создается заверченный архитектурный ансамбль: с площадью и выходящими на нее казармами, с монетным двором и церковью, с царским дворцом и комендантским домом, с устремленной ввысь колокольней и

каналом с мостами.

«Крепость приобрела новые черты, которые сближали ее с постройками Петербурга и Кронштадта, – отмечают авторы книги «Крепость Орешек» А.Н. Кирпичников и В.М. Савков. – Творчество русских архитекторов при этом успешно сочеталось с деятельностью иностранных мастеров, работавших в новой русской столице.

В этой твердыне, расположенной при входе в Неву, как бы на границе между старыми русскими городами (Старой Ладогой, Тихвином и другими) и только что возникшими, удивительно органично сочетались укрепления средневековые (московской поры) и фортификационные сооружения петровского времени. Так возник новый Шлиссельбург, который был и каменным стражем, и водными воротами новой столицы с востока, и торговым центром, и военно-административной резиденцией».

Впрочем, в таком состоянии Шлиссельбургская крепость находилась совсем недолго.

Стараниями временщиков российский престол оказался перенесен из петровской линии в линию царя Ивана, и на престол взошла герцогиня Курляндская Анна Иоанновна.

Возводя ее в императрицы, временщики планировали «полегчить» себя и ввести удобную им Конституцию, но этот замысел не удался.

Скоро они сами отправились на казнь, сделались насельниками отремонтированной Шлиссельбургской крепости.

Мы рассказали о казни Петром I Вильяма Монса не только ради того, чтобы прибавить пикантности повествованию. Кружение Монсов вокруг русского престола (вначале – в образе Анхен, а потом – Вильяма) неотторжимо от того недоброго шутовства, до которого Петр I был таким охотником. Оно совершенно в духе его кровавых игрищ и «маскерадов».

Петр I не отдал все-таки Россию на растерзание Монсам. Но оказалось, что и Монсы не так страшны в выстроенной им империи. Следом за ними позлее явились собаки.

Бироны пришли на Русь...

Увы...

Воцарение Анны Иоанновны можно уподобить экзамену петровских реформ, а бироновщину – оценке на этом экзамене.

Как и в любом сравнении, здесь содержится доля условности, но чем пристальнее вглядываемся мы в зловещую фигуру Эрнста Иоганна Бирона, тем очевиднее становится, что его появление в послепетровской России – не случайность, а закономерность. И речь тут идет не только о тенденциях и приоритетах, но и о конкретном переплетении судеб.

Любопытно, что на службу к герцогине Анне Иоанновне Бирона пристроил курляндский канцлер Кейзерлинг, род-

ственник прусского посланника барона Кейзерлинга, ставшего супругом первой любовницы Петра I Анны Монс.

Случайность? Возможно...

Но вот еще один эпизод из биографии всесильного временщика.

За пьяную драку в Кенигсберге³³, в результате которой один человек был убит, 33-летний Бирон попал в тюрьму – и, возможно, там бы и сгинул, но его вытащили оттуда. И кто же? Такое и нарочно не придумаешь, но это был Вильям Монс – брат любовницы Петра I Анны Монс, любовник Екатерины I.

Разумеется, это тоже только совпадение, но трудно отделаться от мысли, что Бирон – это месть Монсов, так и не достигших верховной власти. Никуда не уйти от осознания неоспоримого факта, что Бирона приготовили для России Петр I и Екатерина I...

Некоторые историки пытаются навести глянец и на эпоху Анны Иоанновны, но получается худо, потому что более всего характерна для этого царствования даже и не жестокость, а необыкновенное обилие уродства. Уродливыми были тогда отношения между людьми, характеры, сам быт. Уродливым было абсолютно полное подчинение императрицы Бирону. Как отмечают современники, он управлял Анной Иоанновной всецело и безраздельно, как собственной лошастью.

³³ Одно время Бирон был студентом Кенигсбергского университета, но учебу бросил.

Привязанность Анны Иоанновны к Бирону была так уродлива, что тяготила самого временщика. Он не стеснялся публично жаловаться, что не имеет от императрицы ни одного мгновения для отдыха. При этом, однако, Бирон тщательно наблюдал, чтобы никто без его ведома не допускался к императрице, и если случалось, что он должен был отлучиться, тогда при государыне неотступно находились его жена и дети. Все разговоры императрицы немедленно доводились до сведения Бирона.

Жутковатую карикатуру придворной жизни дополняли толпы уродцев и карликов.

В допросных пунктах, снятых с Бирона после ареста, сказано, что «он же, будто для забавы Ея Величества, а на самом деле – по своей свирепой склонности, под образом шуток и балагурства такие мерзкие и Богу противные дела затеял, о которых до сего времени в свете мало слыхано: умалчивая о нечеловеческом поругании, произведенном не токмо над бедными от рождения или каким случаем дальняго ума и разсуждения лишенными, но и над другими людьми, между которыми и честный народ находились, частых между оными заведенных до крови драках и о других оным учиненных мучительствах и безотрадных: мужеска и женска полуобнажениях, иных скаредных между ними его вымыслом произведенных пакостях, уже и то чинить их заставлял и принуждал, что натуре противно и объявлять стыдно и непристойно».

Еще в 1731 году Анна Иоанновна, едва вступив на престол, издала указ, по которому российский трон утверждался за будущим ребенком ее племянницы Анны Леопольдовны, которой в то время было всего 13 лет. Анна Леопольдовна в замужестве за герцогом Брауншвейгским Антоном-Ульрихом родила в 1740 году сына, и двухмесячный младенец Иоанн Антонович, как и обещала Анна Иоанновна, был объявлен императором.

В этом же году, 5 октября, во время обеда Анна Иоанновна упала в обморок с сильною рвотою.

И неожиданная болезнь Анны Иоанновны, и кончина ее так же уродливы и мрачны, как и вся жизнь, как и ее дворец, наполненный учеными скворцами, белыми павами, обезьянами, карликами и великанами, шутами и шутихами. Как и все ее царствование.

16 октября она назначила регентом при младенце-императоре Бирона – и на следующий день, шепнув ему: «Не бойсь!», померла.

Бирон и не собирался никого бояться. Десять лет он правил Россией из-за спины Анны Иоанновны. Теперь Бирон собирался править страной открыто. Конечно, он догадывался, что не все довольны его назначением, но надеялся, что никто из русских аристократов не осмелится оспорить это

назначение.

Однако уже 8 ноября 1740 года принцесса Анна Леопольдовна, опираясь на поддержку враждовавшего с Бироном фельдмаршала Б.К. Миниха, распорядилась арестовать Бирона с семьей и братом.

В сопровождении нескольких гренадеров и адъютанта Манштейна фельдмаршал ночью отправился в летний дворец Бирона. Преображенцы, охранявшие герцога, без спора пропустили заговорщиков.

Когда Манштейн взломал дверь в спальню герцога, тот попытался спрятаться под кровать, но босая нога, которая высовывалась из-под кровати, выдала его. Понукаемый штыками, Бирон был извлечен из своего убежища. Манштейн первым делом заткнул ему ночным колпаком рот, а потом объявил, что его светлость арестована.

Для вразумления гренадеры побили герцога прикладами³⁴ и, связав ему руки, голого потащили мимо верных присяге преображенцев к карете Миниха.

В эту же ночь был арестован брат герцога – генерал Густав Бирон. Густава охраняли измайловцы, но и они по-гвардейски мудро уклонились от исполнения присяги и защищать генерала Бирона не стали.

³⁴ *Бирону было нанесено при аресте около 20 ран, от которых он излечился только спустя два года.*

Переворот, как и все гвардейские перевороты, был осуществлен бескровно, и уже утром Анна Леопольдовна осматривала имущество Биронов и одаривала отважных победителей.

Фрейлине Юлиане Менгден были подарены расшитые золотом кафтаны герцога и его сына. Фрейлина велела сорвать золотые позументы и наделать из них золотой посуды.

Миних получил должность первого министра, а супруг Анны Леопольдовны – звание генералиссимуса.

Сама Анна Леопольдовна удовольствовалась званием регентши.

А Биронов собрали всех вместе и повезли в Шлиссельбургскую крепость.

Бывшего регента везли в отдельной карете под особо строгим конвоем. На козлах и на запятках находились офицеры с заряженными пистолетами, по сторонам кареты ехали кавалеристы с обнаженными палашами. Герцог сидел откинувшись на подушки и надвинув на глаза меховую шапку, чтобы его не узнали. Однако теснившийся на улице народ знал, кого везут, и осыпал пленника злобными насмешками.

Такое поведение народа очень огорчило наблюдавшую за вывозом Биронов Анну Леопольдовну.

– Нет, не то я готовила ему... – с грустью сказала она. –

Если бы Бирон сам предложил мне правление, я бы с миром отпустила его в Курляндию.

– Безумный человек! – кивал словам правительницы Андрей Иванович Остерман. – Не знал он предела в своей дерзости.

Когда карета выехала из Санкт-Петербурга, Бирон впал в полуобморочное состояние, и в лодку на переправе его перенесли на руках.

Шесть месяцев, пока производилось следствие, сидели Бироны в Шлиссельбургской крепости.

Содержали их – так считается – в Светличной башне.

Шесть месяцев искали и конфисковывали движимое и недвижимое имущество герцога. Только драгоценности, найденные в его дворце, были оценены в 14 млн рублей. Все герцогское имущество в Митаве, Либаве и Виндаве было опечатано.

Против Бирона были выдвинуты обвинения «в безобразных и злоумышленных преступлениях». Его обвиняли в обманном захвате регентства, намерении удалить из России императорскую фамилию, чтобы утвердить престол за собой и своим потомством, небрежении о здоровье государыни, в «малослыханных» жестокостях и водворении немцев.

В апреле 1741 года был обнародован манифест «О винах бывшего регента герцога Курляндского», который три воскресенья подряд читали народу в церквах.

В июле 1741 года Сенат приговорил Бирона за «безбож-

ные и злоумышленные» преступления к смертной казни, но Анна Леопольдовна заменила казнь заточением в сибирском городке Пелыме.

Так уже после кончины Анны Иоанновны продолжал развиваться ее шлиссельбургский проект.

Скрежетал «город-ключ», смыкая несмыкаемое...

Глава пятая

ЧТОБЫ ОН ВСЕГДА В ОХРАНЕНИИ ОТ ЗЛА ОСТАЛСЯ

*Не прикасайтесь помазанным Моим,
и во пророцех моих не лживуйте.*

Псалом 104, ст. 15

*Я крепко боюсь, чтоб Иоанн не сверг с
престола нашей благодетельницы, ведь этот
молодой человек, воспитанный в России монахами,
далеко, вероятно, не будет философом.
Мари Франсуа Вольтер*

Незадолго до кончины Анны Иоанновны, 12 августа 1740 года, у полунемки Анны Леопольдовны и чистокровного немца принца Брауншвейг-Беверн-Люнебургского Антона-Ульриха родился сын.

Это был долгожданный наследник престола Иоанн VI Антонович.

Анна Леопольдовна (до миропомазания – Елизавета-Екатерина-Христина) принадлежала, как и ее тетка, императрица Анна Иоанновна, к милославской ветви династии Романовых. Она была дочерью герцога Мекленбург-Шверинского Карла-Леопольда и Екатерины Иоанновны, прозванной в

мекленбургских владениях дикой герцогиней.

В 1722 году герцогиня Екатерина Иоанновна привезла трехлетнюю Анну Леопольдовну в Россию.

В России и выросла девочка.

Всесильный Бирон пытался пристроить в мужа юной Анне Леопольдовне своего сына Петра, но принцесса предпочла бироновскому отпрыску племянника австрийского императора – принца Брауншвейг-Беверн-Люнебургского Антона-Ульриха.

Казалось, что с рождением прямого правнука царя Иоанна V Алексеевича русский престол окончательно закрепляется за милославской ветвью династии Романовых.

Поэтому-то и был устроен в честь рождения Иоанна VI Антоновича грандиозный фейерверк. Огни тех салютов – увы! – самое яркое, что увидел в своей жизни этот человек.

1

Много на свете несчастных детей... Но едва ли сыщется среди них ребенок несчастнее императора Иоанна Антоновича!

Ему было два месяца, когда умирающая Анна Иоанновна назначила его своим преемником на императорском престоле, и его младенческий профиль был отчеканен на рублевых монетах.

Теперь все указы издавались от имени ребенка, который

удивленно тарасился из колыбельки на взрослых дяденек и тетенок, осыпавших себя его повелением всевозможными наградами.

Не по-детски печально и задумчиво смотрел десятилетний император и на своего произведенного в генералиссимусы отца Антона-Ульриха, когда тот изучал поступившее из Шлиссельбурга донесение. Инженер-капитан Николай Людвиг сообщал, что «...сия крепость, хотя и не при самые границы состоит, однако она водной путь из России и коммуникацию из Санкт-Петербурга защищает».

Изучив донесение, генералиссимус Антон-Ульрих взял перо, и заплакал крошка-император, словно пахнуло в его колыбельку холодом шлиссельбургского каземата... Чуть больше года было императору Иоанну VI, когда провозглашенная новой императрицей Елизавета Петровна (она тоже приходилась Иоанну Антоновичу бабкой) взяла его на руки и, поцеловав, сказала:

– Бедное дитя. Ты ни в чем не виноват – родители твои виноваты...

И сразу из колыбели отправила она нареченного русским императором ребенка в тюрьму... Подыскивая оправдания перевороту, совершенному Елизаветой Петровной, ангажированные Романовыми историки каждый раз намекали: дескать, русская «дщерь Петрова» забрала принадлежащую ей по праву власть у немецкого семейства.

Насчет русских и немцев – тут надо разобраться.

Императрица Елизавета Петровна была такой же полунемкой, как ее племянница, правительница Анна Леопольдовна. И власть императрица Елизавета Петровна передала императору Петру III – такому же на три четверти немцу, как и его племянник, император Иоанн Антонович.

Да и насчет вины родителей Иоанна Антоновича тоже не все ясно.

Ни правительница Анна Леопольдовна, ни супруг ее, генералиссимус Антон-Ульрих, умом не блистали, но за год своего правления особых бед не принесли, а если сравнивать их правление с эпохой Анны Иоанновны, то этот год можно назвать даже счастливым для России.

Любопытно, что, объявив в 1741 году войну России, Швеция выставила одной из причин ее необходимость добиться возвращения русского престола потомству Петра I.

И хотя надежда шведов, что «дщерь Петрова» отблагодарит их возвращением ряда утраченных по Ништадтскому миру территорий, оказалась напрасной, тем не менее начавшаяся война оказала Елизавете Петровне серьезную помощь в борьбе за власть. 23 ноября 1741 года, когда гвардейским полкам был отдан приказ о выступлении из Петербурга на войну, сторонники цесаревны распустили слухи, что правительница Анна Леопольдовна удаляет гвардейцев из столицы, не имея никакой военной надобности, – только ради того, чтобы провозгласить себя самодержавной императрицей. Это вызвало возмущение гвардии и немало способствовало

успеху затеянного Елизаветой Петровной переворота.

Между прочим, тогда же поползли слухи, будто при рождении принца Иоанна Антоновича Анна Иоанновна приказала академикам составить гороскоп новорожденного. Ученые, изучив звездное небо, выяснили, что светила предсказывают страшный жребий царственному младенцу.

Анну Леопольдовну предупреждали об опасной деятельности Елизаветы Петровны, но правительница ограничилась тем, что взяла со своей тетки слово не действовать против нее.

Слово это богобоязненная Елизавета Петровна держала ровно день, а ночью 25 ноября 1741 года произвела дворцовый переворот.

Любопытно и то, что, завершая войну со Швецией, ставшая-таки русской императрицей «дщерь Петра» не забыла о династических претензиях Швеции и настояла, чтобы на шведский престол был посажен брат ее умершего жениха – голштинский принц Адольф-Фридрих, епископ Любский.

Ну а сразу после переворота, 2 декабря 1741 года, заливаясь слезами, Елизавета Петровна снарядила своего несчастного внука в Ригу, чтобы запереть его в замке, прежде принадлежавшем Бирону.

Елизавета Петровна приказала стереть саму память о внуке. Указы и постановления времен царствования Иоанна Антоновича были изъяты, а монеты с изображением малолетнего императора подлежали переплавке. Злоумышленникам,

уличенным в хранении таких монет, приказано было рубить руки.

Двухлетний Иоанн VI Антонович согласно императорской воле погружался в безвестность, а навстречу славе и власти везли в Петербург 14-летнего подростка, племянника императрицы Елизаветы Петровны, внука императора Петра I – Карла-Петра-Ульриха, будущего русского императора Петра III.

2

В жалостливом уголовном романсе советской поры поется:

Кто скитался по тюрьмам советским,
Трудно, граждане, вам рассказать,
Как приходится нам, малолеткам,
Со слезами свой срок отмыкать...

Тюрьмы Иоанна VI Антоновича были не советскими, да и сам он был не малолетним преступником, а русским императором, но все остальное сходилось. Нельзя без слез думать о странствиях двухлетнего Иоанна VI Антоновича по елизаветинским тюрьмам.

Через год, когда был раскрыт заговор камер-лакея Александра Турчанинова, прапорщика Преображенского полка

Петра Ивашкина и сержанта Измайловского полка Ивана Сновидова (заговорщики планировали умертвить Елизавету Петровну и вернуть на русский трон Иоанна VI Антоновича), малолетнего узника перевезли в крепость Динамюнде.

Но и здесь ненадолго задержался он.

В марте 1743 года в Петербурге был раскрыт новый заговор – генерал-поручика Степана Лопухина, жены его Натальи, их сына Ивана, графини Анны Бестужевой и бывшей фрейлины Анны Леопольдовны, Софьи Лилиенфельдт.

Злодеи осмелились в своем кругу сочувствовать судьбе Иоанна VI Антоновича и его матери Анны Леопольдовны! Заговорщики, как было сказано в указе, изданном 29 августа 1743 года, хотели «привести нас в огорчение и в озлобление народу».

Статс-даме Лопухиной и графине Бестужевой обрезали – в прямом значении этого слова! – языки и, наказав кнутом, отправили в далекую ссылку. Туда же препроводили высеченную плетьюми фрейлину Софью Лилиенфельдт.

Еще более жестоко покарали младенца Иоанна VI Антоновича и его мать Анну Леопольдовну, которые действительно были виноваты – тем, что вызывали сочувствие к себе.

Их приказано было заточить в Раненбурге.

В Рязанскую губернию, к новому месту заточения, императорскую семью везли с предельно возможной жестокостью, так что беременная Анна Леопольдовна отморозила в пути левую руку, генералиссимус Антон-Ульрих – обе ноги,

а крошка-император Иоанн VI Антонович всю дорогу метался в жару и бредил.

Раненбург³⁵ возник на месте поместья, подаренного Петром I Алексею Даниловичу Меншикову, и, как и Шлиссельбург, сразу после кончины Петра I начал овладевать тюремной специальностью. Сюда поначалу решено было сослать лишённого званий и чинов самого А.Д. Меншикова, потом здесь находился князь С.Г. Долгоруков, теперь пришла очередь Иоанна VI Антоновича и его матери Анны Леопольдовны.

В Раненбурге для семьи императора было выстроено два домика на противоположных концах городка. Построили их второпях, и ни окованные железом двери, ни толстые решетки на окнах не защищали ни от сквозняков, ни от сырости.

Анну Леопольдовну и принца Антона-Ульриха поместили в крошечной комнате, вся обстановка которой состояла из двух деревянных кроватей, стола и грубо сколоченных табуретов.

Об Иоанне VI Антоновиче, который находился на другом конце города, несчастные родители не могли добиться сведений, а стражники (им объяснили, что арестанты – существа «сущеглупые») молчали, потому что и сами не слышали ни о каком малолетнем императоре.

Капитан-поручик Вындомский приказал солдатам, охранявшим Анну Леопольдовну и принца Антона-Ульриха, не

³⁵ *Нынешний Чаплыгин.*

церемониться с арестантами и, когда они начнут «заговариваться», вязать их и обливать холодной водой.

Так солдаты и поступили, когда Анне Леопольдовне вздумалось позвать начальника. Они связали беременную женщину, бросили на пол и облили ледяной водой. Принц Антон-Ульрих, которого загодя привязали к кровати, подтверждая свою «сущеглупость», рыдал и осыпал мучителей проклятиями на немецком языке, и солдатам пришлось облить ледяной водой и генералиссимуса.

А Иоанну VI Антоновичу была придумана еще более жестокая, чем родителям, пытка. С ним запрещено было говорить. Юлиана Менгден, придворная дама Анны Леопольдовны, попыталась было шепотом разговаривать с ребенком, но солдаты отогнали ее.

3

Все эти годы продолжалось начавшееся по распоряжению генералиссимуса Антона-Ульриха укрепление Шлиссельбургской крепости.

Под бастионами, которые размывало водой, сделали каменный фундамент, одели в камень – сложили из известняка наружные (эскарповые) подпорные стены – и сами бастионы. Куртины – треугольные стены – соединили бастионы в единую систему укреплений.

Шлиссельбургская бастионная крепость превратилась в

результате в первоклассное фортификационное сооружение, но работы, хотя за производством их и наблюдал генерал-аншеф Абрам Ганнибал, затянулись.

Когда из Раненбурга пришло донесение о попытке освободить Иоанна VI Антоновича, императрица Елизавета Петровна долго не могла сообразить, куда теперь определить любимого внука.

27 июня 1744 года камергеру барону Н.А. Корфу предписано было везти Иоанна VI Антоновича в Соловецкий монастырь.

Брауншвейгское семейство везли к Архангельску через Переяславль-Рязанский, Владимир, Ярославль и Вологду, не останавливаясь в этих городах. Согласно указу, данному барону Корфу, довольствовались арестантов так, «чтобы человеку можно было сыту быть, и кормить тем, что там можно сыскать, без излишних прихотей».

Еще большей суровостью отличалась инструкция относительно четырехлетнего Иоанна VI Антоновича. Его везли в Архангельск под именем Григория³⁶, причем приказано было везти его скрытно, никому, даже подводчикам не показывать и держать коляску всегда закрытою.

Сохранилось не так уж и много документов о тюремных мытарствах ребенка-императора. Документы эти позволяют лишь предположительно говорить о развитии и образовании

³⁶ Нетрудно заметить тут стремление уподобить законного государя-императора самозванцу Григорию Отрепьеву.

Иоанна VI Антоновича.

Совершенно определенно известно, что официальные инструкции не только не предусматривали какого-либо обучения мальчика, но и воспрещали разьяснять ему его положение.

Ребенок рос и развивался физически, лишенный общения со сверстниками и возможности играть, не подозревая, кто он такой и почему с ним обращаются так жестоко и бессердечно.

Страдания ребенка были так велики, что сводили с ума даже его тюремщиков. Поэтому когда до Петербурга дошли слухи о странных выходках майора Мюллера, чтобы подкрепить его, решили послать ему в помощь его жену, сердобольную фрау Мюллер. Считается, что это она и выучила Иоанна VI Антоновича читать, писать и молиться... Когда Иоанну Антоновичу исполнилось 15 лет, фрау Мюллер нашла возможность завязать отношения с принцем. Через нее генералиссимус узнал, что сын живет рядом, и начал переписываться с ним.

Долго так продолжаться не могло, и в 1756 году, когда допрашивали в Тайной канцелярии тобольского купца-раскольника И. Зубарева, показавшего, что прусский король Фридрих произвел его в полковники, чтобы он подготовил побег Иоанна VI Антоновича, 15-летнего императора решено было – уже завершили ремонт крепости! – перевести в Шлиссельбург.

В начале 1756 года сержант лейб-кампании Савин получил предписание тайно вывезти Иоанна Антоновича из Холмогор и секретно доставить в Шлиссельбург, а полковнику Вындомскому, главному приставу при брауншвейгской семье, дан был указ: «Оставшихся арестантов содержать по-прежнему, и строже и с прибавкою караула, чтобы не подать вида о вывозе арестанта; в кабинет наш и по отправлении арестанта репортовать, что он под вашим караулом находится, как и прежде репортовали».

4

В Шлиссельбурге режим секретности еще более усилился. Кто содержится в каземате Шлиссельбургской крепости под именем известного арестанта и безымянного колодника, не положено было знать даже коменданту крепости майору А.Ф. Бередникову³⁷.

Инструкция, данная графом А.И. Шуваловым гвардии капитану А. Шубину, гласила:

³⁷ С легкой руки автора романа «Мирович» Григория Петровича Данилевского, поместившего своего героя в каземат Светличной башни, который позднее использовался как карцер, эта информация кочует как по туристским путеводителям, так и по научным статьям. Между тем, познакомившись с «Бумагами по шлиссельбургскому бунту», приложенными ко 2-му тому книги В.А. Бильбаова «История Екатерины II», можно утверждать, что Иоанна Антоновича содержали в другом помещении – скорее всего, в казарме, отделенной от общего крепостного двора каналом.

«Быть у онага арестанта вам самому и Ингермандландского пехотного полка прапорщику Власьеву, а когда за нужное найдете, то быть и сержанту Луке Чекину в той казарме дозволяется, а кроме же вас и прапорщика, в ту казарму никому ни для чего не входить, чтоб арестанта видеть никто не мог, також арестанта из казармы не выпускать. Когда же для убирания в казарме всякой нечистоты кто впущен будет, тогда арестанту быть за ширмами, чтоб его видеть не могли.

Где вы обретаться будете, запрещается вам и команде вашей под жесточайшим гневом Ее Императорского Величества никому не писать...

В котором месте арестант содержится и далеко ли от Петербурга или Москвы, арестанту не сказывать, чтоб он не знал.

Вам и команде вашей, кто допущен будет арестанта видеть, отнюдь никому не сказывать, каков арестант, стар или молод, русский или иностранец, о чем подтвердить под смертною казнию, коли кто скажет».

В 1757 году А. Шубина заменил капитан Овцын, которому мы обязаны единственными, кажется, описаниями Иоанна VI Антоновича.

Май 1759 года. «Об арестанте доношу, что он здоров и, хотя в нем болезни никакой не видно, только в уме несколько помешался, что его портят шептаньем, дутьем, пусканьем изо рта огня и дыма; кто в постели лежа повернется или ногу переложит, за то сердится, сказывает, шепчут и тем его

портят; приходил раз к подпоручику, чтоб его бить, и мне говорил, чтоб его унять, и ежели не уйму, то он станет бить; когда я стану разговаривать (разубеждать), то и меня таким же еретиком называет; ежели в сенях или на галереи часовой стукнет или кашлянет, за то сердится».

Июнь 1759 года. «Арестант здоров, а в поступках так же, как и прежде; не могу понять, воистину ль он в уме помешался или притворничествует. Сего месяца 10 числа осердился, что не дал ему ножниц; схватив меня за рукав, кричал, что когда он говорит о порче, чтоб посмотреть на лицо его прилежно, и будто я с ним говорю грубо, а подпоручику, крича, говорил: «Смеешь ли ты, свинья, со мною говорить?» Садился на окно – я опасен, чтоб, разбив стекло, не бросился вон; и когда говорю, чтоб не садился, не слушает и многие беспокойства делает. Во время обеда за столом всегда кривляет рот, головою и ложкою на меня, также и на прочих взмахивает и многие другие проказы делает. Стараюсь ему угождать, только ничем не могу, и что более угождаю, то более беспокоит. 14 числа по обыкновению своему говорил мне о порче; я сказал ему: «Пожалуй, оставь, я этой пустоты более слушать не хочу», потом пошел от него прочь. Он, охватя меня за рукав, с великим сердцем рванул так, что тулуп изорвал. Я, боясь, чтоб он не убил, закричал на него: «Что, ты меня бить хочешь?! Поэтому я тебя уйму», на что он кричал: «Смеешь ли ты унимать?! Я сам тебя уйму». И если б я не вышел из казармы, он бы меня убил. Опасаюсь,

чтоб не согрешить, ежели не донести, что он в уме не помешался, однако ж весьма сомневаюсь, потому что о прочем обо всем говорит порядочно, доказывает Евангелием, Апостолом, Минеею, Прологом, Маргаритою и прочими книгами, сказывает, в котором месте и в житии которого святого пишет; когда я говорил ему, что напрасно сердится, чем прогневляет Бога и много себе худа сделает, на что говорит, ежели б он жил с монахами в монастыре, то б и не сердился, там еретиков нет, и часто смеется, только весьма скрытно; нынешнее время перед прежним гораздо более беспокоит».

Свидетельства чрезвычайно любопытные.

Овцын, разумеется, шаржирует вспыльчивость Иоанна VI Антоновича, его повышенную раздражительность, но даже если это и так, то тут надо говорить не о помешательстве 19-летнего юноши, без какой-либо на то вины проведшего всю свою жизнь в тюрьмах, а об его необыкновенном смирении и терпении.

Во-вторых, вопреки распространенному мнению о неразвитости и даже некоем скудоумии Иоанна VI Антоновича мы видим вполне разумного и достаточно начитанного молодого человека. Об этом свидетельствуют книги, на которые ссылается он, обосновывая свои мысли: Евангелие, Апостол, жития святых, поучения святых отцов...

Подчеркнем, что Иоанн VI Антонович был здоровым юношей и в питании – «Арестанту пища определена в обед

по пяти и в ужин по пяти же блюд, в каждый день вина по одной, полпива по шести бутылок, квасу потребное число» – его никто не ограничивал. При этом все жизненное пространство Иоанна VI Антоновича было стеснено каменным мешком с единственным окном... Тут, право же, задумаешься, насколько гуманным было столь обильное пищевое довольствие. Энергия и сила переполняли юношу и, не находя выхода, грозили разорвать его.

Надо подчеркнуть, что измученные скукой караульные офицеры не отказывали себе в удовольствии развлечься за счет загадочного арестанта и постоянно провоцировали в нем вспышки ярости.

«Прикажите кого прислать, истинно возможности нет; я и о них (офицерах) весьма сомневаюсь, что нарочно раздражают, – пишет Овцын в июле 1759 года. – Не знаю, что делать, всякий час боюсь, что кого убьет; пока репорт писал, несколько раз принужден был входить к нему для успокоения, и много раз старается о себе, кто он, сказывать, только я запрещаю ему, выхожу вон».

Замены, как известно, не последовало.

Подобное поведение стражников если не поощрялось властями, то и не запрещалось, а порою и инспирировалось ими.

Однажды по поручению графа А.И. Шувалова капитан Овцын задал Иоанну VI Антоновичу вопрос, кто он.

Внимательно оглянув Овцына, Иоанн VI Антонович ответил, что он человек великий, но один подлый офицер это у

него отнял и имя переименовал...

– Великий человек? – переспросил Овцын.

– Да... – сказал Иоанн VI Антонович. – Я – принц.

«Я ему сказал, – пишет А.И. Шувалову капитан Овцын, – чтоб он о себе той пустоты не думал и впредь того не врал, на что, весьма осердясь, на меня закричал, для чего я смею ему так говорить и запрещать такому великому человеку. Я ему повторял, чтоб он этой пустоты, конечно, не думал и не врал, и ему то приказываю повелением, на что он закричал: я и повелителя не слушаю, потом еще два раза закричал, что он принц, и пошел с великим сердцем ко мне; я, боясь, чтоб он не убил, вышел за дверь и опять, помедля, к нему вошел: он, бегая по казарме в великом сердце, шептал, что – не слышно.

Видно, что ноне гораздо более прежнего помешался; дня три, как в лице, кажется, несколько почернел, и чтоб от него не робеть, в том, высокосиательнейший граф, воздержаться не могу; один с ним остаться не могу;

когда станет шалить и сделает страшную рожу, отчего я в лице изменюсь, он, то видя, более шалит».

Если читать донесения Овцына отстраненно от переживаний Иоанна VI Антоновича, картина смазывается, рисуется образ человека с разрушенной психикой, уже миновавшего черту, за которой можно и не говорить о несправедливости доставшейся ему судьбы.

Вот Овцын сообщает, что в сентябре 1759 года арестант вел себя несколько смирнее, потом опять стал браниться и

драться – и не было спокойного часа. А с ноября снова стал смирен и послушен...

Все буднично, все обыкновенно и все безразлично скучно.

Но если попытаться представить, что переживал в эти бесконечные месяцы заточения сам несчастный Иоанн VI Антонович, начинаешь задыхаться от ужаса, из которого 19-летнему юноше не было выхода даже в безумие.

Тут нужно иметь в виду, что Иоанн VI Антонович знал то, что самому Овцыну было неизвестно.

Однажды в разговоре с Иоанном VI Антоновичем он повысил голос.

– Как ты смеешь на меня кричать?! – сказал в ответ Иоанн VI Антонович. – Я здешней империи принц и государь ваш.

Памятуя указание А.И. Шувалова, капитан Овцын объявил арестанту, что «если он пустоты своей врать не отстанет, также и с офицерами драться, то все платье от него отберут и пища ему не такая будет».

– Кто так велел сказать?

– Тот, кто всем нам командир, – отвечал Овцын.

– Все это вранье, – сказал Иоанн VI Антонович. – Я никого не слушаюсь, разве сама императрица мне прикажет.

Овцын расценил это как очередное свидетельство слабости безымянного колодника. Любопытно, что об издевательствах, чинимых над юношей-императором, он пишет в своих донесениях совершенно открыто.

В апреле 1760 года Овцын доносил, например, что «аре-

стант здоров и временем беспокоен, а до того всегда его доводят офицеры, всегда его дразнят». В 1761 году он сообщал, что придумали средство «лечить» арестанта от беспокойства, лишая его чаю, а также не давая «чулок крепких», в результате чего арестант присмирел совершенно.

Были и более радикальные способы «лечения» арестанта.

Однажды Иоанн VI Антонович снова начал «качать права», выкрикивая, что он «здешней империи принц и государь ваш».

Капитан Овцын долго слушал его, а потом с размаху ударил императора кулаком в висок, отчего тот упал и потерял сознание.

5

Так пришло 26 декабря 1761 года, когда умерла столь жалостливая к Иоанну VI Антоновичу – «Бедное дитя. Ты ни в чем не виноват – родители твои виноваты...» – бабушка, императрица Елизавета Петровна.

Миновали два десятилетия правления этой «дщери Петровой».

Кончились с ними два десятилетия первого тюремного срока императора Иоанна VI Антоновича.

Наши историки, дабы оправдать незаконный захват трона «дщерью Петровой» и возвращение трона в петровскую (нарышкинскую) ветвь династии Романовых, объявили и само-

го царя Ивана V Алексеевича, и все его потомство, вплоть до несчастного Иоанна VI Антоновича, умственно неполноценными, «сущеглупыми».

«Царь Иоанн был от природы скорбен головой, косноязычен, страдал цингой, плохо видел и уже на 18-м году от рождения, расслабленный, обремененный немощью духа и тела, служил предметом сожаления и даже насмешек бояр, его окружавших...

Из трех дочерей покойного каждая унаследовала многие черты слабого ума своего родителя...

Природа, в соблюдении своих законов всегда неумолимая, не сделала исключения для дочери герцогини Мекленбургской при наделе, или, вернее, при обделе Анны Леопольдовны умственными способностями...»

А с каким сладострастием описывали эти историки уродство детей, рожденных Анной Леопольдовной в холмогорских снегах!

Говорилось, что достаточно взглянуть на силуэты этих несчастных, чтобы по профилям, по неправильной форме их голов догадаться о врожденном слабоумии.

В результате у впечатлительного читателя не оставалось сомнения, что вот это – воистину чахлые, ядовитые плоды засохшей милославской ветви... И тут объективности ради следовало бы сравнить потомков царя Ивана V Алексеевича с Петром III, являвшимся прямым внуком Петра I, но традиционная история подобных сопоставлений избегала.

И не случайно. Внук Петра I, несмотря на хлопоты наставников, так и не научился толком говорить по-русски, так и не смог уразуметь разницу в религиозных обрядах лютеранства и православия. Так на всю жизнь и остался он без Бога, без родины. В бедную голову его так и не вместились осознание просторов России, и, став взрослым, он всегда считал титул русского императора менее важным, нежели чин генерала прусской службы.

И этот человек и должен был определить дальнейшую судьбу безымянного узника Иоанна VI Антоновича.

6

Мы уже говорили, что бывший император Иоанн VI Антонович, которому исполнился тогда всего год, в декабре 1741 года по дороге в Ригу вполне мог встретиться со своим дядей, 14-летним Карлом-Петром-Ульрихом, которого везли в Россию, чтобы сделать императором Петром III.

Но встретились они только после кончины Елизаветы Петровны, когда 18 марта 1762 года император Петр III изволил посетить Шлиссельбургскую крепость.

Встрече этой предшествовало письмо, полученное Петром III от прусского короля Фридриха II.

Узнав о намерении Петра III отправиться за границу для ведения войны с Данией за голштинские владения, Фридрих II не на шутку встревожился.

«Всякий другой народ благословлял бы небо, имея государя с такими выдающимися и удивительными качествами, какие у Вашего Величества, – писал он. – Но эти русские... Чувствуют ли они свое счастье (выделено нами. – *Н.К.*)? И проклятая продажность какого-нибудь одного ничтожного человека разве не может побудить его к составлению заговора или к поднятию восстания в пользу этих принцев брауншвейгских?»

Припомните, Ваше Императорское Величество, что случилось в первое отсутствие императора Петра I – как его родная сестра составила против него заговор!

Предположите, что какой-нибудь негодяй с беспокойною головой начнет в ваше отсутствие интриговать для возведения на престол этого Ивана, составит заговор с помощью иностранных денег, чтобы вывести Ивана из темницы, подговорить войско и других негодяев, которые и присоединятся к нему. Не должны ли вы будете тогда покинуть войну против датчан, хотя бы все шло с отличным успехом, и поспешно возвратиться, чтоб тушить пожар собственного дома?

Эта мысль привела меня в трепет, когда пришла мне в голову, и совесть мучила бы меня всю жизнь, если б я не сообщил эту мысль Вашему Императорскому Величеству. Я здесь, в глубине Германии. Я вовсе не знаю вашего двора: ни тех, к которым Ваше Величество может иметь полное доверие, ни тех, кого можете подозревать, поэтому вашему

высокому разуму принадлежит различить, кто предан и кто нет. Я думаю одно: что если Вашему Величеству угодно принять начальство над армиею, то безопасность требует, чтобы вы прежде короновались и потом вывезли в своей свите за границу всех подозрительных людей. Таким образом, вы будете обеспечены...» Историки утверждают, что Иоанн VI Антонович показался Петру III почти совсем безумным – и тот, успокоившись, приказал отправить племянника назад, в тюрьму.

«Что касается Ивана, – успокоил он Фридриха II, – то я держу его под крепкою стражею, и если б русские хотели сделать зло, то могли бы уже давно его сделать, видя, что я не принимаю никаких предосторожностей. Могу вас уверить, что когда умеешь обходиться с ними, то можно быть покойным на их счет...» Любопытны тут и опасения Фридриха II насчет Иоанна VI Антоновича, и уверения Петра III, что если б русские хотели сделать зло, то могли бы уже давно его сделать.

Еще любопытнее сама эта встреча двух родственников, дяди и племянника, – встреча двух русских императоров, бывшего и настоящего, являющихся при этом по крови на три четверти немцами.

Но это с одной стороны, а с другой...

«Маленький человек», которому «выпало исполнять должность великого человека», – и узник, без малейшей вины проведенный в тюрьме два десятилетия.

Жестокий тиран – и несчастный, затравленный жестокими стражниками юноша. Человек, не умеющий понять отличие православия от лютеранства, – и безымянный колодник, неведомо как и где постигший главные книги русского православия.

Впечатления Петра III от встречи с Иоанном VI Антоновичем обличают самого Петра III сильнее, чем многочисленные воспоминания очевидцев его правления. Какая же убогость чувств и черствость души должны были быть в этом человеке, чтобы даже вопреки тому, что оба они принадлежали к числу русских императоров и оба были на три четверти немцами, не разглядеть в Иоанне VI Антоновиче личности, достойной хотя бы сочувствия!

Инструкция, данная графом А.И. Шуваловым новому главному приставу Иоанна VI Антоновича князю Чурмантееву, предписывала: «Если арестант станет чинить какие непорядки или вам противности или же что станет говорить непристойное, то сажать тогда на цепь, доколе он усмирится, а буде и того не послушает, то бить по вашему рассмотрению палкою или плетью».

Отдавая свое жестокое распоряжение, Петр III, разумеется, не догадывался, что и ему, всеильному русскому императору, как и несчастному, жестоко избиваемому в каземате Шлиссельбургской крепости Иоанну VI Антоновичу, самому предстоит принять судьбу бесправного узника.

После переворота, произведенного Екатериной II, 34-лет-

него императора Петра III заключат в Ропше, и 6 июля 1762 года он будет убит.

7

Положение, в котором оказалась Екатерина II после переворота, было непростым. Как и Екатерина I, она не имела ни капли романовской крови, но если Екатерина I унаследовала престол после смерти мужа, Петра I, то Екатерина II захватила престол, убив своего мужа.

«Мое положение таково, что я должна принимать во внимание многие обстоятельства, – писала она Станиславу Понятовскому. – Последний солдат гвардии считает себя виновником моего воцарения, и при всем том заметно общее брожение... Если я уступлю, меня будут обожать. Если нет – то не знаю, что случится».

Тут Екатерина несколько не сгустила краски.

Известно, что когда Екатерина II объявила в Сенате о намерении выйти замуж за Григория Орлова, воспитатель наследника престола Н.И. Панин сказал, что императрица вольна в своих решениях, но госпожа Орлова никогда не была нашей императрицей.

Вскоре после коронации был раскрыт заговор поручика Семена Гурьева и Петра Хрущева, которые собирались возвести на престол Иоанна VI Антоновича. Главные заговорщики были приговорены к смертной казни, другие офицеры

– к каторжным работам.

Очевидно, что после произведенного Екатериной II переворота судьба императора Иоанна VI Антоновича не могла оставаться прежней.

Известно, что возвращенный из ссылки А.П. Бестужев даже разрабатывал план брачного союза Екатерины II с Иоанном VI Антоновичем.

Насколько верны эти свидетельства, судить трудно, но можно не сомневаться, что если бы только этого потребовали обстоятельства, Екатерина II вполне могла бы выйти замуж и за шлиссельбургского узника. Чтобы удержаться на русском троне, императрица готова была заплатить любую цену.

И совершенно точно известно, что императрица Екатерина II виделась с Иоанном VI Антоновичем и, как сама признала позже, нашла его в полном уме.

Повторим, что обстоятельства вполне могли повернуться в любую сторону и не обязательно перемена в положении Иоанна VI Антоновича должна была стать несчастливой.

Не обязательно...

Другое дело, что Екатерина II была сильной и самобытной личностью. И в переломный в своей биографии момент она не замкнулась на дворцово-династических интригах, а решила воздействовать на общество, изменяя в нужном для себя направлении и общественные настроения, и само общественное устройство страны.

Решительно пошла она на убийство своего супруга, законного русского императора Петра III. Теперь наступила очередь второго законного русского императора... В инструкции, данной после встречи императрицы со шлиссельбургским узником, все было сказано ясно и четко:

«Ежели паче чаяния случится, чтоб кто с командою или один, хотя бы то был и комендант или иной какой офицер, без именного, за собственноручным Императорского Величества подписанием, повеления или без письменного от меня приказа и захотел арестанта у вас взять, то оного никому не отдавать и почитать то за подлог или неприятельскую руку. Буде же так оная сильна будет рука, что опастись не можно, то арестанта умертвить, а живого никому его в руки не отдавать».

Безусловно, Екатерина II обладала незаурядными актерскими и режиссерскими способностями.

Все, что необходимо было совершить, совершалось, но совершалось это как бы без ее участия.

Вот и поразительное по жестокости убийство императора Иоанна VI Антоновича, которое должно было произойти, – нельзя, нельзя было оставлять в живых человека, который имеет неизмеримо больше прав на русский престол, чем она! – произошло, но произошло как бы без всякого участия самой императрицы.

Сюжет, который вошел в русскую историю под названием «попытка Мировича», предельно прост.

Стоявший в гарнизоне крепости подпоручик Смоленского пехотного полка Василий Яковлевич Мирович, человек «честолюбивый и на всех обиженный»³⁸, в ночь с 4 на 5 июля 1764 года командовал своим солдатам: «В ружье!» и двинулся к казарме, где содержался Иоанн VI Антонович.

Мирович арестовал коменданта крепости А.Ф. Бердникова и потребовал выдачи Иоанна VI Антоновича.

Тот отказался, и Мирович навел на двери каземата пушку.

Согласно имеющейся у них инструкции, караульный офицер поручик Чекин штыком заколол императора Иоанна VI Антоновича.

Кровь безвинного 23-летнего страдальца обагрила древние камни Шлиссельбурга.

Когда Мирович во главе своих солдат ворвался в камеру узника, он понял, что проиграл: на полу лежал мертвый Иоанн VI Антонович.

Солдаты хотели заколоть караульных офицеров штыками, но Мирович не допустил этого.

– Теперь помощи нам нет никакой! – сказал он. – Теперь

³⁸ Он происходил из знатного украинского рода, имени которого в свое время были конфискованы за содействие гетману Мазепе в 1709 году.

они правы, а мы виноваты.

Следствие над Мировичем было проведено быстро, и, кажется, впервые в деле, связанном с попыткой дворцового переворота, обошлись без пыток.

Никаких сообщников В.Я. Мировича следствие не установило, да и не пытались установить.

Сам Василий Яковлевич показал, что действовал на свой страх и риск и имел лишь одного товарища – поручика пехотного полка Аполлона Ушакова.

В середине мая 1764 года они отслужили с Ушаковым панихиду в Казанском соборе по самим себе, и через две недели Аполлон Ушаков утонул, а Мирович решил исполнить свой замысел в одиночку и тоже готов теперь взойти на эшафот.

Все эти показания, учитывая режим секретности, которым было окружено заточение Иоанна VI Антоновича, выглядят чрезвычайно неубедительно.

Есть косвенные свидетельства, что Мирович был связан с братьями Орловыми, и, таким образом, его «попытка» приобретает характер спланированной самой императрицей и ее ближайшим окружением провокации.

Следствие обрабатывать такую версию не стало.

В ночь на 15 сентября 1764 года на Обжорном (Сытном) рынке Санкт-Петербурга воздвигли эшафот, на который возвели честолюбивого поручика.

Вечером этот эшафот вместе с обезглавленным телом Ва-

сила Мировича был сожжен.

9

Алексей Орлов, убивая в Ропше императора Петра III, руководствовался только полунамеками и не догадывался даже, что убивает последнего Романова из петровской (нарышкинской) ветви династии³⁹.

Поручик Чекин, убивая в Шлиссельбургской крепости Иоанна VI Антоновича, руководствовался совершенно ясной и определенной инструкцией Екатерины II и старался вообще не думать, кто тот арестант, которого он убивает. Разумеется, он не осознавал, что, убивая императора Иоанна VI Антоновича, он убивает последнего Романова из иоанновской (милославской) ветви династии...

Он так и не узнал – «не прикасайтесь помазанным Моим!» – что он совершил в русской истории.

Это знала только сама Екатерина II.

Любопытно, что она сама озаботилась созданием для истории своего алиби в этом преступлении.

Среди бумаг императрицы нашлась писанная к Н.И. Панину, но почему-то не отправленная записка, «относящаяся», как пишет А. Брикнер, «кажется, к Иоанну».

«Мое мнение есть, чтоб... из рук не выпускать, дабы все-

³⁹ Екатерина II в своих «Записках» достаточно определенно пишет о том, что Павел был рожден ею от Сергея Салтыкова.

гда в охранении от зла остался, только постричь ныне и переменить жилище в не весьма близкий и в не весьма отдаленный монастырь, особливо в такой, где богомолья нет, и тут содержать под таким присмотром, как и ныне. Еще справиться можно, нет ли посреди муромских лесов, в Коле или в Новгородской епархии таких мест»⁴⁰.

Никакого алиби записка эта не обеспечила, но есть в ней поразительные слова – «дабы всегда в охранении от зла остался», необыкновенно глубоко рисующие впечатление, которое произвел на Екатерину II при личной встрече Иоанн VI Антонович.

Впечатление это разительно рознится с тем, что сказано в манифесте об умерщвлении принца Иоанна Антоновича: «... По природному Нашему человеколюбию, чтоб сему судьбою Божиею низложенному человеку сделать жребий облегченный в стесненной его от младенчества жизни, Мы тогда же положили сего принца видеть, дабы, узнав его душевные свойства, и жизнь его по природным его качествам и по воспитанию, которое он до того времени имел, определить спокойную.

Но с чувствительностью Нашею увидели в нем кроме весьма ему тягостного и другим почти невразумительного косноязычества лишение разума и смысла человеческого. Все бывшие тогда с нами видели, сколько Наше сердце сострада-

⁴⁰ Брикнер А. *История Екатерины Второй. В 2 т. Т. 1.* – М.: Современник. Товарищество Русских Художников, 1991. – С.176.

ло жалостию человечеству. Все напоследок и то увидели, что Нам не оставалось сему несчастно рожденному, а несчастнейше еще возросшему иной учинить помощи, как оставить его в том же жилище, в котором Мы его нашли затворенного...» Можно привести и другие нелепости, декларируемые манифестом, но, собственно говоря, избежать этих накладок и подчисток в манифесте, объявляющем во всенародное известие версию убийства в империи ее, пусть и «незаконно во младенчестве определенного ко всероссийскому престолу» императора, было просто невозможно.

Поэтому-то и остается неопровергнутым впечатление о встрече со шлиссельбургским узником, записанное самой Екатериной II.

Ее можно упрекать и в чрезмерном властолюбии, и в развратности, и во множестве других грехов, но при этом, несомненно, она была наделена бесценным даром понимания людей, с которыми приходилось встречаться.

Вот и увидев прошедшего всю свою жизнь в заключении Иоанна VI Антоновича (он был на 11 лет моложе Екатерины II), она увидела не диковатого, нездорового вида молодого мужчину, прошедшего всю свою жизнь в тюрьмах, а человека, взглянув на которого, хотелось, чтобы он «всегда в охране от зла остался».

Желание это было непонятно и самой Екатерине II, но оно появилось, оно оказалось даже закреплено на бумаге... Еще одно свидетельство, рисующее духовное состояние Иоанна

VI Антоновича перед его мученической кончиной, находим мы в донесениях тюремщиков.

В ответ на увещевания Власьева и Чекина, склонявших его к принятию монашества, Иоанн VI Антонович ответил: «Я в монашеский чин желаю, только страшусь Святаго Духа, притом же я безплотный».

Тюремщикам Иоанна VI Антоновича, как и историкам, слова эти показались свидетельством слабоумия шлиссельбургского узника. Мы же, зная, что они сказаны накануне его мученической кончины, склонны считать их святым пророчеством.

А тогда, в июле 1764 года, кажется, только один человек и понимал, что случилось.

Ах, как плакала, как страдала блаженная Ксения Петербургская в те дни!

– Что ты плачешь, Андрей Федорович? – жалея Ксению, спрашивали тогда прохожие. – Не обидел ли тебя кто?

– Кровь, кровь, кровь... – отвечала Ксения. – Там реки налились кровью, там каналы кровавые, там кровь, кровь... И еще три недели плакала Ксения, прежде чем стало известно в Петербурге, что в Шлиссельбурге убили Иоанна VI Антоновича.

Никто не знает, где похоронили этого русского императора⁴¹. По приказу Екатерины II погребение было совершено в

⁴¹ Недавно во время строительных работ в Холмогорах был открыт скелет, который, по мнению местных краеведов, является скелетом Иоанна VI Анто-

строжайшей тайне.

Одни исследователи считают, что Иоанна VI Антоновича увезли хоронить в Тихвинский Богородицкий монастырь, другие полагают, что его погребли в Шлиссельбурге и на месте могилы воздвигли собор пророка Иоанна Предтечи⁴².

Последняя версия, на наш взгляд, наиболее вероятна.

Скорее всего, погребение императора находится под фундаментом Иоанновского собора. Как известно, собор этот был заложен в 1776 году, когда умер в Холмогорах принц Антон-Ульрих. После убийства Иоанна Антоновича Екатерина II разрешила ему – принц не был членом дома Романовых и не мог стать конкурентом в борьбе за престол – покинуть Россию, но отец Иоанна Антоновича предпочел свободе семью, остающуюся в заключении.

Документов, подтверждающих взаимосвязь смерти прин-

новича.

⁴² *Маркиз де Кюстин в своих воспоминаниях о посещении 2 августа 1839 года крепости, «где несчастный наследник русского престола умер, лишившись рас-судка, оттого, что кто-то решил, что удобнее сделать из него идиота, чем им-ператора», пишет, что ему пришлось проявить немалую настойчивость, что-бы попасть на могилу Иоанна Антоновича. «Когда мы покинули гостиную ко-менданта, мне для начала стали показывать великолепное убранство церкви! Если верить тому, что удосужился сообщить мне комендант, четыре церков-ные мантии, торжественно развернутые передо мною, обошлись в 300 тыс. рублей. Устав от всего этого кривлянья, я напрямую заговорил о могиле Ивана VI. В ответ мне показали пролом, сделанный в стенах крепости пушкой Петра Великого, когда он лично вел осаду этого шведского укрепления, ключа к Балти-ке. – Но где же могила Ивана? – повторил я, не давая себя сбить. На сей раз меня отвели за церковь, к бенгальскому розовому кусту, и сказали: – Она здесь».*

да Антона Ульриха и закладки храма Иоанна Предтечи, нет, но нет и никаких иных объяснений этому строительству: никакой особой надобности в строительстве еще одной церкви в крепости тогда не было. Потребности гарнизона и немногочисленных арестантов вполне удовлетворяла крепостная церковь Успения Пресвятыя Богородицы.

В 1779 году храм Иоанна Предтечи был достроен, и 21 июня Высокопреосвященнейший Гавриил, архиепископ Новгородский и Санкт-Петербургский, освятил его⁴³.

И теперь заходишь под разверстые прямо в небо купола собора пророка Иоанна Предтечи, встаешь рядом с бронзовыми фигурами солдат, защищавших крепость в годы Великой Отечественной войны, и как-то легко и спокойно начинаешь думать о невероятно жестокой судьбе императора, всю свою жизнь проведшего в заточении и при этом до последних дней оставшегося таким, что даже его убийце хотелось, чтобы он «всегда в охранении от зла остался».

Его убили 4 июля 1764 года.

Это по юлианскому календарю, по которому жила тогда Россия.

В пересчете на григорианский календарь, который введут у нас только в 1918 году, получается 17 июля.

В этот день, 17 июля 1918 года, убьют в Екатеринбурге всю царскую семью...

⁴³ Это строение Екатерины II оказалось непрочным, храм пришлось перестраивать, и заново его освятили уже в правление Николая I, в 1828 году.

IV

ШЛИССЕЛЬБУРГСКИЙ СЛЕД КАЗАНСКОЙ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ

Рассказывая о Шлиссельбурге, о героической истории крепости, невольно снова и снова вспоминали мы о Казанской иконе Божией Матери, явившейся на Руси еще в царствование Иоанна Васильевича Грозного...

После страшного пожара, уничтожившего 23 июня 1579 года весь посад в Казани, дочери казанского стрельца Матрене явилась во сне Богородица. Она указала место на пепелище, где 8 июля 1579 года и откопали облеченную в ветхое вишневое сукно – это был рукав однорядки – икону.

Сама икона – таких еще не было на Руси! – была необычной, и вся она «чудно сияла светлостью»: земная грязь еще не коснулась образа...

Тотчас послали известить Казанского архиепископа Иеремию, но он посчитал ненужным смотреть, что отыскала несмышленная девочка, и к месту находки явился священник из ближайшей к пожарищу НиколоГостинодворской церкви. Первым этот священник и поднял икону, чтобы поставить на приготовленный помост.

Звали священника Ермолай.

«Не яви убо образа своего, Владычица, ни святителю града, ни начальнику властелинску, ниже вельможи или богату, ниже мудру старцу. Но яви свое честное сокровище, источник неисчерпаемый приходящим с верою, чудный свой образ, некоего мужа от простых, имуща мудрость на войне стрелебную, сего дщи юнна, десяти лет суща, именем Матрона. Сей бо девицы явися чюдная она и пресветлая икона Богородицына... – напишет потом он. – И после убо пожара в том же лете и месяце, сице нача являтися девицы оной, ей же имя преди рекохомъ, икона пресветлая Божия Матери. И веляше ей поити во град и поведати про икону Богородицыну, ея же виде, архиепископу и воеводам, дабы шед выняли образ Пречистые Богородицы от земленых недр. И место поведати ей, идеже последи обретоша драгаго бисера честное сокровище, чюдную икону Богородицыну».

Уже на следующий день начались исцеления.

Перед иконой прозрел казанский слепой Никита... Но оказалось, что образ Казанской Божией Матери дарует и духовное прозрение.

И самое первое чудо от него – это самовидец, как он потом сам называл себя, священник Ермолай, который и поднял из черноты пепелища чудотворный образ, чтобы пока-

зять народу.

Исполнилось ему тогда 50 лет, но словно и не было их – в непроницаемых сумерках времени скрылась прежняя жизнь. Едва только взял Ермолай в руки чудотворный образ, спала пелена с глаз русских людей – и сразу во всей духовной мощи явился перед ними облик великого святителя, будущего патриарха Гермогена.

Почти все его святительское служение приходится на годы смуты, и подвигом был практически каждый день земной жизни человека, избранного для своего святительского подвига самой чудотворной иконой Божией Матери Казанской.

В сане митрополита Казанского, в храмоздательных трудах встретил святитель роковой 1605 год, когда 13 апреля от апоплексического удара – кровь хлынула изо рта, носа, ушей – умер царь Борис Годунов.

Трон перешел к его сыну Федору, но 1 июня, поднятое посланцами Лжедмитрия, в Москве вспыхнуло восстание. Патриарха Иова, не признавшего самозванца, свели с патриаршества, а юного царя Федора удавили.

20 июня 1605 года Григорий Отрепьев торжественно въехал в Москву. Князь Богдан Бельский, бывший опекун сыновей Иоанна Грозного, торжественно поклялся, что Отрепьев – царевич Димитрий, мать убитого царевича Димитрия, Марфа Нагая, признала в самозванце своего спасенного сына...

Можно понять, чем руководствовались эти люди.

Одни лжесвидетельствовали из страха, другими руководила ненависть к Годуновым, третьи рассчитывали на щедрую награду Лжедмитрия.

Однако чем бы ни руководствовались они, ложь не могла сделаться правдой, и, настаивая на своем, люди оказывались поражены духовной слепотой и уже не могли разобратить, в какую пропасть ведут и страну, и самих себя. За спиною Григория Отрепьева стояли Польша и весь католический мир Запада. Есть свидетельства, что, еще находясь в Польше, Отрепьев тайно принял католичество. Страшная угроза нависла тогда уже не только над престолом, но над самой православной сущностью нашей страны. И этого-то и не желали замечать обуянные жадностью московские вельможи.

Но не все русские были поражены слепотой. Многие различали надвигающуюся опасность и открыто встали на пути ее.

Митрополит Гермоген оказался в числе их.

Когда самозванец обратился к иерархам Церкви с просьбой не настаивать на переходе Марины Мнишек в православие, возвысил голос митрополит Гермоген.

– Непристойно христианскому царю жениться на некрещеной! – сказал он. – Непристойно строить римские костелы в Москве. Из прежних русских царей никто так не делал.

Великою силою обладает слово правды. Бесстрашно произнесенное, оно легко разрушает все хитросплетения лжи, возвращает зрение людям ослепшим, когда вокруг все вы-

крикуют лживые утверждения. Когда прозвучал глуховатый и несильный голос Гермогена, ясно увидели все, кто посажен ими на московский престол. Свидетельства Богдана Бельского и Марфы Нагой могли обмануть только тех, кто хотел обмануться... Страшен был гнев, который обрушил самозванец на Гермогена. Приказано было сослать митрополита назад в Казань, снять с него святительский сан и заточить в монастыре.

Однако Господь не допустил исполнения этого приказа.

17 мая восставшие москвичи выволокли Лжедмитрия из Кремлевского дворца и убили, а тело бросили в грязи посреди рынка.

Но непрочною оказалась и новая династия.

Еще не закопали у обочины дороги тело Григория Отрепьева, а уже поползли слухи, будто Лжедмитрию удалось бежать. Скоро объявился и новый самозванец – Богданко, крещеный еврей из Шклова.

И воистину Божий промысел видится в том, что рядом со «слабым» царем Василием Шуйским встал, словно бы высеченный из гранита, патриарх Гермоген.

Несколько раз силою своего святительского слова укрощал он междоусобную брань, однако бояр, вступивших на путь предательства Родины, укротить не удалось и ему.

Ладно бы Марина Мнишек, которая признала в шкловском еврее Богданко своего убитого мужа. Но в Тушино возникла и своя Боярская дума, в которую вошли князя Л.Т.

Трубецкой, Д.М. Черкасский, А.Ю. Сицкий, М.М. Бутурлин, Г.П. Шаховский.

Ростовский митрополит Филарет Романов принял в Тушино сан патриарха.

Тогда Гермоген собрал в Успенском соборе купцов и бояр, умоляя их не наживаться на народной беде. Но сердца богатеев оказались глухи к призыву архипастыря о милосердии.

Страшная слепота поразила московских бояр.

Видели глаза, кого выбирают в цари, но не разбирали бояре, что делают, не ведали, что творят.

Они заключили с гетманом Жолкевским договор, чтобы пригласить на русский трон королевича Владислава, и открыли полякам ворота Кремля. Казалось бы, что может сделать один человек? Но неборима его сила, если он вооружен верой. Твердо, как скала стоял Гермоген, и ни хитростью, ни угрозами не удавалось предателям добиться от него уступок.

И вот полетели из Москвы в большие и малые города грамоты Гермогена.

И услышала эти слова Россия.

В каждом русском сердце зазвучали они. И тогда-то и двинулось из Нижнего Новгорода собранное Кузьмой Мининым и предводительствуемое князем Дмитрием Пожарским ополчение. И случайно ли, что чудотворный образ Казанской иконы Божией Матери, уже сотворивший на Руси чудо явления патриарха Гермогена, сопровождал ополчение

Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского на всем их пути до Москвы. Перед последним штурмом русские ратники молились у чудотворной иконы... Чудо, которое совершила икона с иереем Ермолаем, превратив его в грозного святителя, оказалось только прообразом чуда, совершенного 22 октября 1612 года, когда перед пречистым ликом Казанской иконы Божией Матери разьединенные политическими симпатиями и антипатиями, враждующие друг с другом русские люди вдруг очнулись и, ощутив себя единым народом, сбросили с себя вместе с обморочностью Смуты и ярмо чужеземных захватчиков.

И это чудо навечно останется в памяти народа...

2

Слухи о необычной иконе и тех чудесах, которые были явлены от нее, растеклись по Руси еще до освобождения Москвы, но после 1612 года к иконе пришла всенародная слава. И празднование ее стало совершаться не только в Казани 8 июля, но и в Москве 22 октября.

Князь Дмитрий Пожарский на свои средства построил на Красной площади в Москве Казанскую церковь, где долгое время хранился тот самый список с иконы, перед которым молились ратники, шедшие освобождать Москву⁴⁴.

⁴⁴ До постройки Казанского собора на Красной площади Москвы в 1636 году Московская Казанская находилась в приходском храме Пожарских – церкви Вве

Три с половиной десятилетия спустя, 22 октября 1648 года, на праздник «чудотворных иконы Казанския, во время всеобщего пения» родился наследник престола царевич Дмитрий, и царь Алексей Михайлович повелел праздновать Казанскую икону «во всех городах по вся годы», как бы редактируя при этом и содержание самого праздника.

Но первенец царя Алексея Михайловича вскоре умер, и праздник – осеннее почитание Казанской иконы Божией Матери сделалось всенародным – остался в прежнем своем значении.

С этого времени и начинается настоящее торжество чудотворных образов Казанской иконы Божией Матери по всей стране.

У каждой чудотворной иконы Божией Матери свой «послужной список» чудес, своя история, своя судьба, не похожая ни на какую другую... В 1622 году в роще близ села Белого Колодезя Черниговской губернии явилась Каташинская Казанская икона.

В 1643 году на источнике в двух верстах от города Нижнего Лома Пензенской губернии была обретена Нижнеломовская Казанская икона.

Широко почитается Тобольская чудотворная икона, которая явилась в 1661 году.

денция на Лубянке, во Псковичах (на месте нынешней площади Воровского). После разрушения Казанского собора в Москве почитаемый список Казанской иконы был перенесен в Богоявленский Елоховский собор Москвы. Сейчас он возвращен в восстановленную Казанскую церковь на Красной площади.

В 1689 году вблизи Харькова была обретена Каплуновская Казанская икона...

Перечень этот велик, но если считать по времени явления, одно из первых мест в нем должны занимать Шлиссельбургская Казанская икона, которая была обретена в 1702 году, сразу после взятия крепости войсками Петра I. Ведь понятно, что эта икона была доставлена в Шлиссельбург и замурована в стену еще до Столбовского мирного договора со Швецией, подписанного 27 февраля 1617 года. И, вероятно, произошло это еще до 12 мая 1612 года, когда твердыня Московской Руси на Неве пала. Как свидетельствовал Иоганн Видекинд, в живых в крепости тогда оставалось чуть больше сотни стрельцов...

Как известно, явленная в Казани икона имела размеры шесть на пять вершков (26,66 на 22, 225 см), икона Казанской Божьей Матери, принесенная в Москву ополчением Минина и Пожарского, – пять на восемь вершков (22,225 на 35,56 см). Икона, привезенная в Санкт-Петербург царицей Прасковьей и хранящаяся сейчас в Казанском соборе, – 13 на 12 вершков (58,175 на 53, 30 см).

Шлиссельбургская икона была значительно больше их по размерам. Согласно измерениям священника Иоанна Флоринского, длина ее составляла 1 аршин 7,5 вершка (104,46 см), ширина – 1 аршин 2 вершка (80,01 см).

«Эта местная святыня, – писал последний настоятель Шлиссельбургского крепостного храма Рождества Иоанна

Предтечи протоиерей Иоанн Флоринский, – оставшаяся в иноверческой земле, могла бы исчезнуть бесследно, как исчезли сами православные церкви в Орешке, с их украшениями и утварью, если бы заботливая рука одного из оставшихся в Орешке ревнителей православия не скрыла эту духовную ценность от глаз иноверных. Икона была замурована в стене древнего русского крепостного храма, и здесь-то она сохранялась в течение почти целого столетия. Православные ореховцы надеялись таким образом предохранить драгоценный образ Небесной Владычицы от поругания иноплеменных, твердо веря, что Царица Небесная Сама освободит свой образ от временного заточения и возвратит принадлежащий Ей храм и покровительствуемую Ею древнерусскую область в руки православных».

Видимо, так и было...

Возможно, достаточно значительные размеры Шлиссельбургского списка Казанской иконы Божией Матери не позволили вывезти ее из Орешка, но скорее всего, защитники замуровали икону в надежде на то, что она поможет вернуть России ее невскую твердыню.

Уместно вспомнить здесь, что Тихвинскую икону Божией Матери, проплывшую 26 июня 1383 года в небе вблизи Шлиссельбурга, тоже замуровывали в свое время в стене Пантократорской обители, чтобы спасти от еретиков-иконоборцев... В этом повторе истории, дивным отсветом лежащем на само явление Шлиссельбургской иконы, обнару-

живается глубокий мистический смысл. Шлиссельбургская икона как бы соединяет в себе две иконы, одна из которых, Тихвинская, именуется охранительницей северных рубежей России, а другая, Казанская, – спасительницей нашего Отечества.

Тихвинскую – тогда она называлась Влахернской – икону освободили через 60 лет.

Шлиссельбургская икона пробыла в каменном плену 90 лет.

3

Мы уже рассказали, как была обретена икона и почему Петр I не пожелал придать должного статуса чудесному обретению иконы Казанской Божией Матери в Шлиссельбурге.

Да... Взывший Нотебург Петр I считал, что он не освобождает, а завоевывает эти земли. Разница незначительная, если говорить о результате военной кампании, но чрезвычайно существенная, если вернуться к духовному смыслу войны, которая велась тогда на берегах Невы.

Потом стали говорить, что Петр I прорубил окно в Европу...

На самом деле окно в Европу здесь было всегда – требовалось только отодрать старые шведские доски, которыми оно было заколочено.

Но Петр все делал сам, и даже когда он совершал то, что

было predeterminedено всем ходом русской истории, он действовал так, как будто никакой истории до него не было и вся она только при нем и начинается. Это болезнь всех реформаторов в нашей стране!

И в этом и заключен ответ на вопрос, почему Петр не захотел узнать о чудесном явлении Шлиссельбургской иконы Божией Матери...

Нет, не русский Орешек освободил Петр, а взял шведскую крепость Нотебург и тут же основал здесь свой Шлиссельбург. Как могла вместиться сюда Казанская икона Божией Матери, неведомо когда, до всяких прославлений появившаяся здесь?!

И Шлиссельбургская икона Казанской Божией Матери так и осталась в крепости. Многочисленные чудеса происходили от нее.

Народное почитание иконы началось сразу.

Особенно это ощущалось 8 июля по старому стилю, на праздник явления иконы Казанской Богоматери.

В предшествующее празднику воскресенье Шлиссельбургскую икону с крестным ходом выносили из собора Иоанна Предтечи и на лодках переплавляли через Неву, а затем устанавливали в часовне Благовещенского собора, которую стали называть часовней иконы Казанской Божией Матери⁴⁵.

В сам праздник крестный ход с чудотворной иконой про-

⁴⁵ Эта деревянная часовня в 1864 году была перестроена в камне по проекту архитектора Г. Ериова.

ходил по Петровскому и Екатерининскому каналам, затем процессия удалялась по Рыбацкой улице⁴⁶ к Преображенской горе.

На этот крестный ход собиралось великое множество людей. В окружении «не одних жителей Шлиссельбурга, но и тысяч пришлаго народа» икону проносили вокруг города. «И вся эта многотысячная толпа с благоговением стремилась, чтобы хотя тень честной иконы осенила их во время шествия».

Ну а в царствование Александра III про Шлиссельбургскую икону вспомнили и в царском дворце.

«1883 год. Июня 15 в девять часов утра изволили прибыть в город Шлиссельбург, посетить шлиссельбургскую крепостную часовню, слушать краткое молитвословие и лобызать явленно-чудотворную икону Богоматери Их Императорския Высочества государь император Александр III и государыня императрица Мария Федоровна с августейшими сыновьями Николаем и Георгием Александровичами, великим князем Алексеем Александровичем и великою княгинею Мариею Александровною».

«1884 года июня 18 дня в десять часов утра изволили посетить крепостной храм и часовню и слушали краткое молитвословие Их Императорские Высочества великий князь

⁴⁶ Эта улица проходила вдоль берега Екатерининского острова от шлюза с противоположной стороны и продолжалась параллельно к нынешней Краснофлотской улице до самого Преображенского кладбища.

Владимир Александрович и супруга его государыня великая княгиня Мария Павловна».

Икону, богато украшенную за годы после обретения позолоченной ризой с жемчугом и драгоценными камнями, хранили в «сребро-позлащенной» оправе-футляре в особом ките за правым клиросом собора Иоанна Предтечи. Зимой икону переносили в казармы, в теплую церковь Апостола Филиппа.

Когда в 1866 году «уездными работными людьми» вдоль берегов Ладожского озера было завершено строительство бесшлюзового канала имени императора Александра II, на средства прихожан островного храма Иоанна Предтечи была воздвигнута для иконы Казанской Богоматери часовня Успения Богоматери.

В 1890 году расширили «для удобнейшего помещения богомольцев» крепостную часовню.

Здесь и помещался теперь Шлиссельбургский образ Казанской Божией Матери...

4

Можно рассуждать, что если бы остался жив Гермоген, может, и не вернулись бы так быстро в Кремль предатели-бояре и, может быть, не удалось бы им так легко оттеснить от руководства страной ее освободителей. Может быть, и выбрали бы тогда царя из тех, кто освобождал Москву от поля-

ков, а не из тех, кто защищал Москву от народного ополчения. Может быть, и взяли бы тогда верх те, кто считал, что у русского человека есть силы, чтобы устроить свою страну без пришлых людей, а не те, кто считал, что нам надо завозить для управления нами шведов, поляков или немцев...

Но говоря об этом, мы попадаем в то пространство нашей истории, которое по сложившейся традиции закрыто для осмысления.

К сожалению, в XIX веке наши прославленные историки вскользь упоминали об этих событиях, спеша скорее миновать запутанные переулки и загороженные площади нашей истории... Однако если мы сами забываем пространства своей истории, эти площади будут застроены людьми, которые бы хотели, чтобы у нас вообще не было никакой истории.

События конца XIX – начала XX века доказали, что застройка эта ведется в нашей стране не только в переносном, но зачастую и в самом прямом смысле.

В 1896 году Константин Маковский создал наполненную высоким патриотическим пафосом картину «Минин на площади Нижнего Новгорода, призывающий народ к жертвоприношениям». Интересно, что примерно в это же время как раз напротив церкви, с паперти которой, по преданию, обращался к нижегородцам Кузьма Минин, купец Н.А. Бугров построил ночлежный дом, послуживший А.М. Горькому прототипом ночлежки в пьесе «На дне».

С одной стороны, конечно, благотворительность, а с дру-

гой – откровенное глумление.

Бугров и Горький как бы свели и поставили друг против друга воодушевленную идеей спасения Родины, объединенную жертвенным порывом Россию Минина и Пожарского и Россию деклассированных спившихся босяков, все помыслы которых сведены к поиску выпивки.

И они смотрели друг на друга, эти две России, и не узнавали себя.

Н.А. Бугров принадлежал к тому типу волжских купцов, о которых трудно сказать, чего в них больше – самобытности или самодурства, но мы не будем утверждать, что он осознанно выбирал место для своего ночлежного дома, из которого – его слова! – «как из омута, никуда нет путей».

Это и неважно...

За Бугрова выбирали место ночлежки те темные силы, которые, по свидетельству современников, порою всецело завладевали его душой.

Ну а Максим Горький, создававший свою пьесу об обитателях бугровского дома, думается, о символизме соседства этого дома с Россией Минина и Пожарского знал совершенно определенно.

На дно в его пьесе, художественные достоинства которой, по нашему мнению, весьма относительны, погружаются не только обитатели ночлежки, но и вся Русь, еще сохранившая способность противостоять предательству и измене, Русь, еще обладающая силой спасти саму себя.

Пьесу «На дне» Алексей Максимович Горький написал в 1902 году, а 29 июня⁴⁷ 1904-го в час ночи из летнего храма при Богородицком женском монастыре украли саму чудотворную икону... Кражу совершили профессиональный церковный вор Варфоломей Андреевич Стоян, называвшийся Чайкиным, и его подельник, карманник Ананий Комов.

В ту же ночь на окраине Казани, в доме Шевлягина по Кирпично-Заводской улице, где Стоян (Чайкин) арендовал целый этаж, эти словно сошедшие с горьковских страниц монстры разрубили топором первообраз чудотворной иконы Казанской Божией Матери, чтобы побыстрее отделить от нее драгоценные камни и золото. Обломки и щепки от чудотворной иконы теща Чайкина, 49-летняя Елена Ивановна Шиллинг, «отгалкивающей наружности старуха, тип старой сводни», сожгла в железной печке.

Надо отдать должное полиции.

Расследование преступления было проведено грамотно и оперативно. Смотритель Александровского ремесленного училища Владимир Вольман, прочитав в газетах, что при краже был сломан замок наружной двери собора, сообщил в полицию о золотых дел мастере Николае Максимове, заказавшем у него в училище мощные разжимные щипцы, совершенно ненужные в ювелирной работе.

Максимов после очной ставки с Вольманом сознался, что заказал щипцы по поручению своего давнего покупателя Фе-

⁴⁷ 12 июля по новому стилю.

дора Чайкина.

Полиция, несмотря на поздний вечер, немедленно отправилась в дом Шевлягина по Кирпично-Заводской улице, однако обнаружила там только Елену Ивановну Шиллинг и девятилетнюю Евгению – дочь Прасковьи Кучеровой. Сам Чайкин за несколько часов до появления полиции вместе со своей гражданской женой Прасковьей Кучеровой уехал на извозчике на пристань.

18 июля Чайкин и Кучерова были задержаны в каюте прибывшего в Нижний Новгород парохода «Ниагара». У задержанных оказались фальшивые паспорта на имя супругов Сорокиных.

К тому времени полиция уже произвела тщательный обыск на квартире Максимова и в доме Шевлягина. На квартире Максимова были найдены жемчужины, в которых монахиня Варвара, состоящая многие годы при чудотворной Казанской иконе, опознала украшения с похищенной святыни.

Успешным был обыск и на Кирпично-Заводской улице.

Полицейским удалось найти тайники, наполненные драгоценностями. Согласно протоколу, в ходе обыска обнаружены были «куски пережженной проволоки, 205 зерен жемчуга, перламутровое зерно, камешек розового цвета, обломок серебра с двумя розочками, 26 обломков серебряных украшений с камнями, кусочек золота, 72 золотых обрезка от ризы, завернутые в рукав платья, 63 серебряных обрезка ризы

и венца, пластинка с надписью «Спас Нерукотворенный»⁴⁸, серебряный убрус, смятый в комок, и другие подобные предметы».

Важные показания дала девятилетняя Евгения Кучерова.

Она показала, что накануне кражи Чайкин вместе с Аналием Комовым уходил поздно вечером из дома. Каждый имел при себе шпалеру (револьвер).

Утром девочка проснулась на рассвете и увидела, как отчим рубит секачом икону Спасителя, а Комов топором – икону Казанской Божией Матери.

Разрубленные куски иконы были сложены в железную печь, после чего бабушка (Елена Шиллинг) зажгла огонь.

От дыма она вытирала рукавом глаза, и это не понравилось Чайкину.

– Мамаша у нас сегодня плаксивая... – сказал он Комову.

Читаешь эти показания – и вспоминаешь сон, приснившийся в 1579 году дочери казанского стрельца Матрене.

Прекрасным в этом сне был лик Богородицы, но дышал пламенем.

– От иконы исходило пламя, и прямо на меня, будто готовое сжечь... И голос я слышала... – Матрена наморщила лоб и повторила, стараясь не пропустить и не перепутать ни одного слова. – Если ты... не поведаетшь... глаголов Моих...

⁴⁸ Негодяями была украдена из храма при Богородицком женском монастыре еще и богато украшенная икона Христа Спасителя. Ее постигла та же участь, что и икону Казанской Божией Матери.

то Я... явлюсь в другом месте...

Сверстница Матрены Евгения Кучерова через 325 лет воочию увидела это ужасное пламя.

Оцепенев, смотрела она, как режет отчим сияющие драгоценными камнями ризы. Потом подняла с пола откатившийся камешек с Казанской иконы Божией Матери и зажала его в кулачке.

Показания Евгении Кучеровой помогли задержать последнего подозреваемого – «юркого, подвижного человека с плутовато-хищным выражением глаз и характерным длинным тонким носом, загнутым кверху» – Анания Комова.

Он был арестован в день праздника Казанской иконы Божией Матери. Тем летом произошло долгожданное для России событие. 30 июля 1904 года родился наследник престола, царевич Алексей.

«Когда я буду царем, – скажет он своему наставнику, – в России не будет бедных и несчастных».

Но мы знаем, что ненавистники России помешали стать царем этому долгожданному царевичу, родившемуся – увы! – после того, как святотатцами уничтожена была великая святыня России...

После уничтожения Казанской иконы Божией Матери начинаются и самые тяжелые поражения русско-японской войны, и Кровавое воскресенье, и вся смута 1905 года!

Странно и как-то обреченно переплетаются между собою даты тех событий...

Слушание дела в Казанском окружном суде происходило в дни, когда японцы пошли на четвертый штурм Порт-Артура.

Столь схожий с героями Горького Варфоломей Стоян (Чайкин) рассказывал на суде, как сжигали они национальную святыню России. Он говорил это и «суетливо, с гримасами всматривался в публику» своими «наглыми до дерзости глазами».

Строчили в записных книжках газетные репортеры.

Присяжные заседатели, позевывая, слушали клюквенника, уничтожившего одну из главнейших святынь нашей страны. Согласно их вердикту Варфоломей Стоян получил за свое преступление 12 лет каторги, Ананий Комов – 10 лет каторжных работ. Приговор ювелиру Николаю Максимову (два года и восемь месяцев арестантских работ) и Прасковье Кучеровой и Елене Шиллинг (по пять месяцев тюремного заключения) был еще мягче ⁴⁹.

В день оглашения этого вердикта японцам удалось овладеть господствующей над Порт-Артуром высотой, и они начали вести прицельный огонь по русским военным кораблям, стоящим на рейде... Разумеется, сатанинское деяние Варфоломея Стояна (Чайкина) и его тещи, «старой сводни» Елены Ивановны Шиллинг, отличается от замешанной на

⁴⁹ *Сторожка Федора Захарова, кстати, ввиду недоказанности его преступления, а также с учетом заслуг перед Отечеством (он был награжден медалями за Крымскую войну 1853-1856 годов и «За усмирение польского мятежа» 1864 года) присяжные заседатели оправдали.*

откровенном глумлении благотворительности купца Багрова, от русофобских сочинений Горького, от холодной ненависти к православию профессиональных «русских» революционеров, от поздравительных телеграмм, которые посылали японскому микадо петербургские студенты, но отличается только своими масштабами.

По сути это однотипные явления.

Одна задача тут – как можно сильнее оплевать и унижить русского человека, одна цель – лишить его всякой надежды на национально ориентированное устройство своей собственной страны...

И вот так и получилось, что была уничтожена чудотворная икона Казанской Божией Матери, и был 1917 год, и было все то, что было...

5

В начале XX века в Ростове-на-Дону вышла брошюрка Александра Степановича Пругавина «Прошлое и настоящее Шлиссельбургской крепости».

«Июль месяц 1880 года мне пришлось прожить в деревне Дубровке, на Неве, около Ладожского озера, – «вроде как на даче», по словам моего хозяина.

Как-то раз вечером заходит ко мне этот хозяин и спрашивает, не поеду ли я в Шлюсин.

Шлюсином народ величает здесь уездный город Шлис-

сельбург.

– Там завтра (разговор происходил 7 июля) престольный праздник Казанской Божией Матери... Явленная икона... Народу, что на этот праздник собирается, – страсть! Со всех мест. Пароходы только лишь успевают перевозить... Икона чудотворная, многим, говорят, помогает... И явилась-то она спервоначалу в крепости, а уж опосля ее, значит, в город перенесли. Одначе этот день и поныне в крепости соблюдают. Невольников выпускают во двор, и ходят они по двору на воле целый день... Крепость и ту на этот день отворяют и всех, кто, значит, только пожелает, – всех туда пушают. Такое уже разрешение, стало быть: что хошь смотри».

Герою очерка захотелось побывать в знаменитой тюрьме, и он отправился в путь.

«Катер подъезжает к пристани. Мы выходим на крохотный клочок берега, примыкающий к крепостной стене. Почти в самой середине стены высится широкая массивная башня, называемая Государевой. Через эту башню идет ход в крепость. День и ночь ход этот оберегается крепким караулом. Нас пропускают, однако, без всяких процедур и затруднений.

Направо и налево от входа, вдоль крепостных стен, расположены помещения для арестантов и конвоя. Тут же помещаются различные мастерские. Крепостной двор представляет собою маленькую площадку, стиснутую со всех сторон угрюмыми тюремными стенами. На этой площадке располо-

жены церковь, дом коменданта крепости, разные службы и другие постройки, в которых помещаются офицеры, доктор, священник и т.д. Зеленъ газонов и небольшие группы деревьев, расположенные между постройками, не в состоянии смягчить тяжелого впечатления, навеваемого общим видом тюремных стен и башен.

Все приехавшие на катере направились в церковь. Но оказалось, что мы опоздали: обедня уже окончилась, и священник вместе с явленной иконой уехал в город для участия в крестном ходе. Нас встретил лишь один церковный сторож...»

Дальше идет рассказ о том, как герой осматривает тюремные помещения и слушает рассказы тюремщиков-экскурсоводов.

«Мы приблизились к крепостной стене. В середине ее, начиная от поверхности земли, выделялось довольно большое отверстие полукруглой формы. От него шел спуск вниз – узкая лестница со ступеньками из белых плит вела в глубь земли. Вокруг на земле лежали груды старого кирпича и камня. Спустившись по лестнице вниз, мы очутились на дне подземелья, представлявшего собою довольно просторную комнату со стенами, выложенными кирпичом.

– Это подземелье, ход и лестница – все это было замуравлено. Только недавно их очистили от кирпича и камня... Обратите внимание на кладку кирпича в этих стенах. Замечаете ли вы, что в середине стен кладка имеет совершенно дру-

гой характер, чем в остальных местах? Даже кирпич другой. Ясно, что здесь существовал когда-то ход, который был замуравлен впоследствии. Постучите сюда палкой. Слышите? Звук совершенно другой, чем в остальных местах, – точно там, дальше пустое пространство. Может быть, там-то и существовали те подземные камеры, о которых рассказывают легенды. Недаром же почти все убеждены, что здесь существовали пытки. Многие, осматривая казематы, ищут следы крови на стенах! Рассказывают, что многих узников держали в течение всей жизни в наклонном положении... Однако здесь так холодно и сыро, что меня пробирает дрожь...

Мы вступили в коридор, чуть-чуть освещенный узкой полоской света, падавшего откуда-то сверху. На нас пахло гнилою сыростью подвала...

Тяжелая дверь, скрипя заржавленными петлями, тихо отворилась...

Представьте себе пещеру – мрачную, потрясающе мрачную пещеру, высеченную в каменной массе, с двумя дырами, просверленными в этой массе. Эти дыры заменяют окна. Они сделаны так высоко, что даже стоя на полу, или, вернее, на дне этой пещеры, вы не в состоянии что-нибудь видеть в эти окна. Но если бы даже вам удалось заглянуть в необыкновенно глубокие оконные ниши, то вы не увидели бы ничего, кроме позеленелых стекол в толстых переплетах рам да еще более толстых и частых железных решеток. Луч солнца вовеки не проникнет сюда, не осветит, не разгонит вечного

мрака, вечных сумерек, что ступились в темных углах этой «кельи». Смертью и гробом веет от стен и сводов этого подвала. Вы испытываете ощущение, какое овладевает человеком, попавшим в могильный склеп. Как далеко кажутся отсюда та жизнь, те люди, тот мир, среди которых вы только что жили и действовали!

Сыростью, затхлою гнилью насквозь пропитан спертый воздух. Дух спирает от этого воздуха, легкие отказываются работать. Перед глазами встают зеленые круги и пятна...»

Интересно, что брошюра Александра Степановича Пругавина, описывающая Шлиссельбургскую крепость накануне появления там народовольцев, вышла только четверть века спустя, накануне освобождения из крепости последних членов «Народной воли».

Осталось тогда в крепости всего несколько эсеров.

Эсер Григорий Гершуни назвал прощание с народовольцами сдачей крепости: ««Народная воля» сдавала крепость своей преемнице, Партии социалистов-революционеров...»

Он же сказал тогда прочувствованную речь: «Не в традициях русских революционеров взаимные излияния чувств. Но необычность настоящего момента, неизвестность, увидимся мы или нет, обязывают нас высказать вам хоть часть того, что сказать должно было бы.

Партия социалистов-революционеров считает себя духовной наследницей «Народной воли». Мечтой и стремлением пионеров ПСР было вдохнуть в молодую партию тот дух ре-

волюционной стойкости, гражданского мужества и беззаветной преданности народному делу, которым так сильна была «Народная воля» и который покрыл ее такой неувядаемой славой. Вы – последние могикане пленной, разбитой партии. Сегодня ее старая гвардия, отслужив все возможные и невозможные сроки, оставляет Шлиссельбург и передает нам, молодым солдатам молодой партии, свое знамя.

Помните: мы знаем, что то знамя облито кровью погибших здесь товарищей. Мы знаем, что оно переходит к нам чистым и незапятнанным, что таковым же мы должны его сдать нашим преемникам, если таковые еще, к несчастью, будут. И мы надеемся, что эта задача окажется нам по силам.

Уходя отсюда, вы, восемь человек, уносите 203 года тюремного заключения. Ноша чудовищная, почти невероятная. И если вы под тяжестью ее не пали, товарищи, вы честные, надежные носильщики. Вот чувства, волнующие сегодня нас, остающихся, и тех, которые ждут вас там, за стенами этой тюрьмы...»⁵⁰.

После этого, когда увезли и эсеров, снова можно стало попасть в крепость на экскурсию, пока в 1907 году не началось здесь строительство новой каторжной тюрьмы.

Так что не очень-то и долго в Шлиссельбурге, как выразился герой очерка А.С. Пругавина, двери отворяли для «всех, кто, значит, только пожелает...»

Впрочем, для нас сейчас существеннее свидетельство

⁵⁰ Гершуни Г. Из недавнего прошлого. – М.: Земля и воля, 1917. – С. 197-199.

А.С. Пругавина, что Шлиссельбургский чудотворный образ Казанской Божией Матери находился в крепости перед прибытием туда народовольцев...

6

Шлиссельбургский образ Казанской иконы Божией Матери находился в крепости и тогда, когда привезли в Шлиссельбург нового вечника – Варфоломея Стояна (Чайкина).

После приговора суда в Казани Варфоломей Стоян отбывал наказание в мариупольской тюрьме, но вскоре бежал оттуда посредством подкопа. Считается, что он принимал участие и в революционной смуте, укрывая бунтовщиков и занимаясь вместе с ними грабежами и налетами. После завершения смуты 1905 года Варфоломей Стоян был схвачен при подстроенном полицией фиктивном ограблении ювелирного магазина в Ярославле. Его снова судили, и теперь он был помещен в Шлиссельбургскую крепость на пожизненную каторгу.

Совпадение поразительное.

Столь близкое соседство Шлиссельбургского чудотворного списка Казанской иконы Божией Матери и человека, уничтожившего чудотворный первообраз Казанской иконы, создает столь сильное драматургическое напряжение, что, перебирая документы, испытываешь ощущение, будто читаешь чью-то пьесу.

Вот, например, допрос Варфоломея Стояна в Шлиссельбургской крепости жандармским подполковником Михаилом Васильевичем Прогнаевским.

Допрос этот состоялся в 1912 году и был продиктован теми сомнениями, которые появились после расследования преступления и суда в Казани.

Повод к сомнениям дал сам преступник.

И.П. Вороницын пишет, что Чайкин по прибытии в Шлиссельбург был посажен в общую камеру: «Начальство наше не думало, да и не считало себя вправе выделять его за его «страшное» преступление».

Однако Чайкина это не устраивало, и он решил вступить в новую жутковато-подлую игру.

«Кажется, сам Чайкин, желая добиться воли, написал о том, что подлинную икону он не сжег, как утверждал это сначала и как – несомненно, правдиво – рассказывал это потом и нам, а спрятал в одном ему доступном тайнике, откуда он соглашался извлечь ее и дать в руки верующим, если ему будет гарантировано помилование.

Помнится, так это и было.

И вот началось посещение Чайкина разными духовными и светскими начальниками, поведшими с ним торг... Его перевели в одиночку, лишив всякой возможности общения с другими заключенными. Изредка, впрочем, нам удавалось переписываться с ним, несмотря на чрезвычайную строгость

надзора»⁵¹.

Потом Варфоломей Стоян отказался от своего заявления, объявив, что похищенная икона сожжена, но Михаил Васильевич Прогнаевский просто не мог уразуметь, как это профессиональный церковный вор решился сжечь икону, зная, что староверы (и не только староверы!) заплатят ему за чудотворный образ гораздо больше, чем стоят все содранные с иконы драгоценные камни. Нет! Профессиональный грабитель не мог уничтожать то, что должно было принести самые большие деньги... Об этом и расспрашивал Михаил Васильевич вечника Стояна (Чайкина). Варфоломей Стоян подробно поведал жандармскому подполковнику, как он вынул в церкви из киотов иконы Божией Матери и Спасителя и передал икону Спасителя стоявшему настороже у двери Комову, а икону Божией Матери спрятал у себя на животе под поясом...

Да, он был в пиджаке, и было не видно, что он несет за пазухой...

Да, в дом Шевелягина они шли с Комовым разными путями...

Дома на кухне он выложил принесенный образ на стол и начал сдирать «юбки» с иконы. Он содрал с иконы верхнюю матерчатую ризу с драгоценными камнями, а затем снял и золотую ризу.

⁵¹ *Вороницький І.П. Из мрака каторги 1905-1917. – Харків: Державне видавництво України, 1923. – С. 125-126.*

Ну а потом он расколол чудотворный образ и сжег его.

– Зачем? – спросил Прогнаевский. – Ведь вы могли получить огромные деньги за икону!

Ответ прозвучал как будто из романа Ф.М. Достоевского «Бесы».

– Я хотел узнать, господин начальник, действительно ли икона чудотворная, – цепко глядя на полковника, сказал Варфоломей Стоян. – Если Бог есть, он не даст ее уничтожить, а меня разорвет в куски. А если даст, то и Бога нет. Видите, как я сумел доказать небытие Божие!

В этой сцене, достойной пера Федора Михайловича Достоевского, открывается и еще один мистический план.

Исследователи уже обращали внимание, что 28-летний Варфоломей Андреевич Стоян на своих фотографиях чрезвычайно похож на Владимира Ильича Ленина, снявшегося после возвращения из сибирской ссылки.

Такой же высокий лоб, переходящий в лысину, такая же бородка клинышком, такой же овал лица и цепкий взгляд!

Впрочем, тогда, в 1912 году слишком малоизвестен был Владимир Ильич, и едва ли жандармский подполковник вспомнил его, глядя на вечнокаторжного Стояна.

Это разве только перед расстрелом в 1918 году мог Михаил Васильевич Прогнаевский задуматься о диковинном сходстве вождя мирового пролетариата с церковным вором, убийцем великой русской святыни, в лицо которого вглядывался он, допрашивая его в Шлиссельбургской крепости

А вот Г.К. Орджоникидзе, который вернулся в Россию после VI (Пражской) Всероссийской партийной конференции и которого уже 5 ноября 1912 года в ножных кандалах доставили в Шлиссельбургскую крепость и поместили в четвертый тюремный корпус, где сидел и церковный вор Варфоломей Стоян, мог заметить его сходство с Лениным и в 1912 году.

Как бы то ни было, но политические уважительно относились к уголовнику Стояну.

«Чайкин же отличался несомненным природным умом, укрепленным немалой начитанностью, элементарной арестантской честностью и огромной выдержкой. Это был человек со стальной волей, – пишет в своих воспоминаниях И.П. Вороницын. – Начало его истории покрыто мраком. Что толкнуло этого несомненно хорошего человека на уголовную карьеру? Эта загадка всегда меня интересовала. Когда я в одной из записок, которыми мы обменивались, задал ему этот вопрос, он даже не попытался ответить на него. Но несомненно, что и на его совести тяготела не одна невинно загубленная жизнь. Уже не знаю, откуда это взяли надзиратели, но они в один голос утверждали, что на своем веку Чайкин убил 20 человек. Как бы там ни было, но в этот раз Чайкин

был осужден на 30 лет каторги по совокупности, а он был уже далеко не молодым человеком – ему было около 50 лет. И по рассказам о нем, и по его собственным немногим словам было видно, что он давний тюремный сиделец, знавший и Сахалин, и Сибирь.

По наружности своей он совсем не походил на преступника-рецидивиста. Это не был тип, излюбленный Ламброзо и его школой. Выше среднего роста, стройный и пропорционально сложенный, с благообразным лицом старообрядца-великоросса, с живыми карими глазами, плавной и связной речью, совсем не уснащенной трехэтажной матерщиной»⁵².

Впрочем, уважение это было связано, конечно, не только с внешним обликом Стояна.

И будущий директор института «Советская энциклопедия» Федор Николаевич Петров, и будущий организатор советской власти в Карелии Петр Федорович Анохин, и даже сам Владимир Осипович Лихтенштадт, который изготовил в динамитной мастерской взрывные снаряды для массового убийства на даче П.А. Столыпина, прекрасно понимали, что нанести более страшный удар по России, чем нанес уголовник Стоян, они не в состоянии.

С нескрываемым восхищением пишет о Варфоломее Сто-

⁵² Вороницьин И.П. *Из мрака каторги 1905-1917.* – Харків: Державне видавництво України, 1923. – С. 125-126.

яне в своих воспоминаниях В.А. Симонович⁵³.

«В третьем корпусе сидел еще один известный уголовный каторжанин, по фамилии Чайкин, имевший в совокупности 43 года каторги. Этот Чайкин по количеству преступлений и смелых побегов был на особом положении у здешней администрации. До шлиссельбургской каторги Чайкин долго в тюрьмах не засиживался, а, как говорят на уголовном жаргоне, нарезал винта – бежал. Откуда только он не бежал!

Бежал он с Сахалина, из разных губернских тюрем, пуская в ход смелость и ловкость, а когда нужно было – и хитрость. Один раз бежал он, будучи вызван следователем на допрос. Видя, что надзиратель отвернулся, он снял с вешалки и надел на себя пальто и фуражку следователя – и как ни в чем не бывало направился к калитке. Привратник, приняв Чайкина за следователя, взял под козырек и выпустил его на свободу.

Много способствовал совершению таких побегов и наружный вид Чайкина. Это был солидный мужчина: лет 42-43, выше среднего роста. Широкоплечий, коренастый, с умным симпатичным лицом. С окладистой рыжей бородой. Походка, манеры, поведение – все было у Чайкина солидно. Глядя на него, невольно возникало недоумение, как мог такой человек совершить столько преступлений и побегов.

Специальностью Чайкина были по преимуществу церковные кражи. Последней была знаменитая кража иконы Казан-

⁵³ Симонович В.А. *В новом Шлиссельбурге*. – М.: Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934. – С. 128-129.

ской Божией Матери, с которой он снял все драгоценности, а доску бросил в печку и сжег.

Это дело в свое время вызвало много шума в духовном мире. К Чайкину приезжали митрополит, известная ханжа Воронова и прокурор с увещанием отказаться от своих показаний на следствии, где он говорил, что сжег икону. У них была цель – создать новую такую же икону и объявить населению, что икона Казанской Божией Матери вновь появилась. Чтобы уговорить Чайкина, ему были обещаны все земные блага, вплоть до освобождения. Но Чайкин, как человек твердый, решительный, не верующий ни в Бога, ни в черта, категорически заявил, что он икону разрубил топором, а щепки бросил в печку и сжег.

Сидел он в третьем корпусе изолированно от всех. На дверь его одиночки повесили два замка, ключи от которых хранились в конторе, а ключ от форточки, через которую передавали пищу, находился у старшего надзирателя, присутствовавшего при ее раздаче. На прогулку и в баню Чайкина водили одного и только тогда, когда все уже отгуляют или вымоются, оставляя ему меньше времени. Перестукиваться и общаться с соседними одиночками он не имел никакой возможности, ибо администрация всегда старалась соседние с ним одиночки держать свободными, а если за неимением мест и сажали кого-нибудь рядом с ним, то всегда из сучьего кутка, с которым Чайкин ничего общего иметь не хотел. И так проходили для него дни, месяцы и долгие годы – в со-

вершенном безмолвии и одиночестве.

Чайкина не били, не калечили, не ругали, но из него каждый день методически высасывали кровь – капля за каплей. Он гас медленно, но верно – угасал и таял, как восковая свеча. Он не кричал, не стонал, не просил и не ждал пощады. Он знал, что это ему за икону Казанской Божьей Матери и живым из этой крепости ему уже не выйти.

Чайкина я имел возможность видеть через форточку во время раздачи пищи, ибо я сидел против его камеры. Впервые я увидел его в 1912 году. Тогда он был еще совершенно здоров, без всяких признаков болезни. Но постепенно, незаметно для самого себя Чайкин таял. Случалось мне не видеть Чайкина две-три недели, и после этого я всегда обнаруживал новые признаки его болезненного состояния».

Вероятно, если бы Варфоломей Стоян не растаял, как восковая свеча, и дожил до февраля 1917 года, он был бы среди бандитов, заполнивших тогда улицы Шлиссельбурга.

И кто знает, не потянуло ли бы его снова доказывать небытие Божие – к шлиссельбургскому чудотворному образу Казанской иконы Божией Матери...

Но этого, к счастью, не случилось.

«Особенно резкую перемену в его здоровье я заметил в начале 1914 года, – свидетельствует В.А. Симонович. – Раньше через форточку Чайкин со мной всегда вежливо и веселым тоном здоровался, стараясь уловить из случайных разговоров что-нибудь новое. Теперь он выглядел совершенно

апатичным и на мое «Здравствуйте, товарищ Чайкин!» ничего не ответил, как это было раньше, устремил на меня удивленные глаза, стараясь припомнить, кто я и как я сюда, в этот корпус попал.

В 1914 году Чайкин окончательно заболел. Нервная система у него настолько разрушилась, что он стал требовать перевода в больницу и начал ругаться с надзирателями. Начальник, однако, запретил брать его в больницу, а посадил больного на месяц в башенный карцер. Там он лежал с повышенной температурой, не поднимаясь с нарки, не ел, не пил, и оттуда его, почти без чувств, вынесли на носилках в больницу, где он и умер».

Произошло это в 1915 году.

Говорят, что перед смертью Варфоломей Стоян, подобно повешенным в Шлиссельбурге бомбометателям, отказался от исповеди и причастия...

8

Ну а Шлиссельбургская икона Казанской Божией Матери уцелела и после пожара, который устроили на острове в феврале 1917 года освобожденные из тюрьмы бандиты.

Последнее упоминание мне удалось найти в дневнике народовольца Ивана Павловича Ювачева, видевшего чудотворный образ 15 (28) июля 1930 года. «Встал в четыре часа утра, – пишет в своем дневнике Иван Павлович. – Обедня

на Афонском подворье. Поехал на Смольную пристань, где встретил из дома отдыха экскурсантов. В восемь с половиной часов пароход с нами отправился по Неве. Сначала я сидел в нижней палубе и пил чай, потом – наверху. Пристали к городу. Я сбегал в городской собор, в его часовню и приложился к копии иконы Божией Матери Казанской. Мне сказали, что подлинная икона из крепости – в старой часовне на берегу, но я поспешил на пароход, который вскоре отправился в крепость. Как только мы вышли на берег, то бросились на траву и стали яростно закусывать хлебом, огурцами, маслом, свежими рыбными консервами. Затем – осмотр тюрем. Я побывал в своей камере № 23, потом был в церкви Иоанна Предтечи, где выставлены наши портреты... Я уехал раньше других в город Шлиссельбург на военном катере, чтобы побывать в часовне на берегу, где Казанская чудотворная икона...» Иван Павлович изучал в эти годы иконографию Божией Матери, и Шлиссельбургский чудотворный образ интересовал его и с этой стороны, но, безусловно, он не мог не думать и о том духовном преображении, которое произошло с ним рядом с этой иконой... Об этом преображении говорил тогда, в праздник Казанской иконы Божией Матери будущий священномученик Григорий (Лебедев), епископ Шлиссельбургский: «Мне хотелось бы указать на существенную ошибку, которую делают хорошие христиане, к каковым я и обращаюсь. Эта ошибка – нарушение закона спасения, ведущее за собой нарушение правильности пути. Вот отчего все бы-

вают улыбки, отчего у вас все потеряно, все исчезло, надо начинать сначала.

Все происходит от нарушения основного закона спасения человека – непрерывности напряжения душевных сил на пути спасения. Напряженная устремленность должна быть все время. Не может быть так: я устал, отдохну немного, а потом продолжу дело спасения... Вы часто жалуетесь духовникам на топтание на одном месте, на то, что в деле спасения ничего не выходит. Происходит это вот отчего. Вы поднимаетесь в духовной жизни на три ступеньки и думаете: отдохну немного, а потом буду подниматься дальше. Нет, запомните, что в деле спасения сие невозможно. Едва вы остановитесь, сказав себе: я человек мирской, мне можно немножко и разрешить себе, так сразу спуститесь не на одну ступеньку вниз, а на все три сразу, так как едва грех войдет в душу, он ее тотчас же опустошает. Душа становится пустой, и она тотчас же теряет все, что приобрела.

Вот отчего апостол Павел в своем послании говорит, что если ты согрешишь в одном, то ты повинен во всех грехах. В духовной жизни не бывает так, чтобы мы опускались постепенно, с одной ступеньки на другую. Нет, происходит то, что вы падаете сразу на три ступеньки и опять оказываетесь на первой ступеньке, и опять надо начинать сначала. Запомните это, и пусть в ваших маленьких жизнях в миру будет хоть и медленный, но непрерывный подъем и духовный рост под покровом Царицы Небесной».

Таким непрерывным подъемом и духовным ростом была вся жизнь священномученика Григория (Лебедева), епископа Шлиссельбургского. Этим же принципам старался следовать в своей жизни и бывший заключенный Шлиссельбургской крепости, вернувшийся к православным ценностям, – бывший народоволец Иван Павлович Ювачев.

И вот читаешь его воспоминания и думаешь, что возникшая из огня Казанская икона Божией Матери в огонь и уходит, разойдясь по чудотворным спискам, а Шлиссельбургский образ ее возникает из каменной стены и снова исчезает в стене нашего отчуждения от родного, в каменном мраке нашего неверия...

9

Увы... Так и было.

Перелистывая подшивки местных газет за 1930-е годы, видишь, как в атеистическом гвалте теряются, исчезают следы Шлиссельбургского списка Казанской иконы Божией Матери.

Позолоченная риза, с жемчугом и драгоценными камнями, давно уже была содрана с нее, а саму икону, чтобы спасти ее от дальнейшего поругания, перевезли в часовню деревни Марьино. Сейчас это поселение слилось с Кировском, а тогда, во время войны, находилось невдалеке от юго-западной окраины Шлиссельбурга.

О дальнейшей судьбе иконы известно со слов жительницы Кировска Зои Сергеевны Уваровой, которой в начале войны было восемь лет.

Зоя Сергеевна запомнила, как крестная подталкивала ее в часовне к иконе, показавшейся ей просто темной доской. Запомнила она и артолет, который начался 21 ноября 1941 года, в Михайлов день.

Загорелись тогда дома в Марьино, загорелась часовня, где находилась чудотворная икона.

Крестная вместе с матерью Зои Сергеевны вытащила икону из горящей часовни и спрятала на огороде.

Вскоре после артолета немцы выгнали всех жителей из дома и погнали копать траншеи. Работа продолжалась с утра до позднего вечера. За каторжный труд выдавали несколько ложек баланды и ломтик хлеба.

Жили в землянке, сооруженной в воронке от снаряда, на берегу ручья, километрах в пяти от своего дома в Марьино, который немцы уже раскатали на сооружение блиндажа.

Сейчас, хотя уже и миновало 70 лет после войны, окрестности сильно напоминают военную пору. Рядом с тем местом, где находились землянки, – заброшенный поселок. Там двухэтажная хрущоба с выбитыми стеклами и вывеска: «Пейнтбол. Клуб «Блокада»».

Тут и жила со своей матерью и крестной восьмилетняя Зоя Сергеевна Уварова.

Сейчас здесь могилы вокруг.

Возле одной Зоя Сергеевна остановилась.

– Соседские ребята тут похоронены... – сказала она. –

Отравились тогда, в войну...

– Отравились?!

– Ага... Немцы крыс у себя в блиндаже травили, а они поймали отравленную крысу и съели.

На Рождество крестная уговорила мать пойти забрать спрятанную на огороде икону.

Зоя Сергеевна запомнила, что возвращались они – везли икону на санках – уже в темноте, когда наступил комендантский час.

Вообще-то в самом Шлиссельбурге вечером и ночью никто не имел права показываться на дороге. В жителей, задержавшихся после установленного часа, стреляли без предупреждения.

Известна история жительницы Шлиссельбурга Кузнецовой, которая шла от своей соседки на шесть минут позднее, чем полагалось.

– Руки вверх! – скомандовал патруль, подошел к женщине и ударом приклада сбил ее с ног.

Спустя несколько часов в квартиру Кузнецовых явились гестаповцы. Они увели женщину с малолетними детьми в комендатуру. Через час вся семья была расстреляна.

Об этом и мать, и крестная знали, но деваться было некуда.

Они тащили санки с иконой мимо немецких постов, мимо

лающих овчарок.

Зоя Сергеевна запомнила и немецких овчарок, и самих немцев с автоматами, и оглушительный страх, который испытывали и она, и крестная, и мать, когда немцы направляли свои фонари на них, но – странно! – так и не остановили, словно и не видели их.

Что это, если не чудо?

Икона вместе с двумя женщинами и девочкой-ребенком прошла мимо всех немецких патрулей с овчарками...

Потом икона стояла в землянке.

И еще одно было чудо от нее.

Мать пошла поискать еды, и вот уже наступила ночь, а мать все не возвращалась.

Крестная велела тогда Зое Сергеевне стать на колени перед иконой и молиться.

И сама встала рядом.

Тогда и увидела восьмилетняя Зоя Сергеевна иконный лик Богородицы, проступивший из темноты иконной доски.

Потом оказалось, что мать задержали немцы, приняли за партизанку и решили, как она потом рассказывала, расстрелять ее. И мать ждала расстрела и, вспоминая их, молилась, но тут ее увидел немецкий офицер, который часто бывал в блиндаже рядом с их землянкой.

– Нет! – сказал он. – Она не партизанка... Она живет в землянке с детьми.

И мать отпустили.

Я слушал этот бесхитростный рассказ Зои Сергеевны, стоявшей у могильной оградки, за которой лежали съевшие отравленную немцами крысу дети, и думал о том, что и уходя в землю, икона, явившаяся из церковной стены в горящей Шлиссельбургской крепости, продолжала творить великие чудеса.

А потом, как рассказала Зоя Федоровна, всех их посадили в вагоны, в которых возили торф, и повезли в Псков.

Здесь, в концлагере они и дождались конца войны, а когда вернулись назад, на месте землянок нашли только руины. Иконы уже нигде не было. Более упоминаний о Шлиссельбургском образе Казанской иконы Божией Матери обнаружить пока не удастся.

Можно по-разному относиться к трактовкам нынешнего праздника Казанской иконы Божией Матери, которые сочиняют различные политики, но независимо от тех глупостей, которые порою звучат, неизменной остается высокая духовная наполненность праздника.

Такое ощущение сейчас, что, подобно девочке Матроне, дочери казанского стрельца, мы стоим среди углей братоубийственного пожара Октябрьской революции и ельцинского Дня согласия и примирения с бесстыдным ограблением всей России...

И вот среди черных углей – завернутая в вишневое сукно икона.

Это и есть нынешний праздник.

Это уже не только праздник иконы.

Это праздник-икона, неведомо каким чудом явившийся нам посреди разгула русофобии.

Этот праздник подобен той иконе, которая была обретаена на казанском пожаре. А сами мы подобны пожилому священнику Ермолаю, поднявшему эту икону из углей.

И сумеем ли мы превратиться из Ермолаев в Гермогенов, зависит не только от обретенной Божиим чудом иконы-праздника, но и от нас самих, от нашей веры в возможность спасения и обретения России!

И когда смотришь на бронзовых солдат, вставших в развалинах храма Иоанна Предтечи, понимаешь, что есть некий высший смысл в том, что сейчас с днями 70-летия победы в Великой Отечественной войне сливается 400-летие Шлиссельбургского чудотворного образа иконы Казанской Божией Матери.

Казанская икона из огня возникает и в огонь уходит, разойдясь по чудотворным спискам...

Шлиссельбургский список возник из каменной стены и исчезает в убогой военной землянке, но кто знает – может быть, и он возвратится из какого-то пока еще неведомого нам укровища.

V

ЭПИЛОГ

Вот и завершается наша книга о героической обороне Шлиссельбургской крепости, которую немцам не удалось одолеть, потому что стены ее, сложенные из семи веков русской истории, оказались прочнее, чем мощь немецкой артиллерии и авиации...

21 ноября 2010 года в крепости Орешек города Шлиссельбурга зазвучало церковное пение. Падали с серого неба снежинки, ледяным холодком тянуло с Ладоги, на развалинах храма Рождества святого Иоанна Предтечи состоялась первая за последние 90 лет литургия. Совершили ее недавно назначенный настоятелем храма Рождества Иоанна Предтечи игумен Евстафий (Жаков) и иеромонах Украинской православной церкви Московского патриархата Гавриил (Коневиченко).

За спиною игумена Евстафия (Жакова) уже три поднятых из руин храма: храм Иоанна Предтечи в Старой Ладоге, храм Петра и Павла в Знаменке, храм святой равноапостольной княгини Ольги в Михайловке. Еще два храма возрождены им в Карелии.

Храм Рождества Иоанна Предтечи в Шлиссельбурге – уже шестой в этом списке.

Не так уж и много найдется в России мест, подобных этому продутому студеными ладожскими ветрами островку...

Петр I переименовал вставшую в истоке Невы крепость в Шлиссельбург – «ключ-город», объявляя тем самым, что этим ключом он открывает для России выход к Балтийскому морю.

Однако новая, придуманная Петром I профессия крепости оказалась ненужной русской истории, потому что не прошло и полгода, как сломан был сам шведский замок. В устье Невы тогда началось строительство Санкт-Петербурга, и хотя Шлиссельбург укреплялся все эти годы, никакого участия в боевых действиях он уже не принимал.

Прошло более полутора десятков лет, прежде чем Петр I решил употребить свой «ключ» в тюремных целях.

Переход от воинской доблести к новой специальности нелегко дался старинной русской крепости, и в скрежете тюремного ключа различается нечто большее, чем обыкновенное лишение свободы.

А «город-ключ» продолжал скрежетать, смыкая несмыкаемое, и племянница Петра I, Анна Иоанновна, заточила в крепость членов Верховного тайного совета, которые избрали ее на царство, – братьев Долгоруких и князя Дмитрия Михайловича Голицына. Узником Шлиссельбурга стал потом и любовник Анны Иоанновны, курляндский герцог Эрнест Иоганн Бирон, сделавшийся после ее кончины регентом при четырехмесячном императоре Иоанне VI Антоновиче.

Иоанну VI Антоновичу не повезло больше всех. Он сидел в крепости безымянным колодником и был убит при попытке освободить его. Кровь безвинного страдальца, кажется, впервые обагрила древние камни Шлиссельбурга.

Больше царственных особ в Шлиссельбургскую крепость не сажали.

Теперь узниками цитадели были: участник башкирского восстания Мулла Батырша Алев, убитый при попытке побега; масон, прославленный издатель Николай Иванович Новиков; декабристы Михаил, Николай и Александр Бестужевы, В.А. Дивов, Я.М. Андреевич, А.П. Юшневский, А.С. Пестов, И.И. Пущин, И.И. Горбачевский, М.М. Спиридов, А.П. Барятинский, В.К. Кюхельбекер, Ф.Ф. Вадковский, В.С. Норров, П.А. Муханов, А.В. и И.В. Поджио; поляк Валериан Лукасинский, проведенный в одиночном заточении почти 38 лет; основатель и вдохновитель Общества святых Кирилла и Мефодия Николай Иванович Гулак; известный революционер-народник Михаил Александрович Бакунин; участник заговора Каракозова Николай Андреевич Ишутин; член центрального национального комитета польского восстания 1863 года Бронислав Шварце; народовольцы Н.А. Морозов, М.Р. Попов, М.Ф. Фроленко, В.Н. Фигнер, М.Ю. Ашенбреннер, М.В. Новорусский, Т.А. Лопатин и Л.А. Волкенштейн.

В Шлиссельбурге производились теперь и казни.

10 октября 1884 года у крепостной стены, обращенной к Ладожскому озеру, повесили членов военной организации

«Народной воли» офицеров А.П. Штромберга и Н.М. Рогачева, а 8 мая 1887 года – обвиняемых по делу второго первого марта⁵⁴ А.И. Ульянова, П.Я. Шевырева, В.С. Осипанова, В.Д. Генералова и П.И. Андреюшкина.

«Среди русского народа, – сказал тогда Александр Ульянов, – всегда найдется десяток людей, которые настолько горячо чувствуют несчастье своей Родины, что для них не составляет жертвы умереть за свое дело. Таких людей нельзя запугать чем-нибудь».

И слились эти слова со скрипом ключей, открывающих двери злу и мраку, скопившемуся в шлиссельбургских подземельях, и откликнулся на них гимназист в далеком Симбирске, сказавший: «Мы пойдем другим путем».

Бесконечным и кровавым для России оказался этот путь, и вот нет уже давно ни Российской империи, ни СССР, а все еще не кончается эта мучительно долгая дорога.

– Владыка прещедрый! Слыши слова похваляющихся разорити святую веру православную! Стань в помощь мне! Ты бо еси Бог наш, и на Тя уповаем! – сказал в минуту смертельной опасности для всей Руси святой благоверный князь Александр, собираясь на Невскую битву, и кажется, что только эти слова и способны заглушить недобрый скрежет шлиссельбургских ключей.

⁵⁴ Второе первое марта – в исторической литературе название попытки покушения народолюбцев 1 марта 1887 года на императора Александра III. Покушение народолюбцев на Александра II 1 марта 1881 года завершилось убийством государя.

И вот исполнилось время, и эти слова зазвучали наконец-то и на студеном ладожском сквозняке... И повторил их внучатый племянник повешенного в Шлиссельбурге Александра Ульянова игумен Евстафий (Жаков)⁵⁵. 12 октября 2010 года указом Высокопреосвященнейшего Владимира, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского, игумен Евстафий был назначен настоятелем храма Рождества святого Иоанна Предтечи в крепости Орешек города Шлиссельбурга.

И слушают эти вечные слова первыми вошедшие в разрушенный храм бронзовые бойцы стрелковой роты 1-й дивизии НКВД и 409-й морской батареи, которые, продолжая героическую летопись крепости Орешек, обороняли в годы войны и крепость, и эту церковь.

Почти 500 дней небольшой гарнизон держал здесь оборону, и все эти дни реял над колокольной Иоанновского храма советский флаг, и все эти дни совершалась Божия помощь, о которой в минуту смертельной опасности для Руси говорил святой благоверный князь Александр Невский.

Что-то может не нравиться в превращенном в памятник храме Иоанна Предтечи.

Что-то может не нравиться в нашей истории.

Но это наша история.

Это наш храм.

⁵⁵ Его бабушка Евдокия Александровна Ардашева была двоюродной сестрой братьев и сестер Ульяновых.

История – это не просто даты.

История – переплавленное в наши свершения, наши достижения и наши ошибки и заблуждения. История, если разобраться, во многом и определяет нашу сегодняшнюю жизнь, наши личные судьбы.

И стоишь рядом с бронзовыми защитниками острова, повторяешь слова молитв на развалинах открытого ледяному ладожскому ветерку собора Рождества Иоанна Предтечи – и, кажется, видишь, как начинают подниматься стены собора, как воздвигаются обрушенные купола, как вершится чудо Господне...

VI ШЛИССЕЛЬБУРГСКИЙ СИНОДИК

Абрамьев Осип. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Аксентьев Петр. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Александров Лука. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Архипов И.Ф. Красноармеец. Похоронен в Шлиссельбургской крепости.

Афанасьев А.Н. Лейтенант. Похоронен в Шлиссельбургской крепости.

Бавин Данила. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Бавыкин В.П. Красноармеец. Похоронен в Шлиссельбургской крепости.

Бадаев Федор. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом

Нотебурга.

Барабанщиков В. Комсомолец, артиллерист. Погиб, когда вместе с Барабанщиковым и Винокуровым помогал нашим наблюдателям засечь фашистские минометы. Похоронен в Шлиссельбургской крепости.

Барков Сергей. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Баскаков Иван. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Батурин Тит. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Башмаков Гаврило. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Безчасной Петр. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Беликов Кирилл. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Белобородов. Сержант, тяжело ранен в Шлиссельбургской крепости. После излечения от ранения добился, чтобы его отправили назад в Шлиссельбургскую крепость.

Белоглазов. Лейтенант, опытный и бесстрашный разведчик.

Белош Петр. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Белоусов Терентий. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Беляев Спиридон. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Беляев Федор. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Беляев Павел. Поручик лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Богатырев Иван. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Богданов Гордей. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Борзов Тимофей. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Борзов Семен. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Борзов Яков. Поручик лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Боярский К. Снайпер, отмечен в 1942 году государственной наградой.

Братин Петр. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Бровиков Григорий. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Быстров Иван. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Бычков Федор. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Бузов С.А. Красноармеец. Похоронен в Шлиссельбургской крепости.

Булатов Федор. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Булкин Петр. Рядовой лейб-гвардии Преображенского

полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Бута Яков. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Быков Иван. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Быков Ефрем. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Валбрехт Андрей. Капитан лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Варенихин Клим. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Васильев. Старшина, разведчик.

Васильева Шура. Санитарка. Получив ранение в ногу и плечо, она осталась в санчасти крепости, продолжая ухаживать за ранеными.

Васильев Федор. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Винокуров. Комсомолец, артиллерист, погиб, когда вместе с Барбанщиковым и Калистратовым, помогал нашим на-

блюдателям засечь фашистские минометы.

Власов Василий. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Волобаев Иван. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Волк Иван. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Волох Дмитрий. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Волох Иван. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Воробьев Василий. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Воробьев Леонтий. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Воробьев Иван С. Старшина, командир орудия морской батареи. Вступил по боевой характеристике в партию, погиб во время обстрела. Похоронен в Шлиссельбургской крепости.

Гаев С.В. Красноармеец. Похоронен в Шлиссельбургской крепости.

Гаст Давыд. Майор лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Гигмонов Аким. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Глазунов Ефим. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Глазунов Константин. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Голев Яков. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Горев. Матрос.

Григорьев П.П. Красноармеец. Похоронен в Шлиссельбургской крепости.

Гришаев Н.П. Красноармеец. Похоронен в Шлиссельбургской крепости.

Гребенкин Степан. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Грызлов Борис. Рядовой лейб-гвардии Семеновского

полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Данилов Иван. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Дбьяков Михайло. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Деделин Ларион. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Демьянов Максим. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Дмитриев-Мамонов Иван. Поручик лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Долинский. Боец, снайпер, в 1942 году за доблесть и мужество отмечен наградой.

Домкин Борис. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Дроздов Иван. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Дубровин Иван. Рядовой лейб-гвардии Семеновского

полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Дубровский Алексей. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Дудырин Мартын. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Евсеев Игнатий. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Едуков Матрос. Гитлеровцы расстреляли его дочь, комсомолку.

Емцов Дмитрий. Поручик лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Ерофеев Иван. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Ершов Иван. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Ефимов Никита. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Ефимов Федор. Рядовой лейб-гвардии Преображенско-

го полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Жданов Тимофей. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Жеребцов Петр. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Жуков Иван. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Заблоцкий Викуль. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Заварзий Иван. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Зайцев Фрол. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Зайцев. Боец морской батареи, член ВКП(б).

Замолнев Федор. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Захаров Федор. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом

Нотебурга.

Зверев Анисим. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Зверев Петр. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Звягин Самойло. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Зеленков А. Красноармеец. Похоронен в Шлиссельбургской крепости.

Зенин И.С. Лейтенант, командир минометного взвода. В ходе наступательных боев он был удостоен звания Героя Советского Союза.

Зерковников Иван. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Зорин Григорий. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Зыков Григорий. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Иванов Евстифей. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом

Нотебурга.

Иванов Иван. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Иванов Павел. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Ивановский Василий. Поручик лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Иевлев Афанасий. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Кабин Иона. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Казаков Семен. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Казаков Федор. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Казимеров Тихон. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Калистратов Н. Сержант, командир 76-миллиметрово-

го орудия, стоявшего в Государевой башне, бывшего по огневым точкам противника на Преображенском кладбище. Комсомолец. Совершил с комсомольцами Барабанщиковым и Винокуровым знаменитую «прогулку» по крепости. Захватив гитару и мандолину, они вышли из укрытий и устроились возле церкви, привлекая внимание немецких наблюдателей. Как только немцы открыли огонь по церкви, бойцы проскочили в другое место, затем начали перебегать из квадрата в квадрат, давая возможность нашим наблюдателям засечь фашистские минометы. Солдаты Барабанщиков и Винокуров при этом погибли, сержант Калистратов был тяжело ранен. После излечения в госпитале приложил немало усилий, чтобы вернуться в крепость. В 1942 году отмечен государственной наградой.

Канашин Иван Иванович. Лучший артиллерист, комсомолец, наводчик расчета орудия «Дуня», комсорг батареи. До прихода в крепость он не раз был ранен, но оставался в строю. В крепости И.И. Канашин вступил в Коммунистическую партию.

Каменский Григорий. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Касаткин В.Н. Боец на переправе. Делал до 13 рейсов за ночь.

Катов Григорий. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом

Нотебурга.

Каргалев. Боец на переправе.

Кириллов Андрей. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Климентьев П.С. Наводчик. Умирая, он успел сказать подбежавшему комиссару: «Снаряд там... в орудии». И комиссар подхватил оборвавшуюся команду: «За кровь товарищей – огонь!» Похоронен в Шлиссельбургской крепости.

Клужетов Матвей. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Ковяков А.Е. Красноармеец. Похоронен в Шлиссельбургской крепости.

Козлов С.М. Заряжающий. Похоронен в Шлиссельбургской крепости.

Колбин Егор. Капитан лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Кондаков Илья. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Кондратенко Г.Я. Командир пулеметного взвода, а с декабря 1942 года – начальник штаба гарнизона. Находился в крепости от первого до последнего дня обороны.

Кондратьев Сергей. Рядовой лейб-гвардии Преобра-

женского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Коньков. Матрос.

Конюшкин Николай. Матрос, секретарь комсомольской организации батареи, командир расчета, отличавшегося высокой точностью стрельбы. Огнем его орудия был уничтожен вражеский взвод.

Копылов Павел. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Коржавин Никифор. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Коровин Андрей. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Кортаев Прокофий. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Короткий Аким. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Кортаев Федот. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Косяченко. Боец на переправе.

Котловский Никифор. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Котенев Андрей. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Котенев Семен. Сержант лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Кочаненков Петр Никитич. Лейтенант, командир 409-й морской батареи. В июне и сентябре 1942 года отмечен наградой.

Крюков Петр. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Кудринс Михайло. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Кудрявой Григорий. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Кудрявцев Яков. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Кудряков Андрей. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии присту-

пом Нотебурга.

Кузнецов Серафим. Рядовой, один из зачинателей снайперского движения на Ленинградском фронте. В первые же несколько дней войны уничтожил около двадцати гитлеровцев.

Кузовлев Козьма. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1942 года при взятии приступом Нотебурга.

Кулагин. Матрос, пулеметчик.

Лалин Никифор. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1942 года при взятии приступом Нотебурга.

Лебедев Андрей. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1942 года при взятии приступом Нотебурга.

Лебедев Иван. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1942 года при взятии приступом Нотебурга.

Левченко Степан. Боец, разведчик, снайпер, уничтоживший более двадцати немецких солдат и офицеров. В июне и сентябре 1942 года оказался в числе лучших воинов Орешка, за доблесть и мужество награжденных орденами и медалями Советского Союза. Был ранен, но после излечения вернулся в крепость. Геройски погиб в 1944 году в боях под Нарвой.

Лелнев Тихон. Рядовой лейб-гвардии Преображенского

полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Леонтьев Данил. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Лисицын Савелий. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Лихарев Федор. Поручик лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Лобоз Афанасий. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Лоботков Терентий. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Ломакин Алексей. Сержант лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Лопатин. Наводчик 76-миллиметрового орудия «Дуня», стоявшего в Государевой башне, которое било по огневым точкам противника на Преображенском кладбище. Хорошо изучил этот район.

Лукоренский Козьма. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии присту-

пом Нотебурга.

Лутошный Иван. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Лыков Василий. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Лытков Кондратий. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Любимов Дмитрий. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Львов Иван. Князь. Капитан лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Ляблицов Никифор. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Макаров И.Ф. Красноармеец. Похоронен в Шлиссельбургской крепости.

Мамонтов Василий. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Манзурьев Кондратий. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии при-

ступом Нотебурга.

Мартьянов Василий. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Марулин Валентин Алексеевич. Первый комиссар крепости. В октябре 1942 года переведен из крепости в другую воинскую часть. В июне и сентябре 1942 года был среди лучших воинов Орешка, награжденных за доблесть и мужество орденами и медалями Советского Союза.

Маслов Роман. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Матвеев Пантелей. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Махов Федот. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Медведев Козьма. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Медведев Михайло. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Мейер Кондратий. Майор лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом

Нотебурга.

Минин Никифор. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Мишуров Семен. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Мозалев Иван. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Мордвинов Артамон. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Морозов Алексей Григорьевич. Комиссар 409-й батареи. В июне и сентябре 1942 года был среди лучших воинов Орешка, награжденных за доблесть и мужество орденами и медалями Советского Союза.

Муртазин. Хирург. Работал на острове в исключительно трудных полевых условиях.

Нагаев Иван. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Нагаев Сергей. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Нетужилов Николай. Командир взвода. В июне и сен-

тябрь 1942 года был среди лучших воинов Орешка, за доблесть и мужество награжденных орденами и медалями Советского Союза. По боевой характеристике был принят в партию.

Неустроев Мирон. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Нижегородов Иван. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Никитин Иван. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Никифоров Данило. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Носов Козьма. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Оборин. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Обуладзе Г. Красноармеец. Похоронен в Шлиссельбургской крепости.

Овсянников Григорий. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Овчинников Павел. Красноармеец. Его отца оккупанты сожгли, заперев его в доме.

Орлов В. Матрос.

Осанов Михайло. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Осипов Гаврило. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Оставцов Федор. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Отавин Яков. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Павловский Иван. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Палкин Парфен. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Панков Никифор. Барабанщик лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Панов Василий. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом

Нотебурга.

Панчишин Егор. Пытался поднять восстание на крейсере «Богатырь» в Кронштадте. Осужден на 18 лет каторги.

Папонов Максим. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Паршин Зиновий. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Пахомов. Боец на переправе.

Писарев Иван. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Побегалов Семен. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Подшивалов Афанасий. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Полчанинов Матвей. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Попов И.Д. Красноармеец. Похоронен в Шлиссельбургской крепости.

Попрыгаев Михайло. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии при-

ступом Нотебурга.

Посняков Анисим. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Посников Андрей. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Приезжей Иван. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Путилов Лаврентий. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Путимцев Федор. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Пушкарев Сергей. Боец морской батареи. Фашисты зверски убили в Калининской области его жену, издевались над 11-летним сыном.

Пылаев Ерофей. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Пыхоцкий Григорий. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Радивилов Иван. Рядовой лейб-гвардии Семеновского

полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Ребриков Андрей. Сержант лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Ремезов Антон. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Родионов. Красноармеец, подносчик снарядов.

Романов Иван. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Ротунов Герасим. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Рукин Иван. Капитан лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Русинов. Сержант, комсомолец, командир 76-миллиметровой пушки, которую солдаты называли «Дуней».

Сажин. Сержант, опытный и бесстрашный разведчик.

Сайников Козьма. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Сербин Семен. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом

Нотебурга.

Сергеев Георгий. Рабочий с бумагопрядильной фабрики Штиглица. Осужден Петербургским военно-окружным судом в июне 1910 года.

Сивачев Павел. Парторг морской батареи.

Сивачев. Матрос.

Сидоров Иван. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Следков Фома. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Смолянинов Леонтий. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Соболев Козьма. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Собольков Петр. Снайпер, разведчик.

Соколов Григорий. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Соловьев Дмитрий. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Соловьев В.А. Красноармеец. Похоронен в Шлиссель-

бургской крепости.

Соловьев Кирила. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Сомароков Анисим. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Сорокин Иван. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Соседов Матвей. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Старичков Федор. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Степаненко. Боец. Работал на переправе.

Строилов Александр В. Комендант крепости, гвардии капитан. В декабре 1942 года сменил капитана Стулова. Один из широко известных героев Ленинградского фронта. В июне и сентябре 1942 года был среди лучших воинов Орешка, за доблесть и мужество награжденных орденами и медалями Советского Союза.

Струнин Федор. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Стушкин Тимофей. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Судоплатов Трофим. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Сухарев Ларнок. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Тибеев Яков. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Титов Трофим. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Титов Нестор. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Тихомиров Яков. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Тихонов Савва. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Толанков Агафон. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии присту-

пом Нотебурга.

Тороворов Афанасий. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Траньков Владимир. Ефрейтор, комсомолец. Пулеметчик, на боевом счету которого числилось около шестидесяти фашистов. В крепости Траньков был тяжело ранен разрывной пулей. После выздоровления он вернулся в Орешек и увеличил свой боевой счет.

Трубач Василий. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Туменев Егор. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Тяжев. Офицер. В июне и сентябре 1942 года был среди лучших воинов Орешка, за доблесть и мужество награжден орденами и медалями Советского Союза.

Тяпкин Стефан. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Уланов Агафон. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Ураков Алексей. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом

Нотебурга.

Устиненков Е.А. «Лихой почтарь», как его звали в крепости. Каждый раз рискуя жизнью, он доставлял в крепость газеты, письма, боевую документацию. Два раза тонул, но спасся. Кроме этого, он был отличным снайпером и, находясь в крепости, почти все свободное время охотился за немцами. В июне и сентябре 1942 года был среди лучших воинов Орешка, за доблесть и мужество награжденных орденами и медалями Советского Союза. После войны жил в Ленинграде.

Ушаков Яков. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Фармос Афанасий. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Федотов Иван. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Федосеев Андрей Николаевич. Красноармеец. Родился в 1903 году в Косинском районе Молотовской области. Убит 21 июня 1942 года. Похоронен в Шлиссельбургской крепости возле места казни Александра Ульянова.

Федосов И.З. Красноармеец. Похоронен в Шлиссельбургской крепости.

Федотов Козьма. Рядовой лейб-гвардии Семеновского

полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Филатов Дмитрий. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Фролов Сидор. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Фомин Иван. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Фомин Козьма. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Фролов. Заряжающий расчета орудия «Дуня», лучший артиллерист, комсомолец.

Хабаров Степан. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Харитонов Егор. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Чебалов Иван. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Чеботарев Павел. Рядовой лейб-гвардии Семеновского

полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Чекалин П.Н. Красноармеец. Похоронен в Шлиссельбургской крепости.

Черкасов Матвей. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Черкашенинов Ефим. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Чесноков Иван. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Чириков Василий. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Чистяков Анисим. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Чугунов Николай Иванович. Капитан, первый комендант крепости.

Чумичев А.В. Красноармеец. Похоронен в Шлиссельбургской крепости.

Чурин Фрол. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Шабанов Алексей. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Шапилов Гаврило. Капрал лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Шаров Дмитрий. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Шатаков Степан. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Шатилов Данило. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Шаховский Алексей. Князь. Поручик лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Шевелев Петр. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Шелепень. Матрос. Орудийный расчет его отличался высокой точностью стрельбы и был признан снайперским. В июне и сентябре 1942 года был среди лучших воинов Орешка, за доблесть и мужество награжденными орденами и медалями Советского Союза. Принят в партию по боевой харак-

теристике.

Шемаев Софрон. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Шепелев Михайло. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Щеголев Еремей. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Шкляр Константин. Матрос. Орудийный расчет его отличался высокой точностью стрельбы и был признан снайперским. В июне и сентябре 1942 года был среди лучших воинов Орешка, за доблесть и мужество награжденных орденами и медалями Советского Союза. Принят в партию по боевой характеристике.

Эрнев Кондратий. Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Юрьев Прокофий. Рядовой лейб-гвардии Преображенского полка. Погиб 11 октября 1702 года при взятии приступом Нотебурга.

Яковлев Н.А. Парторг пулеметной роты. Рабочий Кировского завода в Ленинграде. С начала войны пошел добровольцем в народное ополчение и с первых же дней находился в боях. В крепости стал отличным пулеметчиком. По-

лучил ранение, после излечения в госпитале возвратился в крепость.

Яковлев Петр Иванович. Старшина, командир отделения 2 сп. Калининская область, Высоконский район, 1905 года рождения, член ВКП(б). Убит 4 апреля 1942 года. Похоронен в Шлиссельбургской крепости.

Данный синодик составлялся для поминания защитников крепости в храме Рождества Иоанна Предтечи. К сожалению, список этот неполон. И автор, и приход храма Рождества Иоанна Предтечи, и его настоятель игумен Евстафий (Жаков) будут благодарны всем, кто сможет дополнить его.